ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия Лингвистика

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
ОТСУБСТАНТИВНЫХ НАРЕЧИЙ
С СУФФИКСОМ *-WEISE* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ»
С ДРУГИМИ МОДУСНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

2022 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print) 2022 / № 5 ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6. Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2072-8379 (print) 2022 / № 5 ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:
Ощепкова В. В. – д-р филол. наук, проф., МГОУ
Заместитель главного редактора:
Жирова И. Г. – д-р филол. наук, проф., МГОУ
Ответственный секретарь:
Максименко О. И. – д-р филол. наук, проф., МГОУ
Члены редакционной коллегии:
Викулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;
Гринев-Гриневич С. В. – д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);
Епифанцева Н. Г. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;
Карпова О. М. – д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;
Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);
Левченко М. Н. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;
Маслова В. А. – д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);
Николаева О. В. – д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);
Пан Кё Ён – д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);
Пешкова Н. П. – д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;
Прошина З. Г. – д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Скуратов И. В. – д-р филол. наук, доц., МГОУ;
Сулейманова О. А. – д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;
Филиппова И. Н. – д-р филол. наук, доц., МГОУ;
Хухуни Г. Т. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)
ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс серии «Лингвистика»
по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www. vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru);

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 5. – 100 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:
г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru;
сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
"Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic":
Moscow Region State University

Issued 6 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:
V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU
Deputy editor-in-chief:
I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU
Executive secretary of the series:
O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU
Members of Editorial Board:
L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;
S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);
N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;
O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;
Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)
M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU;
V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;
O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);
Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);
N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;
Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;
I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSU;
O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;
I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Assoc. Prof., MRSU;
G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSU

ISSN 2310-712X (online)
ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of the series "Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2022. – № 5. – 100 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:
10A Radio st., office 98, Moscow, Russia
Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru;
sites: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Епифанцева Н. Г., Назарова А. Ю. Онтологический статус понятия «социолект» (на примере британского социолекта “Posh”) 6
Козловский Д. В. Типы взаимодействия категории «эвиденциальность» с другими модусными категориями 15
Ни Лулу, Чжан Маньмань. О стратегии повышения квалификации преподавателей русского языка на примере групп инновационного обучения в бакалавриате Сианьского университета иностранных языков 27
Смертин Ю. Г. Образность языка китайской классической поэзии 36

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Мадинян Е. И. Способы образования терминологических неологизмов в английском языке делового общения 48
Мелькаева Р. В. Окказионализмы как способ реализации лингвокреативности (на материале англоязычного художественного дискурса) 59
Новикова Е. В., Евтугова Н. Н. Моделирование семантических структур тактильного восприятия на примере немецкого глагола *tasten* 66
Первак Т. В. Словообразовательные модели отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise* в немецком языке 78
Шестерина Е. А. Композиционно-содержательное построение выводов в немецких публицистических комментариях 86

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вековищева С. Н., Савченко Е. П. «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» (о международной научно-практической конференции, ИЛИМК МГОУ, 27–28 октября 2022 г.) 95

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

N. Epifantseva, A. Nazarova. Ontological Status of a "Sociolect" Notion (On the Example of British "Posh" Sociolect) 6
D. Kozlovsky. Types of Interaction of the Category "Evidentiality" with Other Modus Categories 15
Ni Lulu, Zhang Manman. On the Strategies of Improving Russian Teachers` Ability: Taking the Undergraduate Excellent Innovation Class of Xi`an International Studies University as an Example 27
Y. Smertin. Figurative Language of Chinese Classical Poetry 36

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

E. Madinyan. Means of Constructing Terminological Neologisms in English for Business Communication 48
R. Melkaeva. Occasional Words as a Way of Realization of Linguocreativity (Based on the English-Literary Discourse). 59
E. Novikova, N. Evtugova. Modeling of Semantic Structures of Tactile Perception on the Example of the German Verb *Tasten* 66
T. Pervak. Word-Formation Models of Substantive Adverbs with the Suffix -*Weise* in German 78
E. Shesterina. Composition and Content of Conclusions in German Opinion Pieces 86

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

S. Vekovischeva, E. Savchenko. Language as a Means of Contacts and Conflicts: Causes and Consequences (International Scientific Conference Held on the 27–28th October 2022) 95

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.28
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-6-14

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПОНЯТИЯ «СОЦИОЛЕКТ» (НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОГО СОЦИОЛЕКТА “POSH”)

Епифанцева Н. Г., Назарова А. Ю.
Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация
Цель: опираясь на отечественную и англосаксонскую лингвистическую традицию, исследовать и уточнить понятие «социолект», выделив его место в диалектологии и проанализировав специфику; рассмотреть другие понятия (регистр, диалект, жаргон, сленг), которыми оперирует социолингвистика, и выявить их взаимосвязь с социолектами. Проанализировать особенности социолектов британского английского языка на примере “Posh”, который широко известен на территории Великобритании как самая престижная разновидность британского английского.
Процедура и методы. В статье представлен аналитический обзор теоретических положений по проблемам социолекта и его отношения к другим социально обусловленным разновидностям языка. В ходе исследования применялись метод сплошной выборки для отбора иллюстративного материала, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.
Результаты. В ходе работы были установлены разные подходы к определению понятия «социолект» как разновидности языка, отражающей социальное происхождение человека, выделены такие основные черты социолекта, как функция маркера идентичности говорящего и обусловленность принадлежностью к определённой социальной общности; представлены отличительные особенности разных языковых уровней социолектов британского английского языка на примере социолекта “Posh”.
Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты представляют научный интерес для теории языка (диалектологии, истории языка, языковой ситуации и языковых контактов); практически могут быть использованы при разработке учебных курсов по диалектологии и социальной лингвистике, а также специалистами-диалектологами при систематизации знаний о диалектных особенностях британского варианта английского языка.

Ключевые слова: социолект, диалект, регистр, жаргон, социолект “Posh”

© CC BY Епифанцева Н. Г., Назарова А. Ю., 2022.

ONTOLOGICAL STATUS OF A "SOCIOLECT" NOTION (ON THE EXAMPLE OF BRITISH "POSH" SOCIOLECT)

N. Epifantseva, A. Nazarova
Moscow Region State University
ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract
Aim. To identify and specify the concept of a sociolect and its correlation with other concepts used in social linguistics (such as a dialect, a register, a jargon, and slang), based on domestic and Anglo-Saxon linguistics and terminology. To indicate the specifics of sociolects and to consider the features of the British English sociolects on the example of "Posh" sociolect, which is widely known in the UK as the most prestigious variety of spoken language.
Methodology. The article presents theoretical provisions related to the problems of defining the concept of "sociolect" in relation to other varieties of language identified by social factors. The study used the following methods: comparative, descriptive, as well as the method of continuous sampling for the selection of material.
Results. In the course of the research, different approaches to the definition of the "sociolect" concept were established, and "sociolect" was determined as a language variety of language reflecting social background of the speaker. Such significant peculiarities of a sociolect were highlighted as the function of the speaker's identity marker and the conditionality of belonging to a certain social community; distinctive features of the sociolects of the British English language based on the example of "Posh" sociolect were presented.
Research implications. The results obtained can be of interest for the theory of language (dialectology, language history, language situation and language contacts). They can also be used in the development of study materials in dialectology and social linguistics, as well as by the representatives of linguistic specialties to systematize their knowledge about the dialect features of British English.

Keywords: sociolect, dialect, register, jargon, slang, "Posh" sociolect

Введение

Любой язык мира являет собой многообразие языковых вариантов, обусловленных территориальными и социальными причинами. Социальная диалектология – особое направление лингвистики, изучающее и описывающее вторую группу языковых вариантов, т. е. появившихся в результате социальных различий (см. работы В. Д. Бондалетова «Социальная лингвистика» [1987], В. М. Жирмунского «Национальный язык и социальная лингвистика» [1936], Л. П. Крысина «Социолингвистика» [2001], Б. А. Ларина «О лингвистическом изучении города» [1929], М. М. Маковского «Английские социальные диалекты» [1982], Н. Б. Мечковской «Социальная лингвистика» [2000], Е. Д. Поливанова «Статьи по общему языкознанию» [1968] и др.). Несмотря на большое количество работ, посвящённых исследованию социальных и территориальных диалектов, их сопоставительный анализ не получил широкого освещения в научных кругах. Кроме того, само понятие «социолект» является многозначным и представляет собой определённую сложность для исследователей. Зачастую социолект рассматривается как «совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной – в пределах той или иной подсистемы национального языка» [5, с. 49]. Это вызывает ряд противоречий. В частности, встречаются работы, где данное понятие рассматри-

вают как тождественное для «жаргона»[1], «арго» и «сленга»[2], «диалекта»[3]. В данной статье мы рассмотрим понятие «социолект» и дадим ему определение, сравнив его с другими терминами, использующимися в социолингвистике, – в этом состоит цель работы. Она обусловила ряд задач нашего исследования:

– уточнить специфику понятия «социолект»;

– выявить его место в диалектологии;

– проанализировать особенности социолектов британского английского на примере "Posh".

Самой яркой характеристикой социолекта является его тесная взаимосвязь с определённой социальной общностью людей, объединённых идеологией, родом деятельности или хобби. Кроме того, социолектом можно считать лишь ту разновидность национального языка, которая является маркером идентичности для говорящих. Иными словами, не все социальные разновидности языка могут считаться социолектом из-за того, что не все социальные группы являются тесно объединёнными общим мировоззрением, историей и традициями. Понятия «диалект», «регистр», «жаргон» и «сленг» имеют собственную специфику и не являются взаимозаменяемыми.

Соотношение терминов «диалект» – «социолект»

В англосаксонской социолингвистике понятие «социальный диалект» нередко заменяет «социолект» и встречается в ряде исследований, в том числе Э. Селигмена (E. A. Seligman), Р. А. Хадсона (R. A. Hudson), С. Ромен (S. Romaine), Дж. Холмс (J. Holmes), Дж. Р. Рикфорда (J. R. Rickford), П. Траджилла (P. Trudgill). Так, социальные диалекты определяются как варианты языка, различия которых обусловлены принадлежностью говорящего к той или иной социальной группе, например, определённому социальному классу, этнической группе или возрастной категории[4]. Проводится сравнение между региональными и социальными диалектами, последние заменяются термином «социальный акцент» и служат маркером социального статуса говорящего в обществе [12]. Более того, существует мнение, что каждый диалект «является и региональным, и социальным по своей природе, так как говорящие относят себя не только определённой региональной локации, но и к социальному классу, возрастной группе, этничности» [15, p. 49]. Встречается и более широкое понятие, объединяющее диалекты и социолекты под термином «диалекты», которые являют собой языковые варианты, выделяющиеся словарным составом, особенностями использования грамматики и произношением; они включают в себя речь людей из разных социальных и региональных групп[5].

Однако Дж. Платт [11, p. 28] указывает на неправомерность такого использования, утверждая, что термин «диалект» более уместен для региональных разновидностей языка. Изучением территориальных / региональных диалектов, их соотношения с национальным языком и их описанием занимается лингвогеография – раздел языкознания, рассматривающий диалекты в «пространственном контексте

[1] См., например: Левченко Т. М., Юрійчук Н. Д. Соціолектизми в мові сучасних засобів комунікації (на матеріалі кримінального жаргону) // Закарпатські філологічні студії. 2021. № 20. Т. 1. С. 25–29. DOI: 10.32782/tps2663-4880/2021.20.1.4; Дворак Е. В. К вопросу исследования профессионального социолекта как языковой универсалии // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 2 (8). С. 19–26.

[2] См.: Овчинникова А. В. Понятийный объем терминов, обозначающих социальные диалекты в русской и испанской филологических традициях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 59–68.

[3] Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics; 6th edition. Cornwall: Wiley-Blackwell, 2009. P. 42–43.

[4] Rickford J. R. How Linguists Approach the Study of Language and Dialect. Stanford: Stanford University Press, 2002. 31 p.

[5] Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics; 4th edition. New York: Pearson Education Limited, 2013. P. 489.

с целью выявления взаимоотношений языка и геокультурной среды» [4, с. 36]. Диалект – это «вариант языка, в котором проявляются грамматические и лексикологические различия из-за регионального происхождения говорящего»[1]. Таким образом, он представляет собой разновидность языка, которая систематически используется определённой группой людей, проживающих на одной территории. Так, детская игра в классики в Шотландии называется "peevers" или "beds" вместо стандартного британского "hopscotch"[2].

Один из ведущих британских лингвистов Питер Траджилл предложил термин «традиционные» в отношении территориальных диалектов Великобритании. Он указал, что такое разделение национального языка постепенно теряет актуальность, так как главные различия наблюдаются между северными частями Англии (графство Нортумберленд, Камбрия, Дарем, Северный и Восточный Йоркшир) и Шотландией и остальной территорией Англии [14, p. 17]. Более того, невозможно точно указать количество традиционных диалектов: языковые изменения слишком постепенные и плавные, поэтому они отчётливо заметны только на больших расстояниях. Это делает затруднительным составление диалектных карт Великобритании, так как диалекты не располагаются строго в границах одного графства.

Социолект, напротив, определяется как «разновидность языка, или лект, которая отражает социальное, а не географическое происхождение человека»[3]. То есть социолект используется социальными общностями людей (классами, группами, субкультурами), которые объединены следующими факторами: воспитанием, профессией, образованием, полом, возрастом [10, p. 61]. Среди других объединяющих факторов можно выделить этническую принадлежность и религиозные взгляды [6, p. 106]. Согласно "The Great British Class Survey" BBC (общенациональное социальное исследование) общество Великобритании делится на 7 классов, от элиты до прекариата[4]. Каждый из этих классов использует собственную разновидность национального языка, включая социолекты и диалекты. Деление национального языка на социолекты не противоречит существованию традиционных (территориальных) диалектов, так как социолекты существуют в определённых географических границах и находятся в пределах диалектов. Обе разновидности национального языка тесно связаны между собой, отражая разные аспекты речевой деятельности говорящих. Их объединяет то, что социолект / диалект является языком частного общения, в то время как стандартный английский язык используется в более официальных ситуациях и на письме.

Соотношение терминов «регистр» – «социолект» – «жаргон» – «сленг»

Понятие «регистр» привлекает всё большее внимание лингвистов и часто используется англосаксонскими исследователями. Регистры действительно похожи на социолекты тем, что у обеих языковых разновидностей есть фонетико-фонологические и лексико-грамматические особенности, однако эти понятия имеют свою специфику. Регистр можно определить как «разновидность языка, которая определяется отношением к социальному контексту и является функцией того, чем занят говорящий в данный момент» [9, p. 157]. Социолект, напротив, определяется «своим отношением к гово-

[1] Crystal D. Encyclopedia of the English Language; 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 298.

[2] British Accents and Dialects [Электронный ресурс] // British Library : [сайт]. URL: https://clck.ru/32ZMoG (дата обращения: 28.05.2022).

[3] Trudgill P. A Glossary of sociolinguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. P. 122.

[4] Huge survey reveals seven social classes in UK [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: https://www.bbc.com/news/uk-22007058 (дата обращения: 28.05.2022).

рящему, он является функцией того, кем является говорящий» [9, p. 157]. Иными словами, в отличие от социолекта, регистр относится к речевым ситуациям, а не к говорящим, поэтому он не является характеристикой социальных групп людей. Обе языковые разновидности можно использовать для описания одной и той же ситуации: так, о своём хобби можно рассказать группе единомышленников (здесь будет использоваться диалект) или описать его в сочинении (на соответствующем ситуации регистре) [10, p. 69].

Жаргон представляет собой «более устоявшиеся выражения, доступные для понимания определённого круга лиц» [1, с. 429]. Данной разновидностью языка пользуются профессиональные группы (например, IT-специалисты, физики, фермеры) или люди, имеющие общие интересы или хобби (например, фанаты футбола, любители компьютерных игр). Жаргон является объединяющим группу фактором и помогает эффективнее общаться, так как он адаптируется под профессиональное поле или сферу интересов, однако он малопонятен тем, кто не входит в данную группу. Так, арго – жаргон преступного мира – намеренно сложен для понимания остальных членов общества, его основными функциями считают «криптолалическую (криптическую), репрезентативную (идентифицирующую) и людическую (игровую)» [3, с. 97]. Словарный состав жаргона пополняется путём изменения значения уже существующего в языке слова, созданием аббревиаций, использованием акронимов или созданием новых для языка слов. Например, в жаргоне брокеров встречаются слова “portfolio” (все инвестиции, сделанные инвестором; в стандартном английском слово имеет значение “карьерный портфель”), “IPO” (=“initial public offering”, возможность купить акции непосредственно у компании без посредников). Таким образом, жаргон – выражение словотворчества людей, однако он ограничен только лексикой, в то время как социолект отличается от других разновидностей языка на нескольких языковых уровнях: фонетико-фонологическом, лексическом и грамматическом. Более того, социолект «глубоко интегрирован в языковое общество и помогает определить социальную среду, в которой проживает говорящий» [7, p. 90].

Понятие «сленг» является многозначным и довольно обширным, поэтому определить его место в системе национального языка представляется затруднительным. Можно отметить, что сленг является неформальным по своей натуре и «включает в себя особо экспрессивные нелитературные слова, которые либо находятся в широком употреблении, либо используются представителями конкретных социальных групп, например, политиками» [2, с. 72]. Сленг использует слова-гибриды или слова из стандартного языка с новыми значениями. Например, слово “blueprint” (чертёж) приобрело значение «тот, кто выполнил образцовую работу», а слово “extra” (дополнительный) – «человек, который излишне драматичен». Сленг ищет новые метафоричные значения слов и является выражением словотворчества людей. Чаще всего он ассоциируется с отдельными возрастными группами людей (подростки, молодёжь), поэтому он не используется в официальной среде. Сленг существует на лексическом уровне языка и не служит фактором, объединяющим своих носителей, чем отличается от жаргона и социолекта.

Специфика британского социолекта “Posh”

“Posh” (“U-speak” / “Upper-speak”) – социолект, на котором говорят представители аристократии и члены королевской семьи Великобритании. Он является наиболее престижной разновидностью британского английского языка, важным чертами которого считаются акцент, лексический состав и грамматика.

В области фонетики одним из наиболее ярких акцентологических маркеров

данного социолекта можно считать отношение к поствокальному звуку [r] и особенности произнесения некоторых согласных и гласных звуков. Для "Posh" не характерен поствокальный звук [r] [12, p. 69] и редукция согласного 'h' в начале слова [9, p. 91] или звука 't' в середине слова [11, p. 30]. Представители "Posh", напротив, склонны редуцировать гласные звуки: так, если спросить время у людей с социально низким статусом, они скажут "'alf past ten", в то время как аристократ произнесёт это как "hpstn" («пол-одиннадцатого») [8, p. 30]. Произнесение гласных звуков также считается важным акцентологическим маркером. Например, звук 'i' произносится представителями разных классов по-разному: представители рабочего класса заменяют его на 'oi', аристократы – на 'or' [8, p. 30].

В области лексики взаимосвязь между лексикой и принадлежностью говорящего к тому или иному социальному классу британского общества проявляется как один из самых заметных идентификационных маркеров социолекта. Так, в британском английском некоторые слова закреплены за тем или иным социолектом, соответственно, по их использованию можно определить говорящего как представителя элиты или среднего/рабочего класса.

Один из идентификаторов – использование слова "pardon" («извините»): представители элиты и высшего среднего класса никогда не употребляют в своей речи это слово. При этом переспрашивать услышанное представители высшего среднего класса и аристократы будут по-разному: первые спросят "Sorry?" (или "Sorry – what?"), вторые – "What?". Эта особенность "Posh" нашла своё отражение в творчестве П. Г. Вудхауса, один из персонажей которого – молодой аристократ Берти Вустер – никогда не использует в своей речи "pardon". Другое слово, часто встречающееся в "Posh", – "jolly", которое является строго маркированным и используется для положительной оценки происходящего. Так, оно часто встречается в речи бывшего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона[1]. Эти и многие другие слова позволяют с достаточной уверенностью определить социальное происхождение говорящего.

Особенности социолектов на грамматическом уровне являются весьма важными, так как они влияют на значение слов в контексте и их использование, однако выявить данные особенности сложнее. Зачастую разница между социолектами заключается в их отношении к языковой норме. Так, некоторые исследователи называют "Posh" культивированным, сверхстандартизированным и «бесцветным» из-за его строгого отношения к грамматике [13, p. 75]. Данный социолект отличается своей грамматической правильностью и соответствием языковому стандарту, который считается более престижным и повсеместным вариантом, превалирующим в официальной речи, на письме и в образовании. В менее престижных социолектах отношение к грамматике, напротив, характеризуется меньшей требовательностью: например, формы слова (категории числа существительных, временные глагольные формы, возвратные местоимения) подвергаются изменениям и отличаются большей вариативностью ("fish"/"fishes", "I came/come home yesterday", "I was/were", "themselves" / "theirselves")[2].

Заключение

Проведённое исследование привело к следующим выводам. Доказана ошибочность точки зрения, согласно которой «социолект» и другие смежные понятия («диалект», «регистр», «жаргон») являют-

[1] См.: 'Jolly careful': Boris Johnson uses cautionary metaphors amid vaccine hopes [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://www.theguardian.com/politics/video/2020/nov/23/boris-johnson-uses-cautionary-metaphors-amid-vaccine-hopes-video (дата обращения: 28.05.2022).

[2] British Accents and Dialects [Электронный ресурс] // British Library : [сайт]. URL: https://clck.ru/32ZMoG (дата обращения: 28.05.2022).

ся взаимозаменяемыми. «Социолект» является одним из базовых понятий социолингвистики, это понятие многоаспектно и многозначно, но между смежными понятиями «диалект», «регистр», «жаргон» существуют формальные различия, которые выявлены в ходе исследования и представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Соотношение понятий «социолект», «диалект», «регистр», «жаргон» / Correlation of the terms "sociolect", "dialect", "register", "jargon"

	Социолект	**Диалект**	**Регистр**	**Жаргон**
Чем обусловлен	Принадлежностью к той или иной социальной общности	Территориальным происхождением говорящего	Речевой деятельностью в тот или иной момент	Профессией или хобби
Что выражает	Разнообразие социальной структуры общества	Региональные различия	Разнообразие социальных процессов	Профессиональное поле деятельности / сферу интересов
Языковые уровни	Фонетический, лексический, грамматический	Фонетический, лексический, грамматический	Фонетический, лексический, грамматический	Лексический
Маркер идентичности	да	да	нет	да

Источник: составлено авторами

Таким образом, социолект является прямым выражением разнообразия социальной структуры общества, разделённым на разные социальные классы и демографические группы (по возрасту, полу). Мы считаем необходимым уточнить понятие «социолект» и пояснить, что социолект является социальной разновидностью языка, которая выражена на всех языковых уровнях (фонетико-фонологическом, лексическом, грамматическом) и используется только очень сплочёнными социальными общностями, члены которых рассматривают социолект как маркер своей идентичности. Эта особенность весьма ограничивает использование данного термина, доказывая неправомерность его чрезмерно широкого применения относительно тех разновидностей языка, которые противоречат данному критерию (например, Estuary English).

Исследованная языковая разновидность "Posh" соответствует всем критериям социолекта: он служит индикатором социального статуса говорящего и является следствием иерархичность британского общества: человек, использующий данный социолект, воспринимается слушателями как представитель более высокого класса независимо от своей зарплаты, работы и места проживания. Другие социальные индикаторы (вкус в одежде, декор дома, наличие машины, литературные предпочтения, хобби) являются менее релевантными в сравнении с речью. Это показывает, что Великобритания – страна вербальной, а не визуальной культуры, жители которой внимательно относятся к речи.

Дата поступления в редакцию 13.07.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаева Т. А. Понятие «сленг» и его особенности // Экономика, управление и финансы в цифровом обществе: материалы международных научно-практических конференций (Курск, 05–06 апреля 2022 года). Курск: Курский институт кооперации, 2022. С. 429–432.
2. Воевода Н. Б. Лингвистические особенности американского студенческого сленга // Эпомен: филологические науки. 2022. № 1. С. 71–78.
3. Кузьмина О. А. Поликонстантный анализ французского молодежного арго // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 1 (45). С. 93–99. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.10.
4. Минасян А. А. Эссекский территориальный диалект британского национального варианта английского языка: дис. … канд. филол. наук. М., 2012. 200 с.
5. Очилова А. Сниженная лексика в современном русском языке // Scientific progress. 2022. Т. 3. № 1. С. 47–51.
6. Arhire M. The Translatability of Negative Structures with Sociolectal and Stylistic Value // Revista Transilvania. 2018. No. 11. P. 105–112.
7. Benlakdar M. A Sociolinguistic Exploration of Sociolects in Translation // Altralang Journal. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 88–99.
8. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of the English Behaviour. London: Hodder & Stoughton, 2004. 157 p.
9. Halliday M. A. C. Language as Social Semiotic: the social interpretation of language and meaning. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
10. Lewandowski M. Sociolects and Registers – a Contrastive Analysis of Two Kinds of Linguistic Variation // Investigationes Linguisticae. 2010. Vol. 20. P. 60–79. DOI: 10.14746/il.2010.20.6.
11. Platt J. T. Sociolects and their pedagogical implications (1st ed.) // Regional Language Staff Center Seminars. 1978. Vol. 9 (1). P. 28–38.
12. Romaine S. Language in Society: An Introduction to Sociolinguistics. Oxford: Oxford University Press, 1994. 235 p.
13. Smakman D. Discovering Sociolinguistics: From Theory to Practice. London: Bloomsbury Publishing, 2017. 307 p.
14. Trudgill P. The Dialects of England. New York: John Wiley & Sons, 2000. 168 p.
15. Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics; 5th ed. Cornwall, UK: Blackwell Publishing, 2006. 426 p.

REFERENCES

1. Agayeva T. A. [The concept of "slang" and its features]. In: *Ekonomika, upravleniye i finansy v tsifrovom obshchestve: materialy mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy (Kursk, 05–06 aprelya 2022 goda)* [Economics, management and finance in a digital society: materials of international scientific and practical conferences (Kursk, April 05–06, 2022)]. Kursk, Kursk Institute of Cooperation Publ., 2022, pp. 429–432.
2. Voyevoda N. B. [Linguistic features of American student slang]. In: *Epomen: filologicheskiye nauki* [Epomen: philological sciences], 2022, no. 1, pp. 71–78.
3. Kuz'mina O. A. [Polyconstant analysis of the French youth argot]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2022, no. 1 (45), pp. 93–99. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.10.
4. Minasyan A. A. *Essekskiy territorial'nyy dialekt britanskogo natsional'nogo varianta angliyskogo yazyka: dis. … kand. filol. nauk* [Essex territorial dialect of the British national version of the English language: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2012. 200 p.
5. Ochilova A. [Reduced vocabulary in modern Russian]. In: *Scientific progress*, 2022, vol. 3, no. 1, pp. 47–51.
6. Arhire M. The Translatability of Negative Structures with Sociolectal and Stylistic Value. In: *Revista Transilvania*, 2018, no. 11, pp. 105–112.
7. Benlakdar M. A Sociolinguistic Exploration of Sociolects in Translation. In: *Altralang Journal*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 88–99.
8. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of the English Behaviour. London, Hodder & Stoughton, 2004. 157 p.

9. Halliday M. A. C. Language as Social Semiotic: the social interpretation of language and meaning. London, Edward Arnold, 1978. 256 p.
10. Lewandowski M. Sociolects and Registers – a Contrastive Analysis of Two Kinds of Linguistic Variation. In: *Investigationes Linguisticae*, 2010, vol. 20, pp. 60–79. DOI: 10.14746/il.2010.20.6.
11. Platt J. T. Sociolects and their pedagogical implications (1st ed.). In: *Regional Language Staff Center Seminars*, 1978, vol. 9 (1), pp. 28–38.
12. Romaine S. Language in Society: An Introduction to Sociolinguistics. Oxford, Oxford University Press, 1994. 235 p.
13. Smakman D. Discovering Sociolinguistics: From Theory to Practice. London, Bloomsbury Publishing, 2017. 307 p.
14. Trudgill P. The Dialects of England. New York, John Wiley & Sons, 2000. 168 p.
15. Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics; 5th ed. Cornwall, UK, Blackwell Publishing, 2006. 426 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Епифанцева Наталия Глебовна – доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: ng.epifantseva@mgou.ru;

Назарова Александра Юрьевна – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, ассистент кафедры индоевропейских языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: nazarova.alex@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia G. Epifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: ng.epifantseva@mgou.ru;

Aleksandra Yu. Nazarova – Postgraduate student, Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Assistant Lecturer, Department of Indo-European languages, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: nazarova.alex@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Епифанцева Н. Г., Назарова А. Ю. Онтологический статус понятия «социолект» (на примере британского социолекта “Posh”) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-6-14

FOR CITATION

Epifantseva N. G., Nazarova A. Yu. Ontological status of a “sociolect” notion (on the example of British “Posh” sociolect). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-6-14

УДК 811.111’42:811.111’38
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-15-26

ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ» С ДРУГИМИ МОДУСНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

Козловский Д. В.
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77, Российская Федерация

Аннотация
Цель настоящей статьи – изучение специфики синергетического сцепления категории «эвиденциальность» с модусными категориями «авторизация», «персональность», «темпоральность», «восприятие» в дискурсивном пространстве массмедиа.
Процедура и методы. При проведении исследования используется лингвосинергетический метод анализа дискурса, что позволяет описать синергетическую эвиденциальную модель и выявить полимодальную эвиденциальную семантику, характеризующую анализируемый дискурсивный контекст.
Результаты. Доказано, что эвиденциальность оказывается семантически шире категорий «авторизация», «восприятие» и «персональность» и включает в себя значения указанных категорий. Эвиденциальность также обладает / дополняется значением темпоральности, что позволяет говорить о взаимопроникновении, взаимодополнении или одновременном осуществлении представленных лингвосинергетических принципов.
Теоретическая и/или практическая значимость состоит в возможности использования полученной лингвосинергетической эвиденциальной модели для изучения взаимодействия эвиденциальности с другими модусными категориями, а также при проведении исследования специфики выражения полимодальных смыслов в различных жанрах дискурса.

Ключевые слова: эвиденциальность, модусная категория, дискурс, лингвосинергетика, автор, адресат

TYPES OF INTERACTION OF THE CATEGORY “EVIDENTIALITY” WITH OTHER MODUS CATEGORIES

D. Kozlovsky
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
ulitsa Polytechnicheskaya 77, Saratov 410054, Russian Federation

Abstract
Aim. To study the specifics of the synergetic linkage of the category “evidentiality” with the modus categories “authorization”, “personality”, “temporality”, “perception” in the discursive space of mass media.
Methodology. The research uses the linguistic synergetic method of discourse analysis which makes it possible to describe the synergetic evidential model and to identify the polymodal evidential semantics that characterize the analyzed discursive context.
Results. It is proved that evidentiality turns out to be semantically wider than the categories “authorization”, “perception” and “personality” and includes the meanings of these categories. Evidentiality

© CC BY Козловский Д. В., 2022.

also comprises / is complemented by the value of temporality, which makes it possible to identify interpenetration, complementarity or simultaneous implementation of the presented linguistic synergetic principles.

Research implications consist in the possibility to use the given linguistic synergetic evidential model to reveal the interaction of evidentiality with other modal categories, as well as to study the specifics of polymodal meanings representation in various genres of discourse.

Keywords: evidentiality, modus category, discourse, linguistic synergetics, author, addressee

Введение

В контексте глобальной цифровизации значение информации о происходящих событиях сложно переоценить – она является неотъемлемой частью жизни человека во всех сферах деятельности. Одна из ведущих ролей в такого рода процессах принадлежит средствам массовой информации, которые не просто сообщают те или иные факты, но и связаны с интерпретацией сведений на страницах газет, по радио, телевидению, а также в интернете. Подобная интерпретация во многом носит субъективный характер, что связано с воздействием идеологических установок, современных тенденций и трендов, личных убеждений, ценностей, а также языковой культуры на авторов, осуществляющих анализ газетных отрывков. При этом авторская оценка может проявляться явно или скрыто и реализуется посредством различных модусных категорий, что, в свою очередь, оказывает определённое воздействие на выбор языковых средств. Тем самым функционирование модусных категорий во многом регламентируется и ограничивается языковыми рамками языка. Однако не менее значимая роль принадлежит прагматической установке автора, а также его коммуникативным намерениям. Автор акцентирует внимание читателя на тех или иных событиях, опираясь на соответствующие языковые нормы. Специфика репрезентации модусных значений в языке вызывает повышенный интерес учёных в силу своей сложности и многогранности. Если в недавнем времени основной упор в исследованиях данной проблематики делался на рассмотрении содержания дискурса, то есть на том, что пишут, то теперь фокус внимания сместился на то, как пишут – каким образом читателю передаются данные. Такой ракурс исследования становится возможным благодаря применению лингвосинергетического метода анализа дискурса, позволяющего автору сообщения соотнести передаваемые сведения с их источником и способствующего выявлению сложной совокупности модусных значений, обусловленных прагматикой высказывания.

Объектом настоящего исследования является рассмотрение особенностей функционирования модусной категории «эвиденциальность» в пространстве массмедийного дискурса. Эвиденциальность, изначально рассматриваемая как грамматическая категория, связанная с характеризацией источника передаваемых сведений, приобретает иной статус в русле современных научных исследований и принадлежит к числу модусных категорий [12]. Наряду с указанием на источник информации, функционал эвиденциальности объединяет интерпретацию и коммуникативную оценку сведений автором / субъектом коммуникации и выражается при помощи эксплицитных либо имплицитных языковых средств [10]. К числу эвиденциальных показателей относят модальные вводные слова, глаголы, наречия, прилагательные, существительные, а также ряд устойчивых выражений, формирующие «10 групп эвиденциальных операторов: неявного указания, явного указания, выражения мнения, усиления значимости высказывания, уверенности в знании, сомнения, мыслительной деятельности, умственного восприятия, предчувствия, а также чувственного восприятия» [6, с. 31].

В соответствии с ключевыми принципами синергетики лингвосинергетический метод анализа эвиденциальности репрезентирует способ исследования условий и процесса функционирования данной модусной категории в системе дискурса с учётом конкретной коммуникативной ситуации и в реальных условиях вербального взаимодействия. Помимо этого, обозначенный метод связан с изучением особенностей взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов в результате лингвосинергетического сцепления средств выражения эвиденциальности в дискурсивном пространстве. Актуализация данных принципов предполагает выявление профазы и эпифазы в структуре эвиденциальной клаузы. В рамках профазы и при помощи соответствующего эвиденциального оператора раскрывается коммуникативная цель автора / субъекта коммуникации, а также происходит переход к эпифазе – исполнительному этапу, в ходе которого происходит интерпретация и модификация сведений в зависимости от определённого дискурсивного контекста. Другими словами, лингвосинергетический метод анализа предполагает исследование полимодальных эвиденциальных смыслов, представляющих прагма-семантическое целое и формируемых лингвистическими средствами в определённом контексте.

Тем самым, эвиденциальная клауза не является конечным объектом изучения. Метод лингвосинергетического анализа модусной категории «эвиденциальность» предполагает рассмотрение эвиденциального дискурсивного контекста, вносящего первостепенный вклад в процесс смыслообразования. К основополагающим характеристикам эвиденциального контекста относится субъектная перспектива, а также ситуационный компонент. Учёт данных элементов позволяет обратиться к «ментальному миру» автора, отражающего реальное, желаемое либо нереальное состояние дел.

Заключительным объектом восприятия эвиденциальной семантики является адресат / читатель, квалифицирующий и трактующий полученные сведения. Автор формирует, направляет и изменяет восприятие данных адресатом, разделяя визуальный и вербальный план выражения, а также позицию субъекта коммуникации и точку зрения автора за счёт отстранения последнего от передаваемой посредством дискурсивного контекста информации.

Поскольку определение источника передаваемых данных принадлежит к числу отличительных составляющих дискурса, релевантность проведения лингвосинергетического анализа эвиденциальности в дискурсивном контексте не вызывает сомнений [5]. Помимо этого, в силу того что в качестве базового функционала модусных категорий выступает выражение субъективного отношения автора / говорящего в ходе репрезентации объективной картины мира, эвиденциальность представляется возможным рассматривать как аксиологическую дискурсивную постоянную, вербализируемую посредством системы языковых средств.

В этой связи источником эмпирического материала выступили статьи из электронной версии британского журнала *The Economist*[1]. Материал исследования представлен 1000 эвиденциальных дискурсивных контекстов, связывающих речевой и ситуационный компоненты и содержащих описание событий.

Целью исследования является рассмотрение особенностей синергетического сцепления категории «эвиденциальность» с модусными категориями «авторизация», «персональность», «темпоральность», «восприятие» в пространстве массмедийного дискурса.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

[1] The Economist [Электронный ресурс]. URL: https://www.economist.com (дата обращения: 11.03.2022).

1) описать синергетическую эвиденциальную модель;

2) проанализировать специфику взаимодействия эвиденциальности с указанными категориями;

3) исследовать условия реализации полимодальной эвиденциальной семантики в массмедийном дискурсе.

Лингвосинергетическая эвиденциальная модель

В отличие от прочих методов дискурсивного анализа, как правило, фокусирующихся на каком-то одном структурном аспекте дискурса, применяемый в настоящем исследовании лингвосинергетический метод обладает универсальным характером и позволяет рассмотреть все уровни дискурсивного пространства. В этой связи, данный метод лингвосинергетического дискурсивного анализа применим к исследованию не только эвиденциальности, но и её взаимодействия с прочими модусными категориями. При этом достоверность и точность полученных результатов обеспечивается за счёт обращения к базовым принципам лингвосинергетики.

Как следует из ключевых постулатов лингвистической синергетики, проведение дискурсивного анализа предполагает использование метода моделей и гипотез, заключающегося в постановке гипотезы, построении на её основе модели с последующим тщательным анализом её структуры и функционирования, а также практического обоснования полученных результатов. В конечном итоге, изначально выдвинутая гипотеза будет подтверждена либо опровергнута, а предположения, оказавшиеся несостоятельными, будут заменены на достоверные, соответствующие полученным фактическим данным.

Таким образом, изучение синергетического сцепления эвиденциальности с другими категориями модуса требует формирования синергетической модели, способствующей систематизации и соизмерению возникающих в сознании автора / субъекта коммуникации мыслительных образов. Данная модель состоит из двух элементов, первый из которых отражает материал исследования, а второй – оператор, организующий будущую модель. В роли материала лингвосинергетической эвиденциальной модели мы использовали модусные категории, а в роли оператора – значения, которыми обладают данные категории. Необходимо отметить, что в силу своей отнесённости к набору обязательных категорий модуса эвиденциальность может обнаруживать взаимосвязь как с обязательными, так и с необязательными модусными категориями. Категория «эвиденциальность» (*Ev*) может быть представлена в качестве узлового элемента синергетической эвиденциальной модели, вступающего во взаимодействие с другими структурными элементами, представленными категориями «авторизация» (*A*), «персональность» (*Ps*), «восприятие» (*Ap*) и «темпоральность» (*T*) (рис. 1).

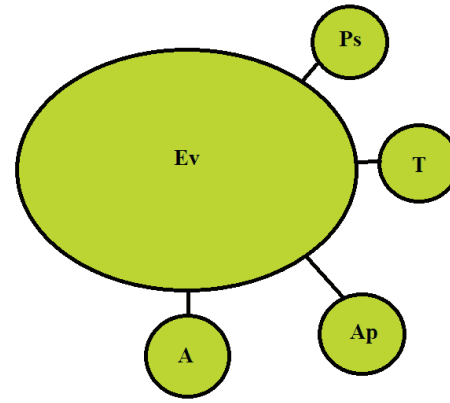

Рис. 1 / Fig. 1. Лингвосинергетическая эвиденциальная модель / Linguistic synergetic evidential model

Источник: составлено автором.

Гипотезой проводимого лингвосинергетического исследования является следующее утверждение: в пространстве массмедийного дискурса модусная категория «эвиденциальность» обладает

синергетическим сцеплением с категориями «авторизация», «персональность», «темпоральность» и «восприятие», актуализируя принципы взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов с учётом окружающего контекста. Изучим специфику синергетического сцепления эвиденциальности и указанных категорий модуса.

Особенности синергетического сцепления эвиденциальности с другими модусными категориями

А. Эвиденциальность и авторизация

В рамках данной работы и опираясь на взгляды Т. В. Шмелевой, мы рассматриваем авторизацию в качестве обязательной модусной категории, осуществляющей квалификацию источника передаваемой информации, а также способа её получения в контексте свой / чужой [13].

К средствам актуализации данной категории в дискурсивном пространстве относятся авторизационные грамматические, лексико-синтаксические конструкции, а также показатели со значением непосредственного восприятия [4].

Семантическая близость авторизации и эвиденциальности в массмедийном дискурсе проявляется в приобретении клаузой со значением прямой или косвенной эвиденциальности добавочного значения авторизации. Подтвердим данное положение следующим примером:

*There are unconfirmed **reports** that up to 2,000 people have been killed*[1] / *По неподтвержденным **сообщениям** было убито 2000 человек* (здесь и далее перевод наш. – *Д. К.*)

Рассматриваемое высказывание обладает семантикой косвенной эвиденциальности, репрезентируемой посредством оператора явного указания *report / сообщение (a written or spoken description of a situation or event, giving people the information they need*[2] */ письменное либо устное описание ситуации или события, предоставляющее людям необходимую информацию)*, указывающего на опосредованный способ получения сведений. Данный оператор одновременно является маркером авторизации, квалифицируя передаваемые сведения как «чужие».

В. Эвиденциальность и персональность

Вслед за Т. И. Кораблиной, под персональностью мы понимаем обязательную модусную категорию, сопоставляющую передаваемые сведения о событии с его действующими лицами [8, с. 39]. При этом важным значением обладает учёт ситуаций пересечения / непересечения высказываний автора с речью субъектов коммуникации.

В качестве лингвистических показателей персональности выступают существительные, личные, притяжательные и определительные местоимения, а также междометия. На уровне синтаксиса к маркерам данной категории относятся неполные безличные, инфинитивные и вопросительные предложения [2; 9, с. 188].

Лингвосинергетическое сцепление модусных категорий «эвиденциальность» и «персональность» в дискурсивном пространстве обнаруживается в случае необходимости определения автора эвиденциального высказывания, в роли может выступать автор, нарратор, субъект коммуникации, либо обобщённый говорящий. Такое разграничение субъектной отнесённости эвиденциальных высказываний соответствует выделению авторской и субъектной эвиденциальности в дискурсе [7]. Рассмотрим следующий пример:

*Detectives **believe** that the victim knew his killer*[3] / *Детективы **считают**, что жертва знала своего убийцу.*

[1] Report // Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/report#report__17 (дата обращения: 11.03.2022).

[2] Там же.

[3] Believe // Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/believe (дата обращения: 11.03.2022).

Эвиденциальность в данном высказывании репрезентируется посредством оператора выражения мнения *believe / считать (to think that something is true or possible, although you are not completely sure*[1] */ полагать, что что-либо является правдой либо возможно, однако не быть до конца уверенным в этом)*, используемого в профазе высказывания и придающего передаваемым сведениям интерсубъективный характер. Данный пример репрезентирует предположения детективов касательно возможного факта знакомства жертвы с убийцей, цитируемое автором дискурса, что свидетельствует о непересечении автора с субъектом коммуникации. Таким образом, мы можем говорить о лингвосинергетическом сцеплении категорий «эвиденциальность» и «персональность».

С. Эвиденциальность и восприятие

В контексте настоящего исследования мы разделяем взгляды А. Вежбицкой и Е. В. Падучевой, рассматривающих восприятие как модусную категорию, отражающую субъективную и интерпретирующую рецепцию действительности, обусловленную особенностями личности автора / субъекта коммуникации, сознание которого выделяет из реальности значимые для него детали [3; 11].

Базовым средством выражения модусной категории «восприятие» в дискурсивном пространстве является слово: его лексическое значение и специфика использования. В качестве маркеров восприятия выступают глаголы, местоимения, частицы, союзы, наречия, а также номинативные предложения. В свою очередь, к морфологическим показателям относятся вид, время, наклонение, лицо и падеж [1].

Синергетическое взаимодействие восприятия и эвиденциальности актуализируется в области пересечения их значений в контексте обозначения авторства информации (своя / чужая), способа получения сведений (услышал / увидел / почувствовал / сделал выводы) и субъективного отношения к передаваемым данным (сомнение / уверенность / предчувствие). Несмотря на то, что данная семантика является общей для восприятия и эвиденциальности, смысловое поле последней оказывается значительно шире. Рассмотрим следующий пример:

*These attacks **underline the fact** that the security situation here remains fragile*[2] */ Эти атаки **подчёркивают** тот **факт**, что ситуация с безопасностью остаётся нестабильной.*

В данном примере эвиденциальная семантика выражается при помощи оператора усиления значимости высказывания *underline / подчёркивать (to help to show clearly that a fact is true, especially a fact that is already known*[3] */ ясно дать понять, что тот или иной факт является истиной, особенно, если это общеизвестный факт)*, а также оператора явного указания *fact / факт* (*a piece of information that is known to be true*[4] */ информация, истинность которой не вызывает сомнений*), репрезентирующих непосредственный характер источника информации. При этом эвиденциальные операторы совпадают со значением маркеров категории «восприятие» в контексте выражения уверенности автора сообщения в достоверности высказываемых суждений, что позволяет говорить о взаимопроникновении выражаемых при помощи данных категорий смыслов и, как следствие, о синергетическом сцеплении эвиденциальности и восприятия.

[1] Believe // Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/believe (дата обращения: 11.03.2022).

[2] Emphasize. Thesaurus // Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/emphasize#emphasize__4 (дата обращения: 11.03.2022).

[3] Там же.

[4] Fact // Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/fact (дата обращения: 11.03.2022).

D. Эвиденциальность и темпоральность

Модусная категория «темпоральность» отражает содержащуюся в речи субъекта коммуникации особую взаимосвязь моментов времени и временных характеристик. В дискурсивном пространстве объектом изучения темпоральности является временная сущность событий, динамика изменений явлений действительности, качественная специфика которых обусловлена интенциональной направленностью дискурса [14].

В качестве основного средства выражения темпоральности выступают временные формы изъявительного наклонения действительного залога, аналитические формы страдательных причастий, формы полных причастий прошедшего и настоящего времени, безглагольные синтаксические конструкции с семантикой настоящего времени, деепричастия в составе полипропозитивных предложений, лексические и контекстуальные показатели темпоральных отношений, лексические обстоятельственные маркеры, конструкции с временными союзами, а также различные устойчивые выражения [8, с. 46].

Лингвосинергетическое сцепление модусных категорий «темпоральность» и «эвиденциальность» прослеживается в рамках временной отнесённости эвиденциальных операторов, в ходе формулирования эвиденциального высказывания автором / субъектом коммуникации, а также эвиденциального дискурсивного контекста, содержащего темпоральные показатели, уточняющие временную привязку передаваемой информации и дополнительно характеризующие её источник. Приведём пример:

*Psychologists **observed** that the mice became more aggressive in smaller cages*[1] */ Психологи **заметили**, что мыши стали более агрессивными в маленьких клетках.*

Рассматриваемое высказывание обладает семантикой прямой эвиденциальности, репрезентируемой посредством оператора чувственного восприятия *observe / замечать* (*to notice something as a result of watching or studying it closely*[2] */ обратить на что-либо внимание в результате наблюдения или тщательного изучения*), указывающего на сенсорный источник сведений. Кроме того, данный оператор характеризуется формой прошедшего времени, что соотносит высказывание с определённым моментом прошлого, выступающим в качестве временного центра контекста рассматриваемого высказывания. Такое взаимопроникновение эвиденциальных и темпоральных значений свидетельствует о лингвосинергетическом сцеплении данных модусных категорий.

Специфика взаимодействия эвиденциальности и других модусных категорий

Проведённый анализ языкового материала в ходе рассмотрения особенностей лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и авторизации, персональности, восприятия и темпоральности позволил определить, что в дискурсивном контексте указанные модусные категории реализуют два возможных типа взаимодействия – взаимопроникновение и взаимодополнение модусных смыслов.

Взаимопроникновение носит имплицитный характер и актуализируется на семантическом уровне в ситуации, когда при помощи эвиденциальных операторов могут репрезентироваться дополнительные модусные значения. Наряду с этим, указанный принцип реализуется в рамках сопряжения субъективных модусных смыслов в том случае, когда эвиденциальность оказывается семантически шире, чем другая модусная категория. Важно подчеркнуть, что взаимопроникновение

[1] Observe // Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/observe (дата обращения: 11.03.2022).

[2] Там же.

осуществляется в случае пересечения модусных эвиденциальных смыслов и модусных смыслов прочих категорий в узловых точках развёртывания исследуемого эвиденциального контекста. При этом к числу узловых точек развёртывания принадлежит точка представления сведений о субъекте коммуникации и точка актуализации оператора в эвиденциальной клаузе.

Тем не менее, лингвосинергетическое взаимодействие категории «эвиденциальность» и других модусных категорий также может происходить на уровне сочетаемости показателей выражаемых субъективных значений. В таком случае представляется возможным говорить об осуществлении лингвосинергетического взаимодополнения. Данный тип взаимодействия обнаруживается в случае актуализации дополнительных модусных смыслов в промежуточной области развёртывания эвиденциального дискурсивного контекста, которая включает всё его пространство помимо точек развёртывания.

Несомненно, что специфика лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий связана с различиями в способах их репрезентации в эвиденциальном дискурсивном контексте. В этой связи, рассмотрим возможные типы лингвосинергетического сцепления эвиденциальности с авторизацией, персональностью, восприятием и темпоральностью.

Так, лингвосинергетическое сцепление эвиденциальности с модусными категориями «авторизация», «персональность» и «восприятие» отражает принцип взаимопроникновения модусных значений, что в случае авторизации обусловлено обязательным отнесением семантики своё / чужое к области модусных эвиденциальных смыслов. Подобная картина обнаруживается в ходе рассмотрения лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и персональности. Специфика взаимодействия данных категорий модуса связана с тем, что значение соотнесения ситуации с субъектом коммуникации выражает лишь одно из смысловых полей эвиденциальности. Применительно к описанию синергии эвиденциальности и восприятия речь идёт о восприятии информации о событии и его источнике сквозь призму личной картины мира автора / субъекта коммуникации. Говорящий интерпретирует и представляет информацию, осуществляя её квалификацию при помощи одного из эвиденциальных операторов, тем самым отождествляя данный квалифицирующий оператор с субъектом коммуникации.

В свою очередь, категория «темпоральность» репрезентирует более сложный тип синергии с модусной категорией «эвиденциальность». Темпоральность относится к ядру эвиденциальной семантики исключительно в случае выражения эвиденциального высказывания с помощью операторов, представленных глаголами, причастиями и деепричастиями. В иных случаях (например, в ситуации, когда в качестве маркера эвиденциальности выступает существительное) лингвосинергетическое сцепление указанных категорий реализует принцип взаимодополнения модусных смыслов. Подтвердим высказанные положения, проанализировав следующий пример:

Laser light is famously pure. The way lasers work ***means*** *that the beams which emerge from them are monochromatic. But there is purity, and then there is purity. In a truly monochromatic beam, all light would be of exactly the same frequency.* ***In practice****, this never happens*[1] */ Лазерный свет абсолютно прозрачен. Принцип работы лазера* ***заключается*** *в том, что исходящие лучи являются монохромными. Однако существуют различия между видимой*

[1] Quantum weirdness helps design better accelerometers [Электронный ресурс] // The Economist : [сайт]. URL: https://www.economist.com/science-and-technology/2021/06/12/quantum-weirdness-helps-design-better-accelerometers (дата обращения: 11.03.2022).

и реальной прозрачностью луча. В по-настоящему монохромном луче весь свет будет иметь одинаковую частоту. ***На практике*** *этого никогда не происходит.*

Данный дискурсивный отрывок является фрагментом газетной статьи, посвящённой описанию современных разработок в области лазерных систем. Семантика косвенной эвиденциальности передаётся при помощи оператора явного указания *mean / заключаться* (*to be a sign that something is true or will happen*[1] / *свидетельствовать о том, что что-либо является правдой или произойдёт*), подчёркивающего достоверность, а также общепризнанность приводимых сведений о цветовой специфике лазерного луча, а также оператора явного указания *in practice / на практике* (*used when saying what really happens rather than what should happen or what people think happens*[2] / *используется для описания того, что происходит на самом деле, в сравнении с тем, что должно было произойти или происходит по мнению людей*), используемого автором для указания на фактические данные, касательно реальной прозрачности луча.

Рассматриваемый эвиденциальный контекст характеризуется взаимопроникновением эвиденциальности и авторизации, что проявляется в совпадении показателей данных категорий в маркере *mean / заключаться*, а также в маркере *in practice / на практике*, характеризующих представляемые сведения как «чужие».

Данная полимодальная семантика также дополняется посредством взаимопроникновения эвиденциальности и восприятия, актуализируемого в контексте передачи отношения автора к описываемым сведениям за счёт обращения к указанным выше эвиденциальным операторам, одновременно обладающим значением восприятия.

В свою очередь, лингвосинергетическое взаимопроникновение эвиденциальности и персональности репрезентируется в результате разграничения автора эвиденциальных высказываний и представляемой им информации.

Наконец, в контексте настоящего дискурсивного контекста также происходит взаимопроникновение и взаимодополнение значений эвиденциальности и темпоральности в рамках употребления формы настоящего времени. При этом взаимопроникновение реализуется в обозначенном выше эвиденциальном операторе *mean / заключаться* клаузы *the way lasers work mean / принцип работы лазера заключается в том*, в то время как взаимодополнение актуализируется в эпифазе эвиденциального высказывания *this never happens / этого никогда не происходит.*

Такого рода сочетание полимодальной семантики позволяет автору снять с себя ответственность за достоверность представленных сведений и может свидетельствовать о его стремлении продемонстрировать читателю ошибочность общепринятых взглядов на принципы работы лазерных установок с целью формирования критического отношения к их использованию.

Необходимо отметить, что ограниченный объём настоящей статьи не позволяет представить анализ большого количества эвиденциальных контекстов.

Полученные результаты и выводы

Как показал проведённый лингвосинергетический анализ, тип лингвосинергетического сцепления эвиденциальности с модусными категориями «авторизация», «персональность», «восприятие» и «темпоральность» оказывается тесно связанным со спецификой взаимодействия лингвистических средств репрезентации указанных категорий. При этом возможны ситуации совпадения / несовпадения эвиденциальных

[1] Mean // Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/mean (дата обращения: 11.03.2022).

[2] In practice // Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/in-practice (дата обращения: 11.03.2022).

операторов и маркеров других модусных категорий в анализируемом эвиденциальном дискурсивном контексте. Помимо этого, тип взаимодействия эвиденциальности с авторизацией, персональностью, восприятием и темпоральностью обусловливается пересечением показателей данных категорий в узловых точках, либо промежуточной области развёртывания эвиденциального дискурсивного контекста.

Таким образом, в зависимости от лингвистических особенностей и расположения средств выражения категорий, коррелирующих с эвиденциальностью в пространстве дискурсивного контекста, эвиденциальность взаимодействует с различными модусными категориями неодинаково. Эвиденциальность (*Ev*) оказывается семантически шире категорий авторизации (*A*), восприятия (*Ap*) и персональности (*P*), включает в себя значения указанных категорий, в обязательном порядке реализуя принцип лингвосинергетического взаимопроникновения модусных смыслов. Кроме того, эвиденциальность обладает значением темпоральности (*T*), либо дополняется им, что позволяет говорить о взаимопроникновении, взаимодополнении либо одновременном осуществлении представленных лингвосинергетических принципов. Следовательно, в пространстве массмедийного дискурса эвиденциальность может вступать во взаимодействие с категориями «авторизация» (*A*), «персональность» (*Ps*), «восприятие» (*Ap*) и «темпоральность» (*T*), реализуя принципы лингвосинергетического взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов в зависимости от области пересечения категориальных значений и в рамках эвиденциального дискурсивного контекста.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую на начальном этапе исследования гипотезу и требуют уточнения представленной ранее лингвосинергетической эвиденциальной модели (см. рис. 2).

Полученная модель отражает возможные типы лингвосинергетического сцепления эвиденциальности и других модусных категорий. В силу того, что эвиденциальность оказывается семантически шире представленных в модели категорий, их значения могут быть отнесены к области эвиденциальных. Таким образом, говоря об эвиденциальной семантике в последующих исследованиях, мы будем подразумевать совокупность значений данных категорий (*Evs*). Тем не менее, определение специфики синергии эвиденциальности с авторизацией, персональностью, восприятием и темпоральностью в каждом конкретном случае потребует проведения тщательного лингвосинергетического анализа, что прежде всего связано с интенциональностью анализируемого дискурсивного контекста.

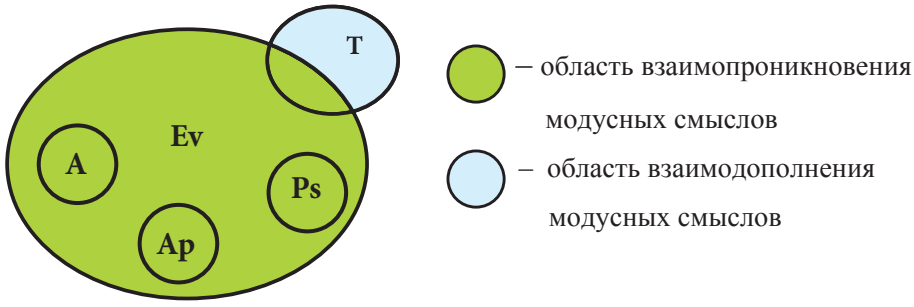

Рис. 2 / Fig. 2. Лингвосинергетическая эвиденциальная модель (*Evs*) / Linguistic synergetic evidential model (*Evs*)

Источник: составлено автором

В процессе формирования дискурса автор / субъект коммуникации обращается к эвиденциальной семантике, реализуя принципы взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов для оказания определённого воздействия на конечного адресата, при этом специфика подобного воздействия определяется коммуникативными авторскими интенциями автора, а также структурными характеристиками дискурса.

Дата поступления в редакцию 22.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдевнина О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке: автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 2014. 47 с.
2. Бондарко А. В. Персональность // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. С. 5–40.
3. Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М.: Прогресс, 1986. С. 336–369.
4. Гричин С. В., Демешкина Т. А. Авторизация в тексте научного произведения: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44) С. 5–19. DOI: 10.17223/19986645/44/1.
5. Иванова С. В. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 41–52.
6. Козловский Д. В. Категоричная и некатегоричная эвиденциальность в англоязычном дискурсивном пространстве // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 30–36.
7. Козловский Д. В. Эвиденциональная модель в художественном дискурсивном пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 270–275.
8. Кораблина Т. И. Модусная категория «воспоминание»: семантический и текстоцентрический аспекты: дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2018. 232 с.
9. Кузнецова М. А. Средства выражения категории персональности в рекламе // Современное педагогическое образование. 2019. № 12. С. 188–190.
10. Лунина Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 92–97.
11. Падучева Е. В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–44.
12. Чанышева З. З. Репрезентация модусной категории эвиденциальности в модальной рамке переводного текста // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 402–408.
13. Шмелева Т. В. Модус и его средства выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 168–202.
14. Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Модусы темпоральности в нарративах о доступности городской среды // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 92–102. DOI: 10.31857/S013216250010208-1.

REFERENCES

1. Avdevnina O. Yu. *Kategoriya vospriyatiya i sredstva yeye vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. … dokt. filol. nauk* [The category of perception and the means of its expression in modern Russian: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2014. 47 p.
2. Bondarko A. V. [Personality]. In: Bondarko A. V., ex. ed. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of functional grammar. Personality. Collateral]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 5–40.
3. Vezhbitska A. [Perception: the semantics of an abstract dictionary]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XVIII* [New in foreign linguistics. Issue. XVIII]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 336–369.
4. Grichin S. V., Demeshkina T. A. [Evidentiality in the text of a research work: a cognitive-discursive aspect]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2016, no. 6 (44), pp. 5–19. DOI: 10.17223/19986645/44/1.

5. Ivanova S. V. [Functional Peculiarities of Culturally Related Lexis in Political Media Discourse]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2017, no. 1 (61), pp. 41–52.
6. Kozlovsky D. V. [Categorical and noncategorical evidentilaity in the discursive English-speaking space]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2017, no. 1 (47), pp. 30–36.
7. Kozlovsky D. V. [The model of evidentiality in terms of fictional discourse]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2013, no. 3 (40), pp. 270–275.
8. Korablina T. I. *Modusnaya kategoriya «vospominaniye»: semanticheskiy i tekstotsentricheskiy aspekty: dis. … kand. filol. nauk* [Modus category "memory": semantic and text-centric aspects: D. thesis in Philological Sciences]. Novosibirsk, 2018. 232 p.
9. Kuznetsova M. A. [Means of expressing the category of personality in advertising]. In: *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye* [Modern Pedagogical Education], 2019, no. 12, pp. 188–190.
10. Lunina T. P. [Means of reported evidentiality expression in the Russian language]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2020, no. 5 (148), pp. 92–97.
11. Paducheva Ye. V. [On the structure of semantic field of "perception" (founded on the study of non-verbal acts)]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2001, no. 4, pp. 23–44.
12. Chanysheva Z. Z. [Representing the modus category of evidentiality in modal frame of target text]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2016, vol. 21, no. 2, pp. 402–408.
13. Shmeleva T. V. [Modus and its means of expression in utterance]. In: *Ideograficheskiye aspekty russkoy grammatiki* [Ideographic aspects of Russian grammar . Moscow, Moscow State University Publ., 1988, pp. 168–202.
14. Yarskaya-Smirnova V. N., Yarskaya-Smirnova Ye. R. [Modes of temporality in the narratives about the accessibility of the urban environment]. In: *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2021, no. 2, pp. 92–102. DOI: 10.31857/S013216250010208-1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козловский Дмитрий Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.;
e-mail: kozlovskydv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Kozlovsky – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation Studies and Intercultural Communication, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov;
e-mail: kozlovskydv@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козловский Д. В. Типы взаимодействия категории «эвиденциальность» с другими модусными категориями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 15–26.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-15-26

FOR CITATION

Kozlovsky D. V. Types of interaction of the category "evidentiality" with other modus categories. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 15–26.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-15-26

УДК 8 1751
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-27-35

О СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ГРУПП ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В БАКАЛАВРИАТЕ СИАНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ни Лулу, Чжан Маньмань
Сианьский университет иностранных языков
710128, г. Сиань, район Чанань, улица Вэньюаньнаньлу, д. 1, Китайская Народная Республика

Аннотация
Цель данной работы заключается в изложении квалификации преподавателей русского языка в бакалавриате Сианьского университета иностранных языков (СУИЯ).
Процедура и методы. В данной статье рассматривается стратегия реформы преподавания русского языка в бакалавриате СУИЯ, в котором работают опытные преподаватели иностранных языков, особенно преподаватели русского языка. В связи с формированием новой комплексной специализации развивается новая современная особенность преподавания иностранных языков, и в Сианьском университете иностранных языков созданы группы инновационного обучения, в том числе группы инновационного обучения специализации «Международные отношения» (русский язык) и «Перевод с китайского на иностранный язык (русский)».
Результаты. В статье анализируется цель и способы повышения квалификации преподавателей русского языка на уровне бакалавриата, основное внимание уделяется мерам по повышению квалификации преподавателей и расширению академического сотрудничества СУИЯ и научных обменов с российскими вузами.
Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в практику обучения переводу.

Ключевые слова: группы инновационного обучения, квалификация преподавателей, стратегия повышения квалификации

Благодарности: данная статья является промежуточным результатом исследовательского проекта «新文科背景下卓越外交班俄语教师能力提升策略研究» (21BYJ01) при финансовой поддержке Сианьского университета иностранных языков.

ON THE STRATEGIES OF IMPROVING RUSSIAN TEACHERS` ABILITY: TAKING THE UNDERGRADUATE EXCELLENT INNOVATION CLASS OF XI`AN INTERNATIONAL STUDIES UNIVERSITY AS AN EXAMPLE

Ni Lulu; Zhang Manman
Xi`an International Studies University
South Wenyuan Road No. 1, Chang'an District 710128, Xian, People's Republic of China

Abstract
Aim. This paper aims to expound the teaching qualifications of Russian teachers with bachelor's degree in Xi'an International Studies University (XISU).

© CC BY Ни Лулу, Чжан Маньмань, 2022.

Methodology. Xi'an International Studies University has experienced foreign language teachers, especially Russian teachers. This paper discusses the reformation strategy of undergraduate Russian teaching in XISU. According to the modern characteristics of foreign teaching of new composite majors, XISU has set up a series of excellent innovation classes. This paper discusses the reformation strategy of undergraduate Russian teaching in XISU, that is, including the course of taking Russian as the foreign language, besides, XISU has successively established excellent diplomatic courses (Russian) and excellent translation courses from Chinese to foreign language (Russian).

Results. The paper puts forward the objectives and methods of improving the ability of undergraduate Russian teachers, focuses on the strategies and measures of improving teachers' ability, and interprets XISU`s future endeavor in extensive cooperation and academic exchanges with Russian universities.

Research implications. The results contribute to translation teaching practice.

Keywords: excellent innovation class; teachers' ability; professional development strategy

Acknowledgments: This article is a provisional result of the research project "新文科背景下卓越外交班俄语教师能力提升策略研究" (21BYJ01) sponsored by Xi'an University of Foreign Studies.

Введение

Преподавание русского языка в Китае неразрывно связано с проблемой повышения квалификации преподавателей русского языка, особенно актуальной данная проблема становится в XXI веке. Например, преподаватель факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков Ли Цинь в ходе рассмотрения и обсуждения реформы преподавания отмечал: «Подготовка комплексных специалистов иностранных языков является главной мелодией преподавания иностранных языков в XXI веке» [2, 1页]. Лю Гуанчжунь также рассматривал проблемы в подготовке специалистов русского языка в XXI веке и считает, что изучение иностранных языков должно отвечать требованиям нового века, в новую эпоху следует изменить концепцию в обществе и смело проводить реформы и инновации [3]. Сунь Юйхуа и Лю Хун анализировали идеи и практику интернационализации в реформе преподавания русского языка по специальности [6]. В научных исследованиях также особое внимание уделяется конкретным вопросам преподавания иностранных языков, включая комплексную международную модель подготовки специалистов русского языка [5], комплексный анализ модели подготовки специалистов русского языка в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [7], подготовку комплексных специалистов по модели «Русский язык + страноведение» [8]. Гуань Сюцзюань на примере подготовки русистов в Хэйлунцзянском университете объяснил концепцию подготовки прикладных, комплексных и международных коммерческих специалистов, которые умеют говорить по-русски и по-английски, и по-китайски [1]. Ван Ган приводил пример с подготовки специалистов по направлению «Русский язык + страноведение» Даляньского университета иностранных языков, обобщая ситуацию подготовки специалистов иностранных языков в рамках развития новой гуманитарной науки в Китае [9]. Таким образом, в настоящее время в КНР создана достаточная научная база для развития и исследования стратегии подготовки преподавателей, что и определяет новизну и актуальность данного исследования.

Общая информация о месте проведения исследования

1. Краткие сведения о Сианьском университете иностранных языков

Сианьский университет иностранных языков основан в 1952 г. и является одним из четырёх первых высших учебных заве-

дений, созданных с момента образования КНР. Изначально он назывался Северо-Западным высшим специальным учебным заведением по русскому языку. За более чем 70 лет существования СУИЯ трансформировался в мультидисциплинарный университет иностранных языков, уникальность которого составляют преподавание иностранных языков, зарубежные социально-гуманитарные научные исследования и гуманитарные науки. В университете координированно развиваются литературоведение и языкознание, естествознание, экономика, менеджмент, юриспруденция, педагогика и искусство.

В настоящее время в СУИЯ насчитывается 20 учебных подразделений, ведётся преподавание 27 иностранных языков, имеется 7 уполномоченных подразделений по присвоению степени магистра первой степени, 74 – второй степени, 1 подразделение по присвоению степени доктора наук первой степени, 13 – второй степени, 1 центр по ведению научно-исследовательской работы пост-докторантов. В университете открыто 60 специальностей бакалавриата, в том числе «Английский язык», «Русский язык», «Перевод» и другие 12 специальностей являются ключевыми для дальнейшего развития специальностей государственного значения. В СУИЯ прилагаются усилия для расширения и углубления международных обменов с разными странами, уже существуют зарубежные структуры по распространению иностранного языка и культуры, например, российский «Центр русского языка и культуры» (Новосибирский государственный технический университет) и т. д. Выпускаются университетские издания: «Преподавание иностранных языков», «Антропогеография» и «Вестник Сианьского университета иностранных языков». В течение нескольких лет «Преподавание иностранных языков» и «Антропогеография» признаются «Выдающимися научными изданиями, имеющими значение в стране и за рубежом» и «Научными изданиями Китая, имеющими важное международное влияние».

Сианьский университет иностранных языков находится в городе Сиань, который является начальной точкой инициативы «Один пояс, один путь». В связи с дальнейшим продвижением и углублением инициативы «Один пояс, один путь» преподаватели, студенты и специалисты, выпускающиеся из нашего университета, предоставляют языковые услуги в разных сферах международного сотрудничества, включая мероприятия ЭКСПО, проекта «Шелковый путь», Евразийского экономического форума и т. д. Подготовка высококвалифицированных специалистов, знакомых с иностранными языками и правилами работы международного сообщества, оказание услуг в соответствии с долгосрочной стратегией Китая являются обязанностью и целью, к которой стремятся преподаватели и студенты СУИЯ. На фоне продвижения новой гуманитарной науки, бывший ректор СУИЯ Вань Цзюньчжэ отмечал, что для ускорения строительства университета «мирового уровня образования и мирового уровня науки» (сокр. «двойной мировой уровень»), для подготовки высококвалифицированных специалистов, для достижения содержательного развития, для адаптации к новым требованиям высшего образования Китая в новую эпоху местные иностранные вузы, включая СУИЯ, должны преодолеть географические ограничения традиционного мышления и стараться повысить качество образования, для чего необходимо реформировать модель подготовки специалистов, способствовать оптимизации ресурсов обучения и строительству преподавательского состава [10, 3页].

2. Краткие сведения об Институте русского языка СУИЯ

Ректор Даляньского университета иностранных языков, русист, профессор Лю Хун подробно объяснил принципы и новые требования «Программы обучения русскому языку в высшем учебном

заведении» [4]. В соответствии с данными требованиями Институт русского языка СУИЯ всегда стремится к новаторству на основе традиции. В настоящее время в Институте русского языка создано пять специальностей: «Русский язык», «Казахский язык», «Украинский язык», «Белорусский язык» и «Чешский язык». Специальность «Русский язык» является ключевым пунктом для дальнейшего развития специальности Министерства образования Китая, базовой учебной дисциплиной и отраслевым брендом провинции Шэньси. Специальность «Казахский язык» является специальностью «первого уровня» в провинции Шэньси. Институт русского языка является уполномоченным подразделением по присвоению степеней доктора и магистра гуманитарных наук. С 2016 г. институт принимает пост-докторантов.

В настоящее время в ИРЯ число штатных китайских преподавателей превышает 40 человек, большинство из которых обучалось за границей или имеет опыт работы за рубежом, имеют степень доктора наук или обучаются в докторантуре. Что касается китайских преподавателей русского языка, то всего работает 26 человек, в том числе 7 профессоров, 12 доцентов, 7 старших преподавателей. Кроме этого, ещё есть 3 преподавателя из России, 2 преподавателя из Украины, 2 преподавателя из Белоруссии и 1 преподаватель из Казахстана.

2.1. Группа инновационного обучения

2.1.1. Поддержка со стороны университета

В СУИЯ созданы учебные и научно-исследовательские учреждения: Исследовательский центр иностранных языков и прикладной лингвистики, Совместный инновационный центр по языковой поддержке проекта «Один пояс и один путь» и т. д. С помощью данных подразделений СУИЯ стремится к дальнейшему укреплению сотрудничества в области производства, науки и исследований с зарубежными организациями. Вместе с тем университетом уже открыто четыре «Института Конфуция» за рубежом, в том числе и Институт Конфуция в Казахстане. Таким образом, студенты и преподаватели могут более целенаправленно оказывать помощь в обучении иностранцев, а также в областях иностранных визитов и приёмов, вести переговоры по российским проектам для дальнейшего совершенствования внешней открытости города Сиань и служить делу построения сообщества единой судьбы человечества.

2.1.2. База группы инновационного обучения

В последние годы СУИЯ предприняты практические усилия по разработке моделей инновационного обучения и составлены программы подготовки бакалавров, в том числе открытие группы инновационного обучения. Несмотря на то, что в Китае уже существуют разные модели подготовки специалистов русского языка: двойная специальность «русский язык + специальность», многоязычная комплексная специальность «русский язык + английский», «русский + страноведение», «русский язык + другой язык» и т. д., – СУИЯ вводятся комплексные модели «международные отношения + русский язык + английский язык» и «русский язык + переводоведение +английский язык» в сочетании с моделью «два иностранных языка + специальность», чтобы собрать все усилия для подготовки высококвалифицированных специалистов.

В настоящее время в СУИЯ открыты 10 групп инновационного обучения, в том числе одна экспериментальная группа для подготовки выдающихся специалистов английского языка (английский язык + французский язык) и девять экспериментальных групп для подготовки выдающихся специалистов в области международных отношений, журналистики и коммуникации, международной торговли, делового менеджмента, экономики, туризма и перевода (см. табл. 1).

Табилица 1 / Table 1

Десять экспериментальных групп для подготовки выдающихся в СУИЯ / Ten Experimental Groups to Train Excellence in XISU

№	Наименования групп	Модель обучения
1	Экспериментальная группа для подготовки выдающихся специалистов английского языка	английский язык + французский язык
2	Экспериментальная группа для подготовки дипломатов	международные отношения + русский язык + английский язык
3	Экспериментальная группа для подготовки талантов международной торговли	международная торговля + японский язык + английский язык
4	Экспериментальная группа для подготовки талантов журналистики и коммуникации	журналистика + испанский язык + английский язык
5	Экспериментальная группа для подготовки талантов делового менеджмента	деловой менеджмент + английский язык + CGMA
6	Экспериментальная группа для подготовки талантов экономики	экономика + английский язык + большие данные
7	Экспериментальная группа для подготовки талантов международного туризма	туризм + английский язык + испанский язык
8	Экспериментальная группа для подготовки талантов перевода (английский язык)	английский язык + переводоведение + китайский язык и культура
9	Экспериментальная группа для подготовки талантов перевода (русский язык)	русский язык + переводоведение + английский язык
10	Экспериментальная группа для подготовки талантов перевода (немецкий язык)	немецкий язык + переводоведение + английский язык

2.1.3. Преподавательский состав в группе инновационного обучения международных отношений

В 2017 г. Институт международных отношений и Институт русского языка совместно создали группу инновационного обучения международным отношениям. Вместе с тем постепенно формируется научная модель подготовки выдающихся кадров «международные отношения + русский язык + английский язык». Преподавательский состав в основном состоит из преподавателей Института международных отношений, которые хорошо знают международные политические и дипломатические науки, и китайских и российских преподавателей Института русского языка, которые хорошо знают русский язык. В настоящее время в Институте международных отношений работают два факультета международных политических и дипломатических наук. В 2021 г. в Институте русского языка создана группа инновационного обучения «русский язык + переводоведение + английский язык», которая принимает выдающихся студентов первого курса, и данная модель будет постоянно совершенствоваться и обновляться.

2.2. Стратегия повышения квалификации преподавателей, работающих в группе инновационного обучения

Квалификация преподавателей включает в себя многие способности, такие, как организация учебного курса, использование учебных ресурсов, многомерная оценка обучения, анализ результатов обучения и т. д. Преподаватели должны прилагать долгосрочные усилия в таких областях, как подготовка учебных программ, взаимодействие и обмены со студентами на уроках и после уроков, использование технических возможностей, виртуальное обучение, оценка эффективности обучения, регулярное участие в научных конференциях и др.

2.2.1. Цели повышения квалификации преподавателей русского языка

Повышение квалификации преподавателей русского языка, которые преподают в группе инновационного обучения, должно тесно сочетаться с потребностями подготовки высококвалифицированных дипломатов, необходимо уделять внимание развитию инноваций и практики подготовки международников. В сфере учебных программ следует обратить внимание на то, как студенты с нулевым знанием русского языка могут в короткое время выдерживать высокую когнитивную нагрузку при изучении русского языка, как развивать у студентов большой интерес к русскому языку. Вместе с тем особенное внимание необходимо обратить на то, как можно повысить организационную способность преподавателей на занятиях, как преподаватель сам умеет оценивать и управлять своим преподавательским мастерством, как он использует научные ресурсы, а также как он ищет возможность научных обменов для себя. Конкретные цели для повышения квалификации преподавателей русского языка состоят в нижеследующем:

1) овладеть профессиональными знаниями: эффективно вводить базы знаний на русском языке в соответствии с интересами учащихся;

2) уметь мыслить на русском языке: создать образ мышления учащихся на русском языке с помощью родного китайского языка и неродного английского языка;

3) заботиться о международной политике и воспитывать любовь к родине: с помощью русского языка создать любовь к родине студентов, развивать их международный кругозор.

2.2.2. Меры повышения квалификации преподавателей русского языка

(1) Повышение организационного потенциала преподавателей на основе инновации модели преподавательских групп.

В группе инновационного обучения международных отношений основные курсы русского языка читают преподаватели из Китая и России. На первом и на втором курсах китайские преподаватели читают следующие практические курсы: «Практический русский язык», «Грамматика», «Лексика», «История русской литературы» и др., чтобы студенты смогли овладеть основными знаниями русского языка. Российские преподаватели преподают «Аудирование», «Устную речь» и проч., чтобы студенты смогли свободно и чисто говорить по-русски. А на третьем и на четвёртом курсах российские преподаватели преподают «Практический русский язык», «Говорение», «Письмо» и т. д., китайские – «Чтение», «Перевод», «Деловая практика», «Новости» и др.

В процессе конкретных занятий применяется модель иерархической системы управления «преподаватель + ассистент + староста». Преподаватель в основном представляет ключевые знания, исправляет домашние задания, создаёт платформу обучения онлайн и отвечает на вопросы студентов. Старшекурсники в качестве ассистентов проводят вспомогательную работу, отвечают за самостоятельные занятия студентов, регулярно проводят диктанты, игры слов и т. д. А староста играет лидирующую роль в группе, принимает и передаёт домашние задания и т. д.

(2) Повышение потенциала обучения преподавателей на основе инновации методов обучения.

В настоящее время в сложных условиях эпидемии постепенно формируется смешанная модель обучения в форматах онлайн и офлайн, которая считается эффективной интеграционной моделью. Данный формат обучения уже неоднократно являлся темой исследования многих китайских и российских учёных, в том числе затрагивалось перевёрнутое обучение и другие темы. Чтобы сделать смешанное обучение эффективным, нужно регулировать соотношение между тре-

мя сторонами: преподаватель – интернет – студент. Преподаватель прилагает все усилия с помощью системного подхода для того, чтобы смешанное обучение становилось чётко целенаправленным. И преподаватель, который хорошо знает и понимает свою аудиторию, должен предварительно с самого начала продумывать стратегию, с помощью которой будет реагировать на непредвиденные обстоятельства и оценивать эффективность обучения. Кроме этого, преподаватель может использовать индивидуальное тренерство, наставничество, практические семинары, онлайновые симуляции и другие методы для повышения результативности, а также через обмен лучшими практиками и с помощью совместной работы со своими коллегами постоянно получать оценку результатов обучения.

(3) Повышение потенциала исследования преподавателей на основе инновации процессов обучения.

В сферах педагогической концепции против традиционного метода преподавания иностранного языка преподавание в группе инновационного обучения должно более целенаправленно развивать международный кругозор студентов и выпускать будущих дипломатов и переводчиков, которые могут быстро овладеть русским языком и продолжительное время сохранять интерес к русскому языку. Процесс на лекциях со временем обновляется в соответствии с международной обстановкой и дипломатическими событиями.

Для дипломатических событий, которые уже произошли и уже были решены, следует применять метод обучения по образцу. Преподаватель ведёт лекцию в основном на русском языке, по ситуациям. И процесс обучения осуществляется по следующей модели: объяснение образца → обобщение образцов такого типа → освоение принципов → методическое значение общих принципов → практическое применение таких принципов в учебном процессе.

Для дипломатических событий, которые только что произошли и ещё не решены, необходимо применять исследовательский метод обучения. Преподаватель ведёт лекцию в основном на русском языке, и процесс обучения может строиться по следующей модели: конкретный вопрос → гипотеза → умозаключение → прогнозирование и проверка → заключение, – с целью пробуждения у студентов желания распознавать свои мысли и воспитывать их навыки русского языка. В то же время преподаватель может регулярно проводить виртуальные имитации (взаимодействие с послами, моделирование китайско-российской дипломатической конференции), чтобы обучение русскому языку проходило в активной и радостной атмосфере.

В настоящее время преподавание группы инновационного обучения по специальности «Международные отношения» получило хорошие результаты. Институт международных отношений и Институт русского языка вкладывают большие усилия в обучение выдающихся студентов, чтобы расширять их международный кругозор, чтобы выпускники умели свободно и политически грамотно представлять и презентовать искусство дипломатии. В процессе обучения часто приглашают специалистов в дипломатической сфере КНР для проведения лекций о русской дипломатии, а русских специалистов для организации курсов по учебной программе в режиме онлайн и т. д.

Заключение

В настоящее время в СУИЯ функционируют две группы инновационного обучения с использованием русского языка: «Международные отношения» и «Переводоведение». Группа инновационного обучения по специальности «Международные отношения» создана в 2017 г., группа инновационного обучения по специальности «Переводоведение» – в 2021 г. С помощью анализа группы инновационного

обучения в бакалавриате СУИЯ в данной статье была рассмотрена стратегия повышения квалификации преподавателей русского языка КНР. Меры по повышению квалификации заключаются в наращивании организационного потенциала преподавателей на основе инновации модели преподавательских групп, укреплении потенциала обучения преподавателей на основе инновации методов обучения и увеличении потенциала исследования преподавателей на основе инновации процессов обучения. Конечно, вопрос повышения квалификации преподавателей очень сложный и требует дальнейшего исследования.

Дата поступления в редакцию 25.04.2022

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. 关秀娟.应用性、复合型、国际化俄英双语商务人才培养新思路——以黑龙江大学为例 // 黑龙江教育(高教研究与评估), 2019 (2):33-34.
2. 李勤.复合型外语人才的培养是21世纪外语教学的主旋律——上外俄语系教学简况和教学改革思路 // 外语学刊, 1999 (2):1-6.
3. 刘光准.外语教育:新世纪展望 认清形势,转变观念 适应社会,改革创新——谈 21世纪专业俄语人才的培养 // 外语研究, 2000 (3):3-5.
4. 刘宏.《普通高等学校本科俄语专业教学指南》的颁布背景、原则与新要求 //中国俄语教学, 2020 (3):1-7.
5. 刘颖,王利众.跨国跨学科复合型工程—俄语人才培养模式探索与实践 // 中国俄语教学, 2015 (4):84-87.
6. 孙玉华,刘宏.俄语专业教学改革中的国际化办学思路与实践探索 // 中国俄语教学, 2007(4):7-10.
7. 佟颖.“一带一路”形势下复合型俄语人才培养模式探析——以沈阳师范大学俄语专业为例 // 中国俄语教学, 2016 (3):88-92.
8. 王钢,李海斌.俄罗斯慕课及其对我国复合型人才培养的意义 // 贵州师范学院学报, 2018 (6):60-64.
9. 王钢.新文科视域下复合型外语人才培养态势分析——以大连外国语大学俄语+区域学人才培养为例 // 东北亚外语研究, 2020 (2):74-79.
10. 王军哲.新文科背景下外语类院校一流本科建设探索与实践 // 外语教学, 2020 (1):3-6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ни Лулу – доктор филологических наук, доцент Института русского языка Сианьского университета иностранных языков;
e-mail: yilahao@163.com;

Чжан Маньмань – кандидат филологических наук, аспирант Института русского языка Сианьского университета иностранных языков;
e-mail: yilalu@126.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ni Lulu – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., School of Russian Studies, Xi`an International Studies University;
e-mail: yilahao@163.com;

Zhang Manman – PhD (Philology), Postgraduate Student, School of Russian Studies, Xi`an International Studies University;
e-mail: yilalu@126.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ни Лулу, Чжан Маньмань. О стратегии повышения квалификации преподавателей русского языка на примере групп инновационного обучения в бакалавриате Сианьского университета иностранных языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2022. № 5. С. 27–35.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-27-35

FOR CITATION

Ni Lulu, Zhang Manman. On the strategies of improving Russian teachers` ability: Taking the undergraduate excellent innovation class of Xi`an International Studies University as an example. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 27–35.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-27-35

УДК 81-13
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-36-47

ОБРАЗНОСТЬ ЯЗЫКА КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Смертин Ю. Г.
Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация

Аннотация
Целью данной статьи является анализ китайской классической поэзии с точки зрения использованных языковых средств, при помощи которых автор воплощает идейно-художественный замысел.
Процедура и методы. Описываются характерные для китайской поэзии литературные приёмы, направленные на эстетическое осмысление действительности. В исследовании применяются культурологический и философско-эстетический подходы к анализу поэтических текстов, а также метод контекстного анализа.
Результаты. Исследование позволило сделать вывод о том, что образность классической поэзии неразрывно связана со специфическими особенностями китайского языка как части традиционной культуры.
Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его основные результаты могут способствовать дальнейшему совершенствованию профессиональной и учебной переводческой деятельности в области китайской поэзии.

Ключевые слова: китайская поэзия, язык, поэтический образ, культура, поэтический приём

FIGURATIVE LANGUAGE OF CHINESE CLASSICAL POETRY

Y. Smertin
Kuban State University
Stavroplskaya ulitsa 149, Krasnodar 350040, Russian Federation

Abstract
Aim. The purpose of this article is to analyze Chinese classical poetry in terms of the linguistic means used, through which the author embodies the ideological and artistic idea.
Methodology. The author describes the literary techniques characteristic of Chinese poetry which are aimed at aesthetic understanding of reality. The study applies cultural and philosophical-aesthetic approaches to the analysis of poetic texts, as well as the method of contextual analysis.
Results. The study concluded that the imagery of classical poetry is inextricably linked to the specific features of the Chinese language as part of traditional culture.
Research implication. The main results of the study can contribute to the further improvement of professional and educational translation activities in the field of Chinese poetry.

Keywords: Chinese poetry, language, poetic image, culture, poetic technique

Введение

Поэтическое творчество в Китае всегда занимало исключительное место в духовной жизни общества. Конфуций утверждал, что «стихи могут возбуждать дух, могут раскрывать человека, могут способствовать общению, могут вызвать негодование» [8]. Китай-

© CC BY Смертин Ю. Г., 2022.

ская традиционная поэзия была важнейшим средством коммуникации внутри образованного класса, средством передачи тончайших душевных переживаний и взглядов на природу и общество. В стихах, создаваемых учёным сословием, в концентрированной форме выражались этические, эстетические и политические взгляды мыслящего слоя общества. Поэзия была «тончайшим соком» китайской культуры [2, с. 140]. В большой степени это было обусловлено особенностями китайского языка. «Китайцы всегда понимали, что именно поэзия первична, потому что она появилась почти одновременно с рождением языка, знали, что, упорядочивая поэтическое творчество, люди упорядочивали язык и общение на языке» [1, с. 99].

Цель нашей работы – выявить основные устойчивые образы и приёмы, характерные для классической поэзии Китая, позволявшие автору обеспечить эстетическое воздействие в соответствии с его идейным замыслом. Для этого привлечена специальная литература как филологического, так и культурно-исторического характера, а также поэтические произведения на китайском языке и в переводах на русский язык. Данная цель определила задачи исследования: 1) проанализировать специфические особенности китайского языка, влияющие на создание поэтического текста и его восприятие; 2) исследовать художественные образы и приёмы, вызывающие у человека эстетическое отношение к жизни.

Научная новизна работы состоит в том, что предложен новый подход к изучению китайской классической поэзии, основанный на комплексном анализе её художественных средств, обогащающих стихотворные образы. Это позволяет найти скрытые смыслы, заложенные автором и понять его внутренний мир. Также впервые использованы и проанализированы в рамках поставленной проблемы стихи, ранее не попадавшие в поле зрения отечественных китаеведов и переводчиков.

Данное исследование находится на стыке лингвистической и литературоведческой традиции и потому может быть отнесено к такому разделу филологии, как лингвопоэтика. В этом разделе филологии предполагается осмысление литературного произведения с точки зрения трёх родственных наук – истории, литературоведения и языкознания. Теоретическую базу под практику такого подхода подвели В. В. Виноградов, В. Я. Задорнова, А. А. Липгарт. Последний определил лингвопоэтику как раздел филологии, «в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [4, с. 18]. С этих позиций автор статьи стремился реализовать поставленную цель и задачи.

Текст и контекст

Китайский язык, как известно, не имеет склонений, спряжений, не отягощён падежами, родами, временами и т. п. Это даёт возможность автору литературного произведения максимально сконцентрироваться на сущностных вещах и быть максимально кратким, что делает китайскую поэзию необычайно выразительной. Можно продемонстрировать это на примере стихотворения Чжоу Панъяня (1056–1121 гг.).

桃 溪 不 作 从 容 住,
秋 藕 绝 来 无 续 处。
当 时 相 候 赤 阑 桥,
今 日 独 寻 黄 叶 路。
烟 中 列 岫 青 无 数,
雁 背 夕 阳 红 欲 暮。
人 如 风 后 入 江 云,
情 似 雨 馀 粘 地 絮。[1]

[1] 古诗大全 [Электронный ресурс]. URL: www.gushimi.org (дата обращения: 28.03.2022).

В дословном переводе стихотворение выглядит следующим образом:

персик река не делать спокойно оставаться
осень корень лотоса отрывать не соединять место
тогда ждать красный перила мост
сегодня одинокий искать жёлтый лист дорога
туман среди располагаться вершина зелёный нет числа
дикий гусь назад заходящее солнце красный близко вечер
человек как ветер после проникать река облако
любовь как дождь остаток приклеивать земля серёжка (ивы)

Вариант поэтического перевода может выглядеть так:

Лишён спокойствия, стою перед рекой Цветущих персиков.
Осенний корень лотоса, коль вырвешь – уж не пересадишь.
Тогда – мост с красными перилами был местом нашей встречи,
Сейчас же – в одиночестве ищу дорогу, жёлтою листвой укрытую.
Туман подкрадывается к множеству вершин зелёных,
Пред темнотой краснеет солнце на пути гусей, домой летящих.
Бриз облаками реку всю заполнил: это на меня похоже…
После дождя серёжки ивы льнут к сырой земле: это любовь…

(*перевод наш. – Ю. С.*)

Образованные китайцы воспринимали зрительный ряд иероглифов и стоящие за ними смысловые значения как цельную выразительную картину, написанную крупными штрихами, и ясность, определённость в нашем понимании им вовсе не требовалась. В результате, считает Вэн Вэньсянь, создаётся особая структура предложения, простая и ясная, но в то же время с замаскированной связью чувства и обстановки, они находятся в состоянии смешивания, но не сливаются полностью, между ними остаётся большой зазор, который должен восполнить читатель [13, p. 188].

Серьёзные трудности возникают при переводе китайской поэзии на другие языки. Необходимо передать эту удивительную экономность стиха, содержащиеся в нём образы, ассоциации и символы, и в то же время сделать его понятным для людей с другой системой мышления и иным языком. При этом непременно теряется экспрессивность, рельефность и образность поэтического произведения и многое привносится от «креативных возможностей переводчика» и культуры, которую он представляет [5, с. 116]. Возникают, по определению Суй Лихуна и Т. А. Казаковой, «образно-символические потери», наносящие большой урон контексту в переводах. Причины они видят не только в огромном расстоянии между культурно-поэтическими традициями, но и в различии переводческих установок [6, с. 496].

Большая часть художественных переводов на русский язык выполнена профессиональными поэтами, не знающими китайского языка и особенностей китайского стихосложения, по подстрочникам, сделанным китаеведами. Зачастую они привносят в перевод собственное мировоззрение, отличное от китайского, а стремление подобрать рифмующиеся слова приводит к искажению смысла произведения. Существует немало художественных переводов, выполненных профессиональными китаеведами, такими как Л. З. Эйдлин, М. Е. Кравцова, Б. Б. Вахтин, Л. Е. Черкасский и др. Однако даже в самом хорошем переводе

утрачиваются многие стилистические, композиционные, тональные и другие особенности китайского языка, делающие его уникальным явлением мировой культуры.

Отсутствие времён в китайском языке даёт возможность поэту представить читателю сцену не в определённой системе временных координат, а с точки зрения вечности. Нас не приглашают, например, наблюдать конкретную весну, видимую конкретным человеком в определённый момент; нам дают почувствовать квинтэссенцию «весеннести», как это делает, например, Се Линъюнь (385–433 гг.):

По лугам, зеленея, весенние травы взошли,
А скитальца в дороге тоскливые думы манят.
Небо крыльями чертят проворные стаи стрижей,
Молодыми цветами покрыт абрикосовый сад.
И свежа, и душиста садовых деревьев листва,
В вышине не смолкает веселая птичья игра.
На высокую крышу спускается тень облаков,
Над речною долиной прозрачные дуют ветра.
(*перевод Л. Бежина*)[1]

Поэт не навязывается читателю, не вторгается собственной персоной в изображаемую сцену. Место субъекта в этой сцене свободно и легко может быть занято читателем или воображаемым персонажем. Поэтому китайская поэзия была в основном безличной, слово «я» в ней практически не употреблялось (хотя при переводах оно с необходимостью появляется, как это произошло в приведённом ранее переводе стихотворения Чжоу Панъяня). Как отмечал М. Галик, «китайская культурная среда никогда не знала индивидуализма того типа, который существовал в романтической Европе» [11, p. 197]. Однако это не значит, что китайская поэзия неэмоциональна. Наоборот, эмоция (*цин*) стала ядром китайской поэтической мысли, она концептуализируется через словесные узоры и визуальное проявление. Эмоции проявляются в узорчатых звуках и иероглифах, а эта узорчатость, в свою очередь, порождает визуальные проявления при изображении мира человека и природы. Можно согласиться с Цай Цзунци, американским профессором китайского происхождения, полагающим, что «ни в одной другой литературной традиции мы не найдём концепции создания поэзии, столь последовательно и тщательно обоснованной в таком динамическом взаимодействии и слиянии эмоций, словесных узоров и визуализации» [10, p. 1].

Иногда в стихотворении даже глаголы опускаются, и строчки могут состоять из серий существительных, лишённых всех соединительных связей, таких как союзы, глаголы, требуемые в прозе. Читаем стихотворение Ма Цзыюаня (1270–1330 гг.):

Засохшая лоза, деревья старые, вороны в полумраке,
Мост небольшой, бегущая вода, людей жилища,
Дорога древняя, холодный ветер западный, конь изможденный[2].
(*перевод наш. – Ю. С.*)

Поэт разворачивает сцену как свиток китайской живописи, и наше внимание последовательно движется от одного объекта к другому. Отсутствие глаголов создаёт ощущение тишины, безмолвия. Всё застыло в неподвижности, и время как бы остановилось. «Носитель китайского языка глубоко созерцателен по отношению к окружающему миру». – отмечает Тань Аошуан. – «Он умеет абстрагировать формы и упорядочивать их. Он может игнорировать противопоставления единственного и множественного …

[1] См.: Китайская пейзажная лирика III–XIV вв. (стихи, поэмы, романсы, арии) / под общей редакцией И. С. Лисевича. М.: Издательство Московского университета, 1984 [Электронный ресурс] // ЛитВек : [сайт]. URL: https://litvek.com/book-read/561035-kniga-kollektiv-avtorov-kitayska-ya-peyzazhnaya-lirika-iii-xiv-vv-chitat-online (дата обращения: 28.03.2022).

[2] 古诗大全 [Электронный ресурс]. URL: www.gushimi.org (дата обращения: 28.03.2022).

Слух его обострённо воспринимает все шумы природы» [7, с. 49].

Китайская грамматика подвижна, изменчива, «не архитектурна». По мнению американского исследователя китайской литературы Дж. Лю, в западных языках слова являются отдельными кирпичиками, из которых строится сложное здание предложений и абзацев. В китайском же языке слова представляют собой химические элементы, которые с большой лёгкостью создают новые соединения. Китайское слово не может быть сведено к «части речи» и т. п., это подвижный элемент, постоянно вступающий в реакцию с другими элементами (словами) [12, p. 42]. Это даёт возможность китайским поэтам писать максимально краткие, сжатые стихи и в то же время украшать их деталями. Поэтому в четверостишье, состоящее всего из 20 иероглифов-слов, могут быть спрессованы сущность сцены, настроение, весь жизненный опыт. «В песчинке можно увидеть мир», – говорили китайцы.

Художественный образ как обобщённая картина бытия

Классическая литература Китая необычайно многосложна и многослойна. Она насыщена традиционными образами, устойчивыми понятиями, намёками, явными и скрытыми цитатами из литературных произведений, напоминаниями о событиях прошлого и т. п. Поэтому каждое стихотворение имеет, как правило, свой подтекст с переносными значениями, что делает китайскую поэзию малопонятной для западного читателя, если он не является специалистом в области китайской культуры. Смысл стихотворения находился, как говорили тогда, «в стороне от сказанных слов». Сверхзадача поэзии состояла в том, чтобы выявить этот смысл на эмоциональном уровне. Восприятие китайской поэзии – это акт сотворчества, со-трудничества, со-участия.

Обычно стихотворение скорее намекает на поэтический образ и настроение поэта, чем подробно изображает их. Например, в стихотворении Ли Бо (701–763 гг.) «Озеро Танъян» читаем:

Черепаха гуляет по листу лотоса;
Птица отдыхает в цветке камыша;
Молодая девушка гребет в легкой ладье,
Звуки ее песни следуют по течению вод.
(*перевод В. Грубе*)[1]

Четыре строки содержат четыре слегка намеченных эскиза, соединённых в одну общую картину в рамках строфы. Читателю предоставлена возможность воссоздать весь пейзаж и распределить отдельные образы в рамках единого целого. Эта краткость художественного языка заставляет фантазию читателя как бы творить вместе с поэтом, воссоздавать образ богатый и многогранный.

Возьмём, к примеру, стихотворение поэта Ло Биньвана (619–684 гг.) «Прощание у реки Ишуй».

На этом вот месте Цзин Кэ попрощался с яньским Данем.
И шапка упала, «ударом волос» снесена …
Подобных героев не сыщешь теперь между нами,
Но также, как прежде речная вода холодна!
(*перевод Б. Мещерякова*)[2]

Без знания исторических реалий невозможно даже приблизительно понять смысл этого произведения. Обладая определённый любознательностью, можно выяснить, что в основу стихотворения положен эпизод из «Исторических запи-

[1] Грубе В. Духовная культура Китая. Литература, религія, культъ. СПб.: Брокгаузъ-Ефронъ, 1912. С. 79.

[2] Стихи 1000 поэтов. Антология китайской классической поэзии «ши» VI–XVI вв. в переводах Б. Мещерякова // Электронная бибилиотека TheLib.Ru. URL: https://thelib.ru/books/avtor_neizvesten/antologiya_kitayskoy_klassicheskoy_poezii_shi_vixvi_vv_v_perevodah_borisa_mescheryakova-read.htm (дата обращения: 28.03.2022).

сок» основателя китайской историографии Сыма Цяня (135–86 гг. до н. э.). Цзи Дань, наследный принц государства Янь в период Сражающихся царств, отправил Цзин Кэ под видом посланника в царство Цинь с целью убить тамошнего свирепого правителя, будущего императора Поднебесной Цинь Шихуанди. Герой был настроен настолько решительно, что его волосы поднялись дыбом и сбросили головной убор. Попытка была неудачной, и Цзин Кэ закололи подоспевшие слуги. Становится ясным, что в стихотворении присутствуют конфуцианские мотивы верности правителю и, видимо, буддийские сентенции о скоротечности жизни на фоне бесконечной природы. Вроде бы всё. Глубинный подтекст раскрыт, все намёки поняты, второй план выявлен.

Но оказывается, что здесь есть ещё одно измерение, доступное для понимания глубоким знатокам китайской древности. В «Исторических записках» приведена песня, которую пел Цзин Кэ в момент расставания: «Сильный ветер шумит, шумит, ах, в И-реке *холодная вода* // Храбрый муж как отправится в путь, так уж не вернётся сюда»[1]. И сразу смысл и значимость произведения приобретают более глубокий характер.

Для этого стихотворения характерно также использование двух традиционных поэтических приёмов. Первый из них – аллюзия (намёк), т. е. соотнесение описываемого с устойчивым понятием или словосочетанием, известным из истории или мифологии. Уловить её, как уже отмечалось, подчас трудно даже для специалиста. Это может быть всего одно-два слова из известной в те времена фразы. В данном случае таким намёком выступает «холодная вода». Такие аллюзии были понятны посвящённым и просвещённым, они демонстрировали глубину интеллекта как поэта, так и понимающего читателя.

Ещё один пример аллюзии – стихотворение Ван Вэя (699–759 гг.) «Вдова князя Си».

Не приневолить милостью нынешних дней
К пренебреженью любовью минувших лет.
Глядит на цветы – на ресницах слезы у ней,
Чускому князю слова не молвит в ответ.
(*перевод Арк. Штейнберга*)[2]

В этом произведении поэт вспоминает известную древнюю историю, согласно которой правитель царства Чу по имени Вэнь-ван убил государя царства Си, а вдову его сделал своей наложницей. Женщина постоянно тосковала о муже, и, несмотря на все старания, Вэнь-ван долгие годы не мог добиться от неё ни единого слова. Фраза «слова не молвит в ответ» является здесь аллюзией.

Второй традиционный приём, ярко выраженный в приведённом стихотворении Ло Биньвана, – обращение к историческому прецеденту. Как и в случае с аллюзией, обращение к историческому прецеденту усиливается тем фактом, что это идёт из прошлого и освящено им. Данный приём часто применяется не столько для описания реальной ситуации, сколько для придания ей символического значения. По словам Д. Бодде, в своей простейшей форме использование в китайской традиции прецедента включает краткую ссылку на событие или, что более часто, на персонажей, которые могут быть как полулегендарными, так и историческими [9, p. 244]. В идеальном случае простого упоминания такого персонажа достаточно, чтобы вызвать в воображении читателя особое качество или отношение, а в лучшем случае комплекс качеств и отношений. В приведённом

[1] Стихи 1000 поэтов. Антология китайской классической поэзии «ши» VI–XVI вв. в переводах Б. Мещерякова // Электронная библиотека TheLib.Ru. URL: https://thelib.ru/books/avtor_neizvesten/antologiya_kitayskoy_klassicheskoy_poezii_shi_vixvi_vv_v_perevodah_borisa_mescheryakova-read.htm (дата обращения: 28.03.2022).

[2] Ван Вэй. Река Ванчуань. СПб: Кристалл, 2001. С. 165 (Серия: Библиотека мировой литературы. Восточная серия).

стихотворении таким персонажем является Цзин Кэ, чья судьба была хорошо известна образованным людям спустя много веков.

Хорошим примером обращения к историческому прецеденту может служить стихотворение Юй Синя (513–581 гг.).

Грустно пою, переплыв Ляошуй,
Еле бреду, Янгуань покинув.
Некогда здесь Ли Лан проходил,
Шел на погибель Цзин Кэ отсюда.
Нет больше писем, нет голосов,
Образы близких в памяти стерлись.
Мне облака закрывают юг,
Снежные горы тревогу внушают.
Ныне, Су У, на мосту речном
Странник с тобой попрощаться должен!
(*перевод В. Рогова*)[1]

Здесь нужно понять минорное состояние поэта, обусловленное целым рядом обстоятельств. Янгуань – это застава, через которую лежал путь в земли западных кочевников, откуда всегда исходила угроза Китаю. Ляошуй иначе называлась Ишуй (И-река), и на её берегу уже упоминавшийся прощался с Цзи Данем. Что касается Ли Лана и Су У, то это не менее грустная история. Согласно «Истории Хань», полководец Ли Лан (II–I вв. до н. э.) был послан императором воевать против сюнну (гуннов). Однако он потерпел поражение и пробыл в плену до конца жизни. Вернувшись к дипломатии, китайские власти отправили с поручением к сюнну сановника Су У. Предводитель кочевников попытался переманить посланника на свою сторону, но Су У отверг все предложения и 18 лет провёл в далёкой ссылке. При следующем ханьском государе было заключено перемирие, и Су У смог вернуться на родину. Хотя скорее всего Ли Лан и Су У не встречались, будучи пленниками, предание свело их в момент возвращения последнего в Поднебесную. Прощаясь, Ли Лан якобы написал стихи, в которых были строки о расставании на мосту[2]. Эта сцена неоднократно описана или упоминается в стихах китайских поэтов многих поколений.

Таких знаковых фигур в китайской литературе немало, хотя они и разнятся по масштабу. Это мифические совершенномудрые правители глубокой древности Яо, Шунь и Юй, давшие китайцам основы социальной, материальной и духовной основы жизни. К ним по значимости примыкает Фу Си, чьё правление считается «золотым веком».

Символом противостояния неправедной власти были иньские чиновники, братья Бо-и и Шу-ци, жившие в XI в. до н. э. После прихода к власти чжоусцев они отказались служить узурпатору У-вану, основателю династии Чжоу. Удалившись на гору Шоуян, братья питались только дикими травами и умерли от голода.

Примерно ту же функцию в китайской литературе выполнял Чэнь Чжуцзы, брат министра древнего государства Ци. Будучи несогласным с политикой брата, он покинул Ци и поселился в царстве Чу. Государь Чу, прослышав о добродетелях Чэня, пригласил его к себе на службу, но тот отказался и продолжал зарабатывать себе на пропитание поливкой чужих огородов. Поэтому, когда в стихотворении автор собирается «поливать огороды», это означает, что он покидает службу из-за разногласий с властью.

Мудрым праведником считался любимый ученик Конфуция Янь Хуэй, живший в бедности. Он довольствовался в день «одной корзиночкой еды», жил в переулке, населённом нищими, но всегда был весел и позитивен.

Идеалом женской красоты в поэзии выступает Си Ши, наложница правите-

[1] Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / сост.: С. Серебряный, П. Сомасундарама и др. М.: Художественная литература, 1977. С. 236 (Серия: Библиотека всемирной литературы. Т. XVI).

[2] 漢書 (Han Shu) [Электронный ресурс] // Chinese Text Project : [сайт]. URL: https://ctext.org/han-shu (дата обращения: 28.03.2022).

ля царства Юэ. Последний подарил её государю царства У, своему главному военно-политическому сопернику. Тот настолько увлёкся Си Ши, что забросил государственные дела, чем и воспользовался правитель Юэ. Войска влюблённого конкурента были разбиты, а сам он свергнут с престола[1].

Все эти и другие персонажи китайской истории и мифологии густо населяют пространство традиционной китайской поэзии.

С обращением к историческому прецеденту и аллюзиями связан такой приём китайской литературы, как цитирование. Он более характерен для прозаических произведений, но довольно часто встречается и в поэзии. Цитаты могут иметь ссылку на автора, но могут быть и безымянными, что усложняет их идентификацию.

Примером цитирования в поэзии может служить отрывок из цикла Тао Юаньмина (365–427 гг.) «За вином». В нём рассказывается, как к автору, решившему уйти со службы и поселиться в деревне, ранним утром пришёл старый крестьянин. Угощая Тао вином, старик высказал сомнение в правильности его поступка и в конце своего монолога произнёс фразу: «Хочу, государь мой, чтоб с грязью мирской ты плыл!»[2], т. е. продолжил работать на благо государства и народа. Крестьянин, видимо, был знатоком древней поэзии, так как это не что иное, как строка из произведения великого поэта Цюй Юаня (IV–III вв. до н. э.) «Отец-рыбак».

Ещё одним литературным приёмом является параллелизм, что означает тождественное или сходное расположение смежных частей стиха, которые, соотносясь друг с другом, создают единый поэтический образ. В китайской поэзии – это параллельные образы из природы и жизни человека.

Возьмём, к примеру, стихотворение Ван Вэя из цикла «Жена тоскует о далёком муже».

Тело и тень, на заре расстались они,
Пар и волна, меж ними тысячи ли.
В сторону ту, где я поджидаю, взгляни:
Лишь облака плывут неспешно вдали.
(*перевод Арк. Штейнберга*)[3]

В первой паре строк, содержатся мотивы расставания, взятые из природы, а во второй – человеческие переживания по поводу разлуки. Классификация вещей по понятиям, по аналогичным парам, как и использование уже упомянутых литературных приёмов, порождала тенденцию рассматривать какой-либо феномен в терминах устойчивых символов, а не реальностей. Эти традиционные символы китайской поэзии, выступая зачастую вместо конкретных образов, позволяли обобщать, передавать определённые понятия, фиксировать личное отношение автора к окружающему миру [7].

Ещё одним выразительным средством китайской поэзии была рифма (*юнь*). Китайцы первыми в истории человечества открыли рифмованный стих и тем самым внесли бесценный вклад в развитие поэтического творчества. Рифма стала неотделимым элементом китайского стиха, ей придавалось огромное значение, она была показателем художественного мастерства. О том, какое внимание ей уделялось, свидетельствует уникальные для мировой культуры словари рифм «*Цэюнь*» и «*Таньюнь*», изданные, соответственно, в 601 и 732 гг.

В авторской лирической поэзии рифмовались преимущественно чётные строки, и эта строгая система рифм была

[1] Xi Shi, the Fairest Beauty of Ancient China [Электронный ресурс] // SHINE : [сайт]. URL: https://www.shine.cn/feature/art-culture/1709113498/ (дата обращения: 28.03.2022).

[2] Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии // сост.: С. Серебряный, П. Сомасундарама и др. М.: Художественная литература, 1977. С. 219 (Серия: Библиотека всемирной литературы. Т. XVI).

[3] Ван Вэй. Река Ванчуань. СПб: Кристалл, 2001. С. 167 (Серия: Библиотека мировой литературы. Восточная серия).

неразрывно связана с общим эстетическим планом построения стихотворения, с его композицией [3, с. 150]. Однако эволюция китайского устного языка привела к тому, что нынешнее чтение иероглифов стиха часто не даёт этой звучавшей в старину рифмы. Главными характеристиками произведения становятся внутренний ритм и тональность.

Китайская поэзия была отражением социальных и натурфилософских идей и потому широко пользовалась их символами. Среди системообразующих символов или понятий, которые формируют образ китайской культуры, следует назвать, прежде всего, наличие оппозиционных сил *Ян-Инь*, порождающих в своём вечном противоборстве-взаимодействии-взаимодополнении весь феноменальный мир. Каждый член такой пары осмысливается только в соотношении с другим членом (см. рис. 1).

ЯН	***ИНЬ***
свет	тьма
жар	холод
твёрдость	мягкость
активность	пассивность
начало	завершение
рассеивание	объединение
сила	слабость
жёсткость	гибкость
мужественность	женственность
верх	низ
небеса	земля
влажность	сухость
солнце	луна
юг	север
нечётные числа	чётные числа

Рис.1 / Fig. 1. Китайская модель всего сущего / The Chinese Model of Everything

Источник: составлено автором.

Инь и *Ян* содержатся в разной пропорции во всех вещах, непрерывно взаимодействуя и порождая циклические изменения: смену тёплого и холодного сезонов, ночи и дня, солнца и луны и т. д. Таким образом, аспекты *Инь* и *Ян* представляются универсальными источниками творчества, всякого созидательного процесса, появления чего-то нового.

Взаимодействие *Инь* и *Ян* можно встретить в любом китайском стихотворении, причём вряд ли авторы всегда сознательно включали эти символы в ткань произведения, чтобы придать ему философский подтекст.

Возьмём, к примеру, стихотворение Бо Цзюйи «В Северной беседке провожу ночь». Уже в названии явно ощущается наличие *Инь* – «север», «ночь». С каждой строчкой присутствие *Инь* всё нарастает.

В немой тишине у прохладной стены кровать.
За шелком цветным догорающая свеча …
И ночь настает, я один в беседке лежу.
А чудится мне, что я в храме буддийском сплю.
(*перевод Л. Эйдлина*)[1]

[1] Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.). М.: Художественная литература, 1987. С. 305 (Серия: Библиотека китайской литературы).

«Прохладная (остывающая) стена», как и «догорающая свеча», наступающая ночь – это убывание *Ян* и прибывание *Инь*. «В беседке лежу», т. е. в состоянии покоя, неподвижности – это тоже *Инь*. И тогда становится понятной последняя строчка. Происходит угасание, утекание жизненной энергии, засыпание, что собственно и является высшей ценностью буддизма в образе нирваны.

Та же динамика в изменении соотношения *Инь* и *Ян* прослеживается в стихах на осенние темы. Вот стихотворение того же автора «Во дворе прохладной ночью».

Роса на циновке – и **капли** ее как жемчуг,
Мой полог под ветром – и **тень** его словно **волны**.
Сижу я печальный – **с деревьев листва слетает**,
В садовой беседке так **много луны** сегодня.
(*перевод Л. Эйдлина*)[1]

Роса, капли, тень, волны, покойное состояние, листопад, луна и, наконец, «полог под ветром» (символ пассивности) – всё это качества *Инь*.

Но бывает в осени период, когда *Ян* и *Инь* находятся в равновесии, и такие моменты крайне благоприятны для человека и его творческой деятельности. Об этом повествует Лю Юйси (772–842 гг.) в стихотворении «Осень».

Ясные горы, чистые воды, с ночи лежащий иней.
В яркой листве краснота деревьев тронута желтизною.
Если к тому же взойти на башню, свежесть проникает в кости.
Это не то что дурман весенний и от него безумье.
(*перевод Л. Эйдлина*)[2]

Заключение

Образность – главная черта китайской поэзии. Создаваемые ей образы вызывают в воображении ассоциации и сравнения. Это приводит ценителя поэзии к состоянию умственного пробуждения, просветления (*син*). А это и есть цель китайской поэзии.

В значительной степени эта образность определяется спецификой китайского языка. Иероглифическая письменность позволяет воспринимать текст зрительно. Ключевым атрибутом китайской поэзии является то, что она лаконична, в каждом иероглифе помещена мысль, впечатление, образ. Нет необходимости в формальной грамматике, что является нормой для западных стихов. Акцент делается на использовании ритма и иероглифов-пиктограмм. Читатель собирает отдельные впечатления в целое произведение прямым образом.

Поэт воплощает свои чувства и мысли с помощью образов. Главным из них была природа во всех её проявлениях. Автор говорит о знакомом, всеми наблюдаемом явлении, но он не обрисовывает его, а открывает читателю в новом, неожиданном свете. Такие образы раскрывали внутренний мир поэта и предполагали некий духовный резонанс, встречные чувства читателя. Важная особенность китайской поэзии заключается в том, что в ней, как правило, сопоставляются природные сцены с социальной или личной ситуациями. Читатель видит это сходство или контраст и приходит к новому осознанию каждого из этих состояний.

На восприятие китайского стихотворения, прочувствование его атмосферы работают многочисленные и разнообразные художественные приёмы, используемые автором. Некоторые из них имеют аналоги в западной поэзии, например, аллюзия, сравнение, метафора и др. Но национальный характер китайскому сти-

[1] Горечь разлуки: Китайские четверостишья / сост. Г. Филатова. М.: ООО Издательский дом Летопись, 2000. С. 220.

[2] Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / сост.: С. Серебряный, П. Сомасундарама и др. М.: Художественная литература, 1977. С. 162 (Серия: Библиотека всемирной литературы. Т. XVI).

ху придают специфические поэтические приёмы. Среди них следует выделить обращение к историческому прецеденту, известному событию, описанному в хрониках; цитирование, прямое или скрытое, классических произведений; параллелизм, когда в стихотворении сопоставляются образы природы и человека; отсылка, зачастую неявная, к натурфилософским положениям. Вообще, китайская классическая поэзия – это поэзия намёков и скрытых подтекстов, понятная только образованному, интеллектуально развитому читателю.

Поэзия в императорском Китае была главным из искусств, наряду с каллиграфией и живописью. Всех их объединяли особенности китайского языка: живопись была каллиграфична, каллиграфия – живописна, а поэзия превращала иероглифы в звуки, которые, по традиции, идущей от Конфуция, гармонизировали Вселенную.

Дата поступления в редакцию 25.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзиньлин, Колкер Я. М. Проблемы передачи голоса поэта: из опыта перевода китайской поэзии династии Тан // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 3 (42). С. 99–106.
2. Кобзев А. И. О философско-символическом смысле образов природы в китайской поэзии // Проблемы человека в традиционных китайских учениях: сборник статей / отв. ред. Т. П. Григорьева. М.: Наука, 1983. С. 140–152.
3. Кравцова М. Е. Стихосложение // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 149–151.
4. Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики. М.: КомКнига, 2006. 168 с.
5. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2002. 160 с.
6. Суй Лихун, Казакова Т. А. Особенности перевода китайской классической поэзии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16. № 3. С. 480–500. DOI: 10.21638/spbu09.2019.309.
7. Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 232 с.
8. Федоренко Н. Т. Древнейший памятник поэтической культуры Китая // Philology.Ru: Русский филологический портал. URL: http://philology.ru/literature4/fedorenko-87.htm (дата обращения: 28.03.2022).
9. Bodde D. Chinese Thought, Society, and Science. The Intellectual and Social Background of Science and Technology in Pre-Modern China. Honolulu: University of Hawaii Press, 1991. 480 p.
10. Cai Zong-Qi. Introduction: Emotion, Patterning, and Literature. Thought and Beyond // Journal of Chinese Literature and Culture. 2019. Vol. 6. Iss. 1. P. 1–14. DOI: 10.1215/23290048-7496807.
11. Gőlik M. The Concept of Creative Personality in Traditional Chinese Literature Criticism // Oriens Extremus. 1980. № 27. Iss. II. P. 183–202.
12. Liu J. Y. The Art of Chinese Poetry. Chicago: University of Chicago Press, 1966. 164 p.
13. Weng Wenxian. A Critic of the Aesthetics of "Xing" in the Book of Songs and its Correspondence to Contemporary Poetry – A Case Study of Xia Yu's Poetry Language // Parallel Processes in the Language of Modern and Contemporary Russian and Chinese Poetry. Moscow: Institute of Linguistics, RAS, 2019. P. 184–211.

REFERENCES

1. Wang Jinling, Kolker J. M. [Rendering the voice of the poet: from the experience of translating Chinese poetry of the Tang epoch]. In: *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2017, no. 3 (42), pp. 99–106.
2. Kobzev A. I. [On the philosophical and symbolic meaning of images of nature in Chinese poetry]. In: *Problemy cheloveka v traditsionnykh kitayskikh ucheniyakh* [Human problems in traditional Chinese teachings]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 140–152.

3. Kravtsova M. Ye. [Versification]. In: *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. T. 3. Literatura. Yazyk i pis'mennost'* [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 volumes. Vol. 3. Literature. Language and writing]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2008, pp. 149–151.
4. Lipgart A. A. *Osnovy lingvopoetiki* [Fundamentals of lingvopoetics]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 168 p.
5. Sorokin Yu. A. *Perevodovedeniye: status perevodchika i psikhogermenevticheskiye protsedury* [Translation studies: the status of a translator and psychohermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 160 p.
6. Xu Lihong, Kazakova T. A. [Specifics of translation of classical Chinese poetry]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2019, vol. 16, no. 3, pp. 480–500. DOI: 10.21638/spbu09.2019.309.
7. Tan Aoshuang. *Kitayskaya kartina mira. Yazyk, kul'tura, mental'nost'* [Chinese picture of the world. Language, culture, mentality]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 232 p.
8. Fedorenko N. T. [The oldest monument of the poetic culture of China]. In: *Philology.Ru: Russkiy filologicheskiy portal* [Philology.Ru: Russian philological portal]. Available at: http://philology.ru/literature4/fedorenko-87.htm (accessed: 28.03.2022).
9. Bodde D. Chinese Thought, Society, and Science. The Intellectual and Social Background of Science and Technology in Pre-Modern China. Honolulu, University of Hawaii Press, 1991. 480 p.
10. Cai Zong-Qi. Introduction: Emotion, Patterning, and Literature. Thought and Beyond. In: *Journal of Chinese Literature and Culture*, 2019, vol. 6, iss. 1, pp. 1–14. DOI: 10.1215/23290048-7496807.
11. Gálik M. The Concept of Creative Personality in Traditional Chinese Literature Criticism. In: *Oriens Extremus*, 1980, no. 27, iss. II, pp. 183–202.
12. Liu J. Y. The Art of Chinese Poetry. Chicago, University of Chicago Press, 1966. 164 p.
13. Weng Wenxian. A Critic of the Aesthetics of "Xing" in the Book of Songs and its Correspondence to Contemporary Poetry – A Case Study of Xia Yu's Poetry Language. In: *Parallel Processes in the Language of Modern and Contemporary Russian and Chinese Poetry*. Moscow, Institute of Linguistics, RAS Publ., 2019, pp. 184–211.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смертин Юрий Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета;
e-mail: usmer@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri G. Smertin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Kuban State University;
e-mail: usmer@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смертин Ю. Г. Образность языка китайской классической поэзии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 36–47.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-36-47

FOR CITATION

Smertin Yu. G. Figurative language of Chinese classical poetry. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 36–47.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-36-47

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 81’373
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-48-58

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Мадинян Е. И.
Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Исследование нацелено на выявление способов словообразования в английском языке делового общения, выступающих в качестве наиболее частотных и продуктивных лексикологических инструментов конструирования терминологических неологизмов.
Процедура и методы. В ходе исследования использовались методы сплошной выборки, лексикологического и лексико-семантического анализа, а также индуктивный метод и метод количественного анализа выборки. Материалом исследования выступили примеры терминологических неологизмов, обнаруженные в статьях британской прессы и проанализированные с применением релевантных методов исследования.
Результаты. Исследованием установлено, что превалирующее большинство терминологических неологизмов в английском языке делового общения образуются путём словосложения (41,6%), деривации (22,3%), усечения (15,4%), блендинга (8,2%), аббревиации (7,9%) и конверсии (4,6%).
Теоретическая и/или практическая значимость. Статья дополняет теоретическую базу исследований, в которых были разработаны фундаментальные положения терминоведения и неологии. Практическая значимость работы состоит в использовании полученных результатов исследования в преподавании английского языка, лексикологии и других родственных дисциплин.

Ключевые слова: аббревиация, язык делового общения, заимствование, неология, словосложение, терминологический неологизм, терминоведение

MEANS OF CONSTRUCTING TERMINOLOGICAL NEOLOGISMS IN ENGLISH FOR BUSINESS COMMUNICATION

E. Madinyan
Peoples’ Friendship University of Russia
ulitsa Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation

© CC BY Мадинян Е. И., 2022.

Abstract

Aim. To identify the means of word formation in English for business communication which act as the most frequent and productive lexicological tools for constructing terminological neologisms.

Methodology. The study relies on the methods of continuous sampling, lexicological and lexical-semantic analysis, as well as the inductive method and the method of quantitative analysis. Study material is represented by examples of terminological neologisms registered in the articles of the British press and analysed using relevant research methods.

Results. The study revealed that the prevailing number of terminological neologisms in English for business communication are formed via compounding (41.6%), derivation (22.3%), clipping (15.4%), blending (8.2%), abbreviation (7, 9%) and conversion (4.6%).

Research implications. The article expands the theoretical framework of the previous research that put forward the fundamental provisions of terminology and neologisms study. The practical significance of the work lies in the use of the results of the study in teaching English, lexicology and other related disciplines.

Keywords: abbreviation, language for business communication, borrowing, neology, compounding, terminological neologism, terminology

Введение

Отражая динамическую природу языка, неологизмы являются неотъемлемой его частью, выступая в качестве лексикологического инструмента создания дополнительных значений и конструирования новых слов. Именно вследствие такого динамизма научное сообщество оказывается вовлечённым в процесс непрерывного изучения формирующихся внутриязыковых явлений, функционирование которых варьируется и изменяется в такт существующим социо- и лингвокультурным процессам.

В ходе своего развития и становления английский язык продолжает регулярно проходить периоды так называемого «неологического бума». Существует несколько определений термина «неологизм». Согласно Кембриджскому словарю английского языка, неологизм представляет собой «новое слово или выражение, а также новое значение для уже существующего слова»[1]. Такого рода придуманные слова или новые значения существующего слова возникают в языке постоянно, способствуя значительному расширению неологического пространства языка [5].

Неология, изучающая способы образования неологизмов, а также их классификацию, привлекает внимание лингвистов на протяжении десятков лет, о чём свидетельствуют многочисленные научные работы, посвящённые изучению самых разнообразных аспектов зарождения и функционирования неологизмов. Большинство исследований, посвящённых неологизмам, относятся к области лингвистики и базируются на пяти теориях, которые определяют неологизмы с разных точек зрения: стилистической, денотативной, структурной, этимологической и лексикографической[2]. Тем не менее, с учётом специфики изучаемого явления, исследовательские работы в данной области остаются актуальными.

Принимая терминологическую систему английского делового языка в качестве объекта исследования, данная статья направлена на предметное рассмотрение способов образования деловой терминологии с целью выявления наиболее частотных и продуктивных лексикологических инструментов конструирования терминологических неологизмов в деловом английском языке.

[1] См.: Neologism [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/neologism (дата обращения: 14.11.2022).

[2] Crystal D. The Penguin dictionary of language. London: Penguin, 1999. P. 47, 53, 97.

Теоретические предпосылки исследования

Обращение к изучению неологизмов в деловом английском вполне логично, поскольку язык делового общения ориентирован на поддержание актуальных языковых практик, влияя на их распространение и способы их использования в языке [8]. В зависимости от частоты употребления новых лексических образований можно говорить о тенденциях проникновения лексических инноваций в литературный язык и их закреплении в словарях. Однако какими бы значительными ни были изменения, процесс конструирования неологизмов в английском языке подчиняется традиционным правилам словообразования через использование приёмов аббревиации, усечения (сокращения), сращения (блендинга), заимствования слов, словосложения, деривации, аналогии и конверсии.

Аббревиация. Одной из особенностей языка делового общения является краткий и лаконичный способ изложения той или иной мысли с использованием «коротких форм слов или фраз»[1]. Участники коммуникативного обмена вынуждены излагать свои сообщения коротко и точно из-за ограниченности свободного времени. При этом сохраняется необходимость чёткого донесения информации без двусмысленных «вкраплений», что также достигается путём использования аббревиатур, принятых в языковых практиках деловых сообществ [9]. Аббревиатуры представляют собой набор букв, чаще всего представленных инициальными элементами слова или фразы, например, *B2B – business to business* (продажи между компаниями), *BAM – business as mission* (бизнес как миссия) и т. п.

Усечение. Следующим способом образования неологизмов является усечение или сокращение – процесс словообразования, заключающийся в падении «конечного звука или звуков слова вследствие акцентно-фонетических процессов», приводящем к сокращению слова[2], при этом наиболее распространённым типом усечения является апокопа, при которой сохраняется начало прототипа [6], например, *sig – signature* (подпись).

Сращение или блендинг. Данный способ словообразования реализуется посредством соединения сокращённых корней одной или нескольких лексических единиц[3], например, *Chindia – China* и *India* (Китай и Индия), *Chimerica – China* и *America* (Китай и Америка), *Obamacon – Obama* и *conservative* (Обама и консервативный), *e-lancer economy – electronic, freelancer* и *economy* (электронный, фрилансер и экономика) и т. п.

Заимствование слов. Заимствование представляет собой «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов»[4]. Инкорпорируя словарные элементы множества языков, английский, согласно проведённым исследованиям, ассимилировал лексические единицы, заимствованные из французского и латинского (29% соответственно), немецкого (26%), греческого (10%) и других языков-доноров (6%) [3]. Например, лексические единицы *revenue* (доход), *tax* (налог), *government* (правительство) пополнили словарный состав английского языка путём их заимствования из французского.

Словосложение. Словосложение – это «цельнооформленное соединение двух и

[1] См.: Abbreviation [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/abbreviation (дата обращения: 14.11.2022).

[2] См.: Апокопа (усечение) // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 52.

[3] См.: Blend [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/blend?q=blending (дата обращения: 14.11.2022).

[4] См.: Заимствование // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 150.

более морфем, выступающих в качестве корневых в отдельных словах»[1]. Именно в процессе словосложения создаются составные лексемы. Примерами являются *ghost colleague* (сотрудник компании, который работает один, чаще всего из дома, и не находится в частом контакте с другими людьми, работающими в той же компании), *overseas-funded* (финансируемый из-за рубежа), *eco-city* (город, который был спроектирован таким образом, чтобы минимизировать его воздействие на изменение климата и окружающую среду) и др.

Деривация. Деривация – это «образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством дезаффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку»[2]. Существует 57 разновидностей префиксов, которые участвуют в образовании новых слов в языке, при этом наиболее распространёнными являются префиксы отрицания и присоединения [2]. Примеры неологизмов, образованных путём префиксации, включают такие лексические единицы, как *income* (доход), *interdependency* (взаимозависимость), *co-worker* (коллега) и др. Вторым не менее важным элементом деривации является суффиксация. В английском языке суффиксы превышают количество префиксов [1]. Суффиксация также происходит под влиянием иностранных языков [10]. Примерами слов, образованных посредством суффиксации, являются *assistant* (помощник), *refugee* (беженец), *meeting* (совещание), *appointment* (запись, приём), *legalise* (узаконивать) и т. п.

Аналогия. Аналогия – «уподобление, обусловливаемое влиянием, которое оказывают друг на друга так или иначе связанные между собой элементы языка; стремление к распространению продуктивной модели (словоизменения, словообразования, фонетического изменения и т. п.) как предполагаемая причина нефонетического изменения форм слов»[3]. Аналогия – процесс когнитивно-обусловленный по своей природе и заключается в трансфере формы и/или содержания, что порождает образование схожей по структуре и/или семантике языковой единицы [4]. В качестве примера неологизмов, конструируемых на основе аналогии с существующими словами, выступает, например, термин *down-market* (магазин с товарами низкого качества), образованный по аналогии с *up-market* (магазин с товарами высокого качества).

Конверсия. Конверсия, также называемая нулевой деривацией, представляет собой вид словообразования, при котором образование нового слова осуществляется «путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения»[4], т. е. формирование нового слова из существующего происходит без изменения его формы. Например, существительное *advocate* (адвокат) произошло от глагола *to advocate* (выступать в защиту).

Л. Бауэр [7] выяснила, какие виды словообразования чаще всего использовались в процессе образования слов в английском языке в период с 1880 по 1982 гг. Данные, полученные в ходе проведённого Л. Бауэр исследования, представлены на рис. 1., где отражены шесть способов словообразования, последний из которых обозначен как «Другие» и подразумевает такие способы образования неологизмов, как редупликация, ономатопея, варваризм и т. д.

Как показывает диаграмма на рис. 1, деривация являлась основным способом словообразования в английском языке в

[1] См.: Словосложение // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 426.

[2] См.: Деривация // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 129.

[3] См.: Аналогия // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 45.

[4] См.: Конверсия // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 202.

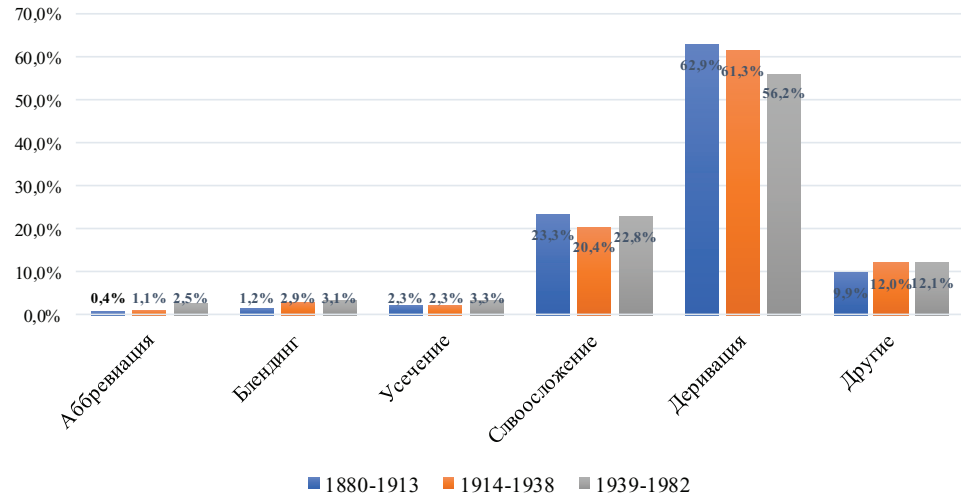

Рис. 1 / Fig. 1. Способы словообразования в английском языке в период с 1880 по 1982 гг. / Methods of word formation in English in the period from 1880 to 1982.
Источник: составлено автором на основе работы Л. Бауэр [7].

период с 1880 по 1982 гг., однако, в то же время наблюдается постепенное снижение популярности деривации как способа словообразования на исходе указанного периода исследования. Аббревиация, блендинг и усечение в образовании слов встречаются наиболее редко по сравнению со словосложением и деривацией, однако частота формирования слов в языке с помощью этих способов возрастает на протяжении данного периода. В исследовании Л. Бауэр рассмотрены три периода времени, а также проведена работа с обширной лингвистической базой данных.

Результаты исследования

Для определения наиболее часто применяемых способов образования терминологических неологизмов в английском языке делового общения в период с 2018 по 2022 гг. в данном исследовании были проанализированы 366 примеров терминологических неологизмов, отобранных методом сплошной выборки из британской газеты "The Guardian". В качестве неологизмов учитывались слова, возникшие не более двадцати лет назад.

Согласно результатам исследования, наиболее распространённым способом образования терминологических неологизмов в английском языке делового общения является словосложение (41,6% выборки). Например:

To young ears attuned to the slightest hint of ***greenwashing****, sustainability talk can sound rich coming from companies whose products are by definition never a necessity (and which used to incinerate unsold goods rather than discount them and cheapen the brand)*[1]. – Для юных ушей, чутких к малейшему намёку на «гринвошинг», разговоры об устойчивом развитии могут звучать убедительно, исходя от компаний, продукция которых по определению никогда не является необходимостью (и которые привыкли сжигать непроданные товары, вместо того чтобы устраивать распродажи и устанавливать более низкие цены на товары)[2].

[1] Poole S. "Greenwashing": the go-to solution of hedge funds and oil companies [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://theguardian.com/books/2019/dec/06/word-of-week-greenwash-why-not-good-thing (дата обращения: 01.06.2022).

[2] Здесь и далее перевод автора статьи – *Е. М.*

Неологизм *greenwashing* (гринвошинг, зеленый камуфляж) обозначает любые действия компании, которые заставляют потребителя ошибочно полагать, что она заботится об окружающей среде. Данный термин был образован путём сложения прилагательного *green* (зеленый) и существительного *washing* (отмывание, мытье) по аналогии с *brainwashing*.

В ходе исследования была также отмечена тенденция комбинированного применения словосложения (41,6% выборки) и усечения (15,4% выборки). Например:

Apiarist industry leaders also claim that New South Wales ***biosecurity*** *does not have the staff to deal with the rise of amateur beekeepers across the state, most of whom do the right thing*[1]. – Лидеры пчеловодческой отрасли также заявляют, что компании, ответственные за биологическую безопасность Нового Южного Уэльса, не нанимают сотрудников, способных справиться с ростом пчеловодов-любителей по всему штату, большинство из которых поступает правильно.

В данном предложении термин *biosecurity* (биологическая безопасность) образован двумя способами: во-первых, прилагательное *biological* (биологический) сокращено до *bio*, т. е. произошло усечение слова, а во-вторых, усечённое слово *bio* присоединяется к существительному *security* (безопасность) в результате словосложения. Рассмотрим другой пример:

Eco-terrorist *who planted bomb in Edinburgh Park jailed*[2]. – Эко-террорист, заложивший бомбу в Эдинбургском парке, отправлен в тюрьму.

Неологизм *eco-terrorist* (эко-террорист) образован двумя способами: усечением от слова *ecological* (экологический) и словосложением с существительным *terrorist* (террорист). Данная лексема так же имеет следующие деривации: *eco-terrorism*, *eco-terror*. Стоит отметить, что анализируемые примеры усечения *bio* и *eco* активно используются при образовании неологизмов в связи с текущей тенденцией к заботе об окружающей среде. Например, *biohazard* (биологическая опасность), *biowarfare* (биооружие), *ecobiotic* (экобиотический), *eco aware* (экоосведомлённый).

Случаи деривации как способа образования терминологических неологизмов в рамках рассматриваемой выборки составили 22,3% проанализированных примеров. Например:

From Tanton's ***anti-immigration*** *nonprofit network to some of today's avowed environmentalists, across the political spectrum, overpopulation and immigration in particular has been blamed for environmental collapse for over 50 years*[3]. – От антииммиграционной некоммерческой сети Тантона до некоторых сегодняшних общепризнанных защитников окружающей среды по всему политическому спектру, перенаселённость и, в частности, иммиграция обвинялись в экологическом коллапсе на протяжении более 50 лет.

Неологизм *anti-immigration* (антииммиграционный) образован с помощью деривации с добавлением отрицательного префикса *anti-* к существительному *immigration* (иммиграция). Данный термин образован с целью введения политики защиты страны от иммигрантов и отражает острые общественные проблемы. Рассмотрим другой пример:

Genomic sequencing*: what it is and how it's being used against Covid-19 in Victoria*[4]. –

[1] Plevey T. "Biosecurity nightmare": back yard beekeepers have crucial role to play in fight against varroa [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://theguardian.com/australia-news/2022/jul/03/biosecurity-nightmare-back-yard-beekeepers-have-crucial-role-to-play-in-fight-against-varroa (дата обращения: 01.06.2022).

[2] Carrell S. "Eco-terrorist" who planted bomb in Edinburgh Park jailed [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://theguardian.com/uk-news/2022/feb/16/eco-terrorist-who-planted-bomb-in-edinburgh-park-jailed (дата обращения: 01.06.2022).

[3] Cagle S. "Bees, not refugees": the environmentalist roots of anti-immigrant bigotry [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://theguardian.com/environment/2019/aug/15/anti (дата обращения: 01.06.2022).

[4] Visontay E. Genomic sequencing: what it is and how

Геномное секвенирование: что это и как его используют против Covid-19 в Виктории.

Термин *genomic sequencing* (геномное секвенирование) состоит из двух неологизмов, образованных путём суффиксальной деривации. В результате добавления к существительному *genome* (геном) суффикса *-ic* образовалось прилагательное *genomic*, а в результате добавления к существительному *sequence* (последовательность) суффикса *-ing* образовался новый термин *sequencing* (секвенирование). Рассмотрим другой пример:

UK wages have not recovered to ***pre-crisis*** *levels*[1]. – Зарплаты в Великобритании не восстановились до докризисного уровня.

Прилагательное *pre-crisis* (докризисный) возникло посредством префиксальной деривации, т. е. добавления префикса *pre-*, обозначающего временные отношения, к существительному *crisis* (кризис).

Примеры блендинга как способа образования терминологических неологизмов в рассматриваемом типе дискурса составили 8,2% анализируемой выборки. Например, в следующем примере используется термин *Brexit* («Брэкзит», выход Великобритании из Европейского Союза), который был сконструирован путём блендинга лексических единиц *Britain* (Великобритания) и *exit* (выход):

Tell us: did you apply for an EU passport after ***Brexit?***[2]. – Расскажите нам: подавали ли вы заявление на получение паспорта ЕС после Брэкзита?

Проведённое исследование показало, что в английском языке делового общения распространены инициальные аббревиатуры (7,9% выборки), образованные из начальных букв входящих в них лексем. Например:

Rishi Sunak to offer "help to grow" training for ***SME*** *managers*[3]. – Риши Сунак предложит тренинг «Помощь в развитии» для руководителей малых и средних предприятий.

В этом примере аббревиатура *SME* образована посредством соединения первых букв слов в словосочетании *small-to-medium enterprise* (малые и средние предприятия). Данный подтип не является самым эффективным с точки зрения экономии времени, так как произношение каждой буквы отдельно требует усилий, однако он является продуктивным в деловом дискурсе. Следует отметить, что официально признанным в словаре Cambridge Academic Content Dictionary является инициальный тип, в то время как слитное произношение характерно для разговорной речи.

Случаи конверсии как способа образования терминологических неологизмов в рамках рассматриваемой выборки составили 4,6% проанализированных примеров. Например:

Now confidence in the model has collapsed. Buyers are dropping out, borrowers are on mortgage strikes and developers face a ***liquidity squeeze***[4]***.*** – Теперь доверие к модели рухнуло. Покупатели уходят, заёмщики бастуют по ипотечным кредитам, а застройщики сталкиваются с дефицитом ликвидности.

it's being used against Covid-19 in Victoria [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://theguardian.com/world/2020/jul/05/genomic-sequencing-testing-coronavirus-what-is-it-how-used-australia-victoria-melbourne-covid-19-clusters-hotspots-outbreak (дата обращения: 01.06.2022).

[1] Kollewe J. IFS: UK wages have not recovered to pre-crisis levels [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://theguardian.com/business/2018/sep/12/uk-wages-have-not-yet-recovered-to-pre-crisis-levels-says-ifs (дата обращения: 01.06.2022).

[2] Guardian Community Team. Tell us: did you apply for an EU passport after Brexit? [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://theguardian.com/politics/2022/jul/25/tell-us-did-you-apply-for-an-eu-passport-after-brexit (дата обращения: 01.06.2022).

[3] Elliott L. Rishi Sunak to offer "help to grow" training for SME managers [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://theguardian.com/uk-news/2021/mar/01/rishi-sunak-to-offer-help-to-grow-training-for-sme-managers (дата обращения: 01.06.2022).

[4] Farrer M. China property sales could plunge by one-third, analysts say, as crisis deepens [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://www.theguardian.com/business/2022/jul/27/china-property-sales-could-plunge-by-one-third-analysts-say-as-crisis-deepens (дата обращения: 01.09.2022).

В коллокации *liquidity squeeze* (дефицит ликвидности) существительное *squeeze* (дефицит) образуется путём конверсии от глагола *to squeeze* (сжимать). С учётом значения глагола семантическая нагрузка данной лексемы обретает метафорическую природу и образность. Схожим образом сформирован неологизм *crunch* (дефицит) в следующем примере:

Weak sales have worsened the ***cash crunch***[1]***.*** – Слабые продажи усугубили дефицит наличности.

В случае коллокации *cash crunch* (дефицит наличности) наблюдается субстантивация глагола *to crunch* (хрустеть, раздавить), вследствие чего существительное получает значение «дефицит, нехватка». Рассмотрим другой пример:

The ***three red lines*** *have deprived property firms of the cash they need to finish building flats that they had sold in advance*[2]*.* – Политика дискриминации путём отказа владельцам собственности в займах и страховке лишила фирмы, занимающиеся недвижимостью, денежных средств, необходимых им для завершения строительства квартир, которые они уже продали.

Термин *three red lines* (политика дискриминации путём отказа владельцам собственности в займах и страховке) произошёл от фразы *to red-line* (ограничивать работу чего-либо), а результирующая семантика обнаруживает сужение значения, обусловленное его применением в определённой отрасли.

В результате анализа 366 примеров неологизмов, найденных в статьях британской газеты "The Guardian" 2018–2022 гг., были сделаны количественные выводы, представленные на диаграмме, приведённой на рис. 2.

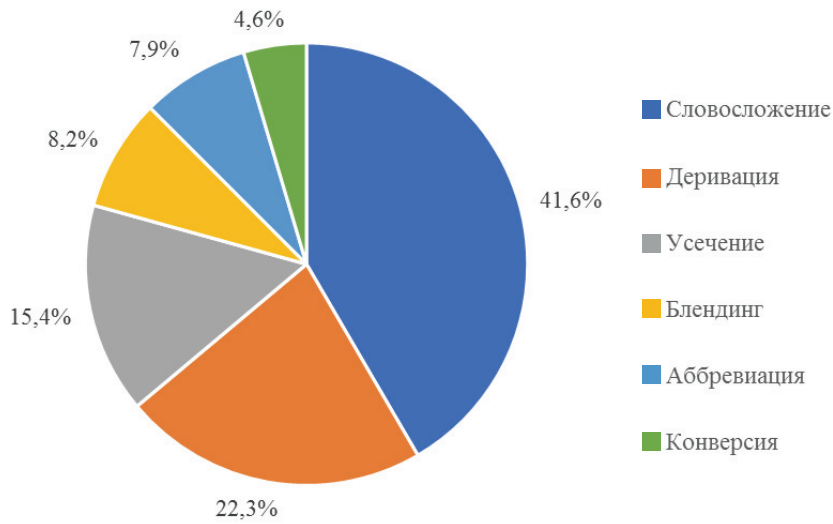

Рис. 2 / Fig. 2. Наиболее частотные способы образования терминологических неологизмов в британском деловом дискурсе / The most common formations of terminological neologisms in British business discourse

Источник: составлено автором.

[1] Jones R. "Perfect storm" for UK manufacturers as costs, credit and cash crunch looms [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://www.theguardian.com/business/2021/nov/29/perfect-storm-for-uk-manufacturers-as-costs-credit-and-cash-crunch-looms (дата обращения: 01.09.2022).

[2] Davidson H., Farrer M. How fall of property giant Evergrande sent a shockwave through China [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: https://www.theguardian.com/business/2021/sep/25/how-fall-of-property-giant-evergrande-sent-a-shockwave-through-china (дата обращения: 01.09.2022).

Исходя из данных диаграммы на рис. 2, иллюстрирующей тенденции в лексическом словообразовании английского языка делового общения в течение последних четырёх лет, можно сделать вывод о том, что большинство терминологических неологизмов образованы путём словосложения. Деривационный способ словообразования, а также формирование новых слов с помощью усечения существующих также часто встречаются среди неологизмов в рамках выборки. Блендинг, аббревиация и конверсия в образовании новых слов используются наиболее редко.

Заключение

Являясь эффективным инструментом обновления лексического состава языка, неологизмы ярко отражают его динамический характер и креативный потенциал. Поскольку неологизмы присутствуют в речевых практиках самых разнообразных (и даже всех) институциональных ниш, вопросы их научного описания и своевременной регистрации в контексте разных типов общения становятся неотъемлемой частью лингвистических исследований.

Наиболее распространёнными способами словообразования в английском языке являются аббревиация, усечение (сокращение), сращение (блендинг), заимствование слов, словосложение, деривация, аналогия и конверсия.

Проведённое исследование, направленное на выявление способов словообразования в английском языке, выступающих в качестве наиболее частотных и продуктивных лексикологических инструментов конструирования терминологических неологизмов в языке делового общения, позволило сделать ряд актуальных выводов. В результате анализа 366 терминологических неологизмов, отобранных из британской газеты "The Guardian", было выяснено, что превалирующее большинство терминологических неологизмов образованы путём словосложения (41,6% случаев). За словосложением следует деривационный способ словообразования, поскольку 22,3% отобранных неологизмов образованы путём деривации. С помощью усечения, также именуемого сокращением, образованы 15,4% терминологических неологизмов, найденных в газетных статьях. В 8,2% случаев неологизмы образованы посредством блендинга, в 7,9% случаев – с помощью аббревиации, в 4,6% случаев – путём конверсии.

Результаты проведённого исследования указывают на то, что словосложение и деривация остаются наиболее распространёнными инструментами словообразования в английском языке, однако в рамках английского языка делового общения случаи словосложения обнаруживают тенденцию постоянного роста.

Дата поступления в редакцию 30.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Пивкин С. Д. Особенности употребления суффиксальной словообразовательной модели -ize/-ise в современном дискурсе английского языка // Вопросы прикладной лингвистики. 2022. № 46. С. 67–90. DOI: 10.25076/vpl.46.03.
2. Сибул В. В., Куксова А. В. Communication during coronavirus: functioning of euphemisms in media coverage (Общение в эпоху коронавируса: функционирование эвфемизмов в медиа-дискурсе) // Вопросы прикладной лингвистики. 2021. № 41. С. 47–65. DOI: 10.25076/vpl.41.03.
3. Сырескина С. В., Орлов М. М. Влияние феномена заимствования на формирование английского языка // Агропромышленный комплекс: проблемы и перспективы развития: тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции (Благовещенск, 15 апреля 2020 г.). Благовещенск: Дальневосточный государственный аграрный университет, 2020. С. 243.
4. Торопкина В. А. Функции новообразований в заголовках средств массовой информации // Научный диалог. 2019. № 5. С. 154–168. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-154-168.

5. Algeo J. Where do all the new words come from? // American Speech. 1980. Vol. 55. No. 4. P. 264–277. DOI: 10.2307/454567.
6. Al-Salman S., Haider A. S COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No. 1. P. 24–42. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42.
7. Bauer L. Watching English Change: an introduction to the study of linguistic change in standard Englishes in the 20th century. London: Routledge, 2014. 216 p.
8. Malyuga E. N, McCarthy M. "No" and "net" as response tokens in English and Russian business discourse: in search of a functional equivalence // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No. 2. P. 391–416. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416.
9. Malyuga E. N., Rimmer W. Making sense of "buzzword" as a term through co-occurrences analysis // Heliyon. 2021. Vol. 7. Iss. 6. e07208. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e07208.
10. Mohammed S. Inconsistency of translating medical abbreviations and acronyms into the Arabic language // Training, Language and Culture. 2022. Vol. 6. Iss. 3. P. 67–77. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77.

REFERENCES

1. Pivkin S. D. [Featuring the use of the -ize/-ise suffix word-formation model in the modern multidimensional discourse as referred to the English language]. In: *Voprosy prikladnoy lingvistiki* [Issues of Applied Linguistics], 2022, no. 46, pp. 67–90. DOI: 10.25076/vpl.46.03.
2. Sibul V. V., Kuksova A. V. Communication during coronavirus: functioning of euphemisms in media coverage. In: *Voprosy prikladnoy lingvistiki* [Issues of Applied Linguistics], 2021, no. 41, pp. 47–65. DOI: 10.25076/vpl.41.03.
3. Syreskina S. V., Orlov M. M. [The influence of the phenomenon of borrowing on the formation of the English language]. In: *Agropromyshlennyy kompleks: problemy i perspektivy razvitiya: tezisy dokladov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk, 15 aprelya 2020 g.)* [Agro-industrial complex: problems and development prospects: abstracts of the reports of the All-Russian scientific and practical conference (Blagoveshchensk, April 15, 2020)]. Blagoveshchensk, Far Eastern State Agrarian University Publ., 2020, pp. 243.
4. Toropkina V. A. [Function of neologisms in electronic mass media headlines]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2019, no. 5, pp. 154–168. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-154-168.
5. Algeo J. Where do all the new words come from? In: *American Speech*, 1980, vol. 55, no. 4. pp. 264–277. DOI: 10.2307/454567.
6. Al-Salman S., Haider A. S COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 24–42. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42.
7. Bauer L. Watching English Change: an introduction to the study of linguistic change in standard Englishes in the 20th century. London, Routledge, 2014. 216 p.
8. Malyuga E. N, McCarthy M. "No" and "net" as response tokens in English and Russian business discourse: in search of a functional equivalence. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 2, pp. 391–416. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416.
9. Malyuga E. N., Rimmer W. Making sense of "buzzword" as a term through co-occurrences analysis. In: *Heliyon*, 2021, vol. 7, iss. 6, e07208. DOI: 10.1016/j.heliyon.2021.e07208.
10. Mohammed S. Inconsistency of translating medical abbreviations and acronyms into the Arabic language. In: *Training, Language and Culture*, 2022, vol. 6, iss. 3, pp. 67–77. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мадинян Елена Игоревна – ассистент кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов;
e-mail: madinyan-ei@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Madinyan – Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: madinyan-ei@rudn.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мадинян Е. И. Способы образования терминологических неологизмов в английском языке делового общения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 48–58.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-48-58

FOR CITATION

Madinyan E. I. Means of constructing terminological neologisms in English for business communication. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 48–58.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-48-58

УДК 811.133.1
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-59-65

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)

Мелькаева Р. В.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68, Республика Мордовия, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы заключается в установлении одной из форм лингвокреативности окказионализмов в романах Хелен Филдинг “Bridget Jones’s Diary” и Сессилии Ахерн “Where Rainbows End”.

Процедура и методы. В статье проанализированы многокомпонентные и комплексные окказионализмы в художественном дискурсе, отобранные методом сплошной выборки. Применены методы количественного и качественного анализа, а также дистрибутивный и контекстуальный анализ собранных примеров.

Результаты. Установлено, что многокомпонентные и комплексные окказионализмы являются одной из форм проявления лингвокреативности, а представленные примеры демонстрируют креативную функцию.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты проведённого исследования вносят вклад в теорию об окказионализмах, расширяют представления о формах лингвокреативности.

Ключевые слова: лингвокреативность, креативность, окказионализм, комплексные окказионализмы, художественный дискурс

OCCASIONAL WORDS AS A WAY OF REALIZATION OF LINGUOCREATIVITY (BASED ON THE ENGLISH-LITERARY DISCOURSE)

R. Melkaeva

National Research Mordovia State University
ulitsa Bolshevitskaya 68, Saransk 430005, Mordovia, Russian Federation

Abstract.

Aim. To establish one of the forms of occasional words’ linguocreativity in the novels by Helen Fielding “Bridget Jones's Diary” and Cecilia Ahern “Where Rainbows End”.

Methodology. We analyze multicomponent and complex occasional words in artistic discourse selected by the method of continuous sampling. Also, we use methods of quantitative and qualitative analysis, distributive and contextual analysis of the collected examples.

Results. As a result of the study, we found that multicomponent and complex occasional words are one of the forms of manifestation of linguistic creativity. They perform a number of functions where the examples presented demonstrate a creative function.

Research implications. The current study expands the understanding of the forms of linguocreativity and contributes to the theory of occasional words.

Keywords: linguistic creativity, creativity, occasional words, complex occasional words, literary discourse

© CC BY Мелькаева Р. В., 2022.

Введение

Окказионализмы являются уникальным явлением языка. Возникновение окказионализмов – это непрерывный процесс, поскольку язык функционирует, следовательно, в нём появляются новые речевые новообразования. Благодаря окказионализмам художественное произведение становится более экспрессивным, эмоционально насыщенным и интересным. В лингвистике существует большое количество слов, обозначающих понятие «окказионализм»: «слова-самоделки», «авторские слова», «художественные неологизмы», «слова-метеоры», «слова-однодневки» и др. [2, с. 4], поскольку они являются одним из способов реализации индивидуальности автора.

Анализируя литературу по теме исследования, мы можем сказать, что данной проблемой занимались М. Д. Аксёнова [1], Е. А. Земская [6], В. В. Лопатин [11], Н. И. Фельдман [13] и др. В настоящее время окказионализмы часто рассматриваются с точки зрения лингвокреативности. В **задачи** нашего исследования входит определение креативной функции окказионализмов в англоязычном художественном дискурсе. Материалом для анализа послужили романы Хелен Филдинг "Bridget Jones's Diary" (1996)[1] и Сессилии Ахерн "Where Rainbows End" (2004)[2]. Данные произведения были выбраны на основании того, что в них много интересных с точки зрения лингвистического анализа окказионализмов, которые являются образцами лингвокреативности.

Актуальность исследования заключается в необходимости изучения лингвокреативности как малоизученного языкового явления. XXI век – век информационных технологий, когда цифровые машины умеют оценивать работы студентов, переводить тексты и распознавать речь, однако ни одна из цифровых систем не сможет полноценно заменить человеческое творчество.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые рассматриваются окказионализмы с точки зрения лингвокреативности в англоязычном художественном дискурсе.

Обзор литературы по теме исследования

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой окказионализмы определяются как «слова, которые не соответствуют общепринятому употреблению, обусловлены специфическим контекстом употребления» [3].

Несмотря на многочисленные исследования, лингвисты до сих пор не составили единый комплекс критериев, который позволил бы отделить окказиональные слова от слов языкового стандарта. Так, М. Д. Аксёнова определяла окказионализмы как факты речи, а не языка. Это элемент языковой игры писателя [1, с. 27]. Л. Бауэр в своей работе описывал окказионализмы (контекстуальные образования) как слова, созданные говорящим или пишущим для определённой ситуации [15, с. 45].

Большой вклад в теорию окказиональности внёс В. В. Лопатин. По его мнению, окказионализм – это «слово, более насыщенное по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем общеупотребительное [11, с. 65]. По Э. И. Ханпире: «окказионализм – это неизвестное языку слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, либо по окказиональной (речевой) модели и созданное как с целью обычного сообщения, обычной номинацией, так и художественной целью» [14, с. 249].

На основании вышесказанного стоит сделать вывод: окказионализм – это еди-

[1] Fielding H. Bridget Jones's Diary. London: Picador, 1996. 320 p. Далее – Bridget Jones's Diary.

[2] Ahern C. Where rainbows end. New York: HarperCollins, 2004. 586 p. Далее – Where rainbows end.

[3] См.: Окказиональный // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов; изд. 2-ое, стереотип [Электронный ресурс]. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_15.htm (дата обращения: 20.02.2021).

ница, возникшая в языке для конкретной ситуации, образованная по уникальной или нормативной словообразовательной модели. Автор статьи придерживается данного определения.

Окказионализмы являются одной из форм проявления лингвистической креативности, поскольку создание окказионализмов – это творческий процесс.

Истоки лингвокреативности

В настоящее время креативности как общему понятию уделяется большое внимание. В психологии данная тема рассматривалась Дж. Гилфордом, который описал креативность как психологический феномен. По его мнению, креативность – это процесс дивергентного мышления, в результате которого люди занимаются поиском необходимого варианта [8, с. 179]. А. Бергс описывал креативность как оригинальность, помноженная на уместность [16, с. 173]. Е. П. Ильин рассматривает креативность как способность к творчеству, «порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления» [8, с. 157].

Отечественный лингвист А. А. Потебня одним из первых описал такой вид искусства как искусство слова. Его работы посвящены изучению природы языка, который является фундаментальной основой изучения языковой деятельности человека как творческого познания мира [7, с. 572]. Труды А. А. Потебни актуальны и на сегодняшний день, поскольку представляют интерес для современных исследователей в области лингвокреативности.

В лингвофилософских учениях тема лингвокреативности исследовалась В. фон Гумбольдтом [7, с. 560–561], Л. Витгенштейном [7, с. 563–564], А. Ф. Лосевым [7, с. 570–572]. Согласно гумбольдтовской концепции, язык выступает творением или результатом творчества, субъектом которого является человек. «Одно из проявлений творческого потенциала языка является возможность образовывать бесконечное число слов из отдельных элементов по известным правилам» [7, с. 560]. Одна из центральных лингвофилософских концепций по лингвистической креативности принадлежит Л. Витгенштейну, который рассматривал язык как игровую деятельность [7, с. 563].

Креативность как основа творческого начала, реализованная средствами языка, называется лингвокреативность. В лингвистике тема креативности связана с работами Н. Хомского. В теории генеративной грамматики, понятие «лингвистическая креативность» занимает одно из центральных положений, благодаря чему проблема креативной природы и креативных возможностей языка выходит на новый уровень [7, с. 577]. В дальнейшем данная тема была представлена в трудах отечественных (Е. Н. Ремчукова [12], Т. А. Гридина [5], В. Г. Гак [4] и др.) и зарубежных (Ж. Фоконье, М. Тернер [17] и др.) лингвистов.

В данной работе под лингвокреативностью мы понимаем процесс языковой творческой деятельности, способность индивида к речевому творчеству.

Согласно О. К. Ирисхановой, «исследование лингвокреативности концентрируется вокруг нескольких принципиальных вопросов, а именно того, кто является носителем творческого начала – индивид или общество; насколько нетривиальным должен быть продукт “подлинного” творчества; что в большей степени характерно для креативности – поиск новой формы или нового содержания; можно ли предсказать направление творческой деятельности и просчитать ее алгоритм» [9, с. 15].

Суть лингвокреативности окказионализмов состоит в том, что автор намеренно создаёт оригинальные, необычные формы слова. В результате такого речетворчества появляются новые единицы, которые имеют свои функции в рамках контекста. Окказиональное словообразование – это творческий процесс, поскольку автор создаёт новое, несуществующее в языке слово. Таким образом, автор

является «новатором» в языке (термин Г. О. Винокура) [3, с. 7].

Поскольку лингвистическая креативность – это творческий процесс, многие исследователи связывают её со свойствами человеческого мышления [12]. Если рассмотреть «Теорию концептуальной интеграции» (Ж. Фоконье, М. Тернер [17, с. 325]) с точки зрения когнитивной лингвистики, получится, что творческий процесс создания окказионального слова является когнитивным процессом, т. к. имеется связь с лингвокреативным мышлением и, следовательно, ментальным механизмом образования окказионального слова будет механизм концептуальной интеграции. Концептуальная интеграция является сложным когнитивным механизмом, в результате которого появляются новые значения и выявляются новые концептуальные признаки.

Анализ эмпирических данных

Исследование функций окказионализмов в художественном дискурсе проводилось на материале 125 единиц и контекстов их употребления, отобранных автором данной статьи методом сплошной выборки. В качестве функционального анализа был выбран художественный дискурс, поскольку он является актуализирующей областью для лингвокреативной деятельности.

Художественный дискурс, на материале которого анализируется функциональная значимость окказионализмов, можно определить как сложное коммуникативное явление, образуемое самим произведением, его автором, предполагаемым адресатом, как произведение, созданное в определённое время, имеющее конкретный социокультурный фон создания, характеризующийся оригинальным стилем и относящийся к конкретному жанру [10, с. 230].

В данной статье нами были проанализированы многокомпонентные (содержащие в своей структуре более двух основ и представленные структурой N+N, Adj+N, Adj+N+N и др.) и комплексные (состоящие из слияния слов или предложений в одну фразу, графически оформленные дефисом) окказионализмы. В результате анализа были определены функции окказиональных слов в англоязычном художественном дискурсе. Рассмотрим выявленные в ходе исследования функции окказионализмов.

1. Для выражения эмоционально-экспрессивной оценки героя.

(1) You think those ***"serial-killer-looking-guys"*** *are usually as friendly to lone women …?*[1] В данном примере автор с помощью комплексного окказионализма описывает внешность персонажей, даёт негативную оценку герою.

Ещё одним таким примером является следующий окказионализм:

(2) *I don't want anyone except Bridget … Don't be such* ***a prima-blood-donna***[2].

(3) *Come on,* ***Bridget-fucking-late-again*** *…*[3] – в приведённом примере с помощью окказионализма выражается недовольство, а так же придаётся больше эмоциональности речи героя.

(4) *When I got to the Alconburys' and rang their entire-tune-of-town-hallclock-style doorbell I was still in a strange world of my own – nauseous,* ***vile-headed****, acidic*[4]. Окказионализм ***vile-headed*** показывает состояние похмелья Бриджет Джонс, обладает метонимизацией и служит для усиления эмоций и чувств героини.

2. Для акцентуации внимания читателя к каким-то фактам, явлениям:

(5) *The tattoo from hell. An* ***awful-dirty-distinguishing-very-ugly-I've-just-realized-I'm-beginning-to-sound-like-you-mother*** *kind of tattoo*[5]. С помощью голофразиса, который является примером лингвокреативности, автор подчёркивает отношение к предмету и привлекает внимание читателя (татуировка, сделанная Кейт).

[1] Where rainbows end. P. 283.
[2] Bridget Jones's Diary. P. 38.
[3] Bridget Jones's Diary. P. 126.
[4] Bridget Jones's Diary. P. 90.
[5] Where rainbows end. P. 352.

3. Для описания личностных качеств героя, его внешности, эмоций:

(6) *9st 1, alcohol units 2, cigarettes 6, calories 998 (excellent, v.g. perfect* ***saint-style person****)*[1]. Описывая внешность и поведение Бриджет Джонс, автор сравнивает её со «святошей». Данный окказионализм является многокомпонентным. Благодаря метафорическому модификатору автор таким образом выражает отношение к героине.

Ещё одним таким примером может послужить следующее предложение:

(7) *Instead I am going to turn into a* ***hideous grow-bag-cum-milk-dispensing- machine ….***[2]

Анализируя материал, стоит сказать, что окказионализмы использовались для иронии и самоиронии:

(8) *Eighteen years – wasted. Eighteen years of* ***calorie and fat-unit-based arithmetic***[3]. С помощью окказионализма ***calorie and fat-unit-based arithmetic*** Бриджет выражает своё разочарование. В примере, благодаря анафоре, усиливается иронический эффект.

Ирония проявляется и в следующем предложении:

(9) *The thing is, Suki and I ... Suki?* ***Pukey****, more like ...*[4] В примере (9) окказионализм проявляется на фонетическом уровне. Бриджет Джонс показывает своё отношение к девушке Дэниела Клива, добавляя комичный эффект.

[1] Bridget Jones's Diary. P. 21.

[2] Bridget Jones's Diary. P. 26.

[3] Bridget Jones's Diary. P. 104.

[4] Bridget Jones's Diary. P. 46.

Заключение

Исследование, проведённое на материале англоязычного художественного дискурса, позволило сделать следующие выводы.

1. Окказионализмы являются одной из форм проявления лингвокреативности, поскольку создание окказионализмов является творческим процессом.

2. Окказионализмы, являясь своего рода средствами художественной выразительности, особой передачи образов персонажей, их состояния и чувств, отражают ещё и авторский стиль. Манера словотворчества является достаточно индивидуальной.

3. Лингвокреативность окказионализмов заключается в создании необычных, оригинальных форм, имеющих свои функции. Представленные примеры демонстрируют креативные функции окказионализмов, которые заключаются в выражении эмоционально-экспрессивной оценки героя, привлечении внимания читателя, описании личностных качеств героя. Кроме того, мы выяснили, что авторские окказионализмы могут использоваться для выражения иронии и самоиронии. Однако большая часть авторских окказионализмов используется для выражения эмоционально-оценочной интенции.

4. Лингвокреативность представляет собой творческий потенциал языка на самых разных уровнях. Другими словами, лингвокретивность – это сложный когнитивный процесс создания слов.

Дата поступления в редакцию 25.10.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнова М. Д. Знаем ли мы русский язык? Книга третья. История некоторых названий, или Вот так сказанул! М.: Центрополиграф, 2012. 222 с.
2. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие. Калининград: Изд-во КГУ, 1997. 84 с.
3. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка. М.: Советский писатель, 1943. 133 с.
4. Гак В. Г. Языковые преобразования. Книга 1: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. М.: URSS, 2018. 368 с.
5. Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива: монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной; 2-е изд. Екатеринбург:

Уральский государственный педагогический университет, 2013. С. 5–58.
6. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 224 с.
7. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.
8. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2011. 390 с.
9. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: автореф. дис. … док. филол. наук. М., 2005. 50 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
11. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
12. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики: монография; 2-е изд. М.: URSS, 2011. 224 с.
13. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 64–73.
14. Ханпира Э. И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка): сборник статей. М.: Наука, 1972. С. 245–317.
15. Bauer L. English Word-Formation. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 311 p.
16. Bergs A. What, if anything, is linguistic creativity? // Gestalt Theory. 2019. Vol. 41. No. 2. P. 173–183. DOI: 10.2478/gth-2019-0017.
17. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / ed. by D. Geeraerts. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371 (Series “Cognitive Linguistics Research”. Vol. 34).

REFERENCES

1. Aksonova M. D. *Znayem li my russkiy yazyk? Kniga tret'ya. Istoriya nekotorykh nazvaniy, ili Vot tak skazanul!* [Do we know Russian? Book three. The history of some names, or That's what he said!]. Moscow, Tsentropoligraf Publ., 2012. 222 p.
2. Babenko N. G. *Okkazional'noye v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticheskiy analiz* [Occasional in a literary text. Structural-semantic analysis: textbook]. Kaliningrad, Kaliningrad State University Publ., 1997. 84 p.
3. Vinokur G. O. *Mayakovskiy – novator yazyka* [Mayakovsky – language innovator]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1943. 133 p.
4. Gak V. G. *Yazykovyye preobrazovaniya. Kniga 1: Nekotoryye aspekty lingvisticheskoy nauki v kontse XX veka. Ot situatsii k vyskazyvaniyu* [Language transformations. Book 1: Some aspects of linguistic science at the end of the 20th century. From situation to statement]. Moscow, URSS Publ., 2018. 368 p.
5. Gridina T. A. [To the origins of verbal creativity: creative heuristics of children's speech]. In: *Lingvistika kreativa* [Creative Linguistics]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013, pp. 5–58.
6. Zemskaya Ye. A. *Slovoobrazovaniye kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 224 p.
7. Zykova I. V. *Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i variant* [Metalanguage of cultural linguistics: constants and variants]. Moscow, Gnozis Publ., 2017. 752 p.
8. Il'in Ye. P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity, creativity, giftedness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 390 p.
9. Iriskhanova O. K. *Lingvokreativnyye osnovaniya teorii nominalizatsii: avtoref. dis. … dokt. filol. nauk* [Linguistic and creative foundations of the theory of nominalization: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 50 p.
10. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, disk*urs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.
11. Lopatin V. V. *Rozhdeniye slova. Neologizmy i okkazional'nyye obrazovaniya* [Birth of a word. Neologisms and occasional formations]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 152 p.
12. Remchukova Ye. N. *Kreativnyy potentsial russkoy grammatiki* [Creative potential of Russian grammar]. Moscow, URSS Publ., 2011. 224 p.
13. Fel'dman N. I. [Occasional words and lexicography]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1957, no. 4, pp. 64–73.

14. Khanpira E. I. [Occasional elements in modern speech]. In: *Stilisticheskiye issledovaniya (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Stylistic studies (on the material of the modern Russian language)]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 245–317.
15. Bauer L. English Word-Formation. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 311 p.
16. Bergs A. What, if anything, is linguistic creativity? In: *Gestalt Theory*, 2019, vol. 41, no. 2, pp. 173–183. DOI: 10.2478/gth-2019-0017.
17. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks. In: Geeraerts D., ed. *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006, pp. 303–371 (Series "Cognitive Linguistics Research". Vol. 34).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мелькаева Раиса Владимировна – преподаватель иностранного языка кафедры общенаучных дисциплин Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва;
e-mail: raisa.melkaeva@yandex.ru;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5648-0777

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Raisa V. Melkaeva – Foreign Language Lecturer, Department of General Scientific Disciplines, National Research Mordovia University;
e-mail: raisa.melkaeva@yandex.ru;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5648-0777

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мелькаева Р. В. Окказионализмы как способ реализации лингвокреативности (на материале англоязычного художественного дискурса) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 59–65.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-59-65

FOR CITATION

Melkaeva R. V. Occasional words as a way of realization of linguocreativity (based on the English-literary discourse). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 59–65.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-59-65

УДК 811
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-66-77

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА *TASTEN*

Новикова Е. В.[1], Евтугова Н. Н.[2]

[1] Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина
644008, г. Омск, Институтская площадь, д. 1, Российская Федерация

[2] Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
644077, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-А, Российская Федерация

Аннотация

Цель: описать когнитивную модель немецкого глагола с семантикой осязания *tasten*, как базового глагола, эксплицирующего тактильное восприятие.

Процедура и методы. Представлена когнитивная модель немецкого глагола тактильного восприятия *tasten*. Эта модель включает в себя обязательные и факультативные признаки тактильной деятельности человека, репрезентированные в речевых ситуациях посредством данной глагольной лексемы. Материалом исследования послужили текстовые извлечения из современной немецкой художественной литературы, где глагол *tasten* используется в прямом значении. Исследование проводилось с помощью контекстуального анализа, анализа когнитивной интерпретации, сопоставительного анализа выборки из лексикографических источников.

Результаты. По данным лексикографических источников лексема *tasten* в предикативной функции относится к тематической группе активного контактно-направленного действия. Данная глагольная лексема и её семантические дериваты репрезентируют такие ядерные семантические признаки, как «ощупывание» и «движение». Контекстуальный анализ языкового материала показал, что в речевых высказываниях глагол *tasten* в прямом значении объективирует как типичное представление о процессе тактильного восприятия, так и дополнительные когнитивные признаки, связанные, прежде всего, с целью данного вида восприятия, с физическим и эмоциональным состоянием человека. В структуру когнитивной модели глагола *tasten* входят наряду с действием (предикатом) обязательные компоненты – субъект и объект тактильного восприятия, и факультативные компоненты – характеристика субъекта, характеристика объекта, орудие восприятия, время и место действия. В языковых высказываниях обязательные и факультативные компоненты представлены как эксплицитно, так и имплицитно. Факультативные характеристики субъекта, к которым относятся осознанность действий, эмоциональное состояние, цель действия выступают в различных сочетаниях с характеристиками объекта, такими как свойства объекта, его функция, его наличие / существование. Анализ языкового материала на основе построенной когнитивной модели доказывает, что целенаправленное действие субъекта направлено на объект, обладающий определёнными свойствами и выполняющий определённые функции. Неосознанность действия или эмоциональное состояние субъекта чаще соотносятся с качеством объекта или с самим фактом наличия объекта в окружающей действительности.

Теоретическая значимость исследования связана с возможным использованием его результатов в когнитивной лингвистике. **Практическая значимость** может быть определена возможным использованием языкового материала и результатов исследования в практике преподавания немецкой лексикологии, а также немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: тактильное восприятие, глагол, когнитивная модель, обязательные компоненты, факультативные компоненты

© CC BY Новикова Е. В., Евтугова Н. Н., 2022.

MODELING OF SEMANTIC STRUCTURES OF TACTILE PERCEPTION ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN VERB *TASTEN*

***E. Novikova*[1], *N. Evtugova*[2]**

[1] *Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin*
Institutskaya ploshad' 1, Omsk 644008, Russian Federation

[2] *Dostoevsky Omsk State University*
Mira prospekt 55-A, Omsk 644077, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe the cognitive model of the German verb with the semantics of touch *tasten*, as a basic verb explicating tactile perception.

Methodology. The cognitive model of the German tactile perception verb *tasten* is presented. This model includes mandatory and optional signs of human tactile activity, represented in speech situations by means of this verbal lexeme. The research material was text extracts from modern German fiction, where the verb *tasten* is used in its direct meaning. The study was conducted using contextual analysis, analysis of cognitive interpretation, comparative analysis of a sample from lexicographic sources.

Results. According to lexicographic sources, the *tasten* lexeme in the predicative function belongs to the thematic group of active contact-directed action. This verbal lexeme and its semantic derivatives represent such nuclear semantic features as "feeling" and "movement". Contextual analysis of the language material has shown that in speech utterances the verb *tasten* in its direct meaning objectifies both a typical idea of the tactile perception process and additional cognitive features associated primarily with the purpose of this type of perception, with the physical and emotional state of a person. The structure of the cognitive model of the verb *tasten* includes, along with the action (predicate), mandatory components – the subject and the object of tactile perception, and optional components – the characteristic of the subject, the characteristic of the object, the instrument of perception, time and place of action. In language utterances, mandatory and optional components are presented both explicitly and implicitly. Optional characteristics of the subject, which include awareness of actions, emotional state, and the purpose of the action, appear in various combinations with the characteristics of the object, such as the properties of the object, its function, and its presence / existence. The analysis of the language material based on the constructed cognitive model proves that the purposeful action of the subject is directed at an object that has certain properties and performs certain functions. The unconsciousness of the action or the emotional state of the subject is more often correlated with the quality of the object or with the very fact of the presence of the object in the surrounding reality.

Research implications. The theoretical significance of the study is related to the possible use of its results in cognitive linguistics. The practical significance can be determined by the possible use of language material and research results in the practice of teaching German lexicology, as well as German as a foreign language.

Keywords: tactile perception, verb, cognitive model, obligatory and optional features

Введение

Обнаружение и распознавание предметов, объектов, субстанций, окружающих человека в объективной реальности, происходит в процессе восприятия посредством функционального взаимодействия нескольких органов чувств. «Через систему восприятия человек получает всю информацию, которая направляется на обработку в сознание и на основании которой человек осмысляет действительность, получает знания, вырабаты-

вает мнение, планирует свои действия» [9, с. 178]. Восприятие характеризуется такими свойствами, как адекватность, предметность, целостность, селективность и константность. Следует отметить, что восприятие не сводится к простой сумме ощущений. Оно включает в себя прошлый опыт воспринимающего субъекта, особенности его мышления, его эмоции и чувства [9, с. 228]. Изучение когнитивных механизмов вербализации окружающей действительности с помощью процессов восприятия и переработки полученных данных мышлением человека носит междисциплинарный характер и исследуется такими науками, как психология, философия, культурология и когнитивная лингвистика. Исследования в рамках когнитивной лингвистики основываются на признании антропоцентричной сущности языка, его связи с когницией и предполагают «многоуровневый подход к анализу семантики языковых единиц с учетом процессов концептуализации и категоризации» [2, с. 35]. Той же точки зрения придерживаются и зарубежные лингвисты. В. Эванс в статье “Lexical concepts, cognitive models” делает вывод, что теоретические когнитивные модели – это мультимодальные концептуальные объекты, которые могут быть использованы в качестве основы для моделирования восприятия [14]. При таком подходе смысл описания глаголов, в том числе и глаголов восприятия, заключается в том, чтобы объяснить, какую информацию они вербализуют.

Актуальность исследования лексики в рамках когнитивистики обусловлена не только необходимостью описания вербализации процессов восприятия носителей определённого языка, но и возможностью использования результатов таких исследований в практических курсах лексикологии и стилистики.

Когнитивная модель глагола, по мнению Е. С. Кубряковой, строится по аналогии с определённым видом деятельности. Основными структурными компонентами деятельности являются субъект или источник деятельности, сама деятельность, объект, на который она направлена, средство или инструмент осуществления деятельности и цель. Когнитивная модель включает также темпоральную и локальную характеристики. В семантической структуре глагола может фиксироваться разное количество вышеперечисленных компонентов [6]. Следовательно, описание глагола можно трактовать как «сценарий» какой-либо типичной ситуации: необходимо назвать участников ситуации, их свойства; отношения участников друг к другу и связанные с ними события [8, с. 52]. Глаголы восприятия, так называемые «ворота» из объективной действительности, из «мира реальности в мир языковой» [7, с. 84], не раз становились объектом лингвистических исследований [1; 3; 4; 7; 10]. Основное внимание уделяется исследованию полисемии глаголов восприятия в их взаимосвязи с когнитивными процессами [14; 16; 17]. В последние годы растёт интерес лингвистов к изучению этой лексики на материале разных языков [13; 14; 15 и др.]. Однако комплексного изучения немецких глаголов тактильного восприятия в рамках когнитивного подхода в настоящий момент не представлено. Научная новизна нашего исследования заключается в попытке определения закономерностей процесса вербализации компонентов когнитивной модели глагола в зависимости от ситуации объективной действительности. Установление сочетаемости обязательных и факультативных компонентов когнитивной модели глагола тактильного восприятия позволяет дополнить словарную дефиницию анализируемой лексемы.

Целью данной работы является описание когнитивной модели немецкого глагола с семантикой осязания *tasten* как базового глагола, эксплицирующего тактильное восприятие. Материалом исследования послужили текстовые извлечения из современной немецкой худо-

жественной литературы, где глагол *tasten* используется в прямом значении, отобранные в цифровом словаре немецкого языка DWDS[1]. Текстовые извлечения из художественной литературы мы рассматриваем как случаи языковой объективации, реального функционирования исследуемой лексемы.

Полагаем, что глагол *tasten* в речевых ситуациях наряду со своим основным ассертивным компонентом «контакт» вербализует дополнительные когнитивные признаки. Мы считаем, что в речевых ситуациях глагол тактильного восприятия в своём прямом значении репрезентирует определённые компоненты когнитивной модели, сочетаемость которых обусловлена ситуацией объективной действительности.

Семантические структуры немецких глаголов тактильного восприятия

Семантические структуры с глаголами восприятия могут быть охарактеризованы как двухкомпонентные. В лингвистике выделяют собственно перцептивный компонент, то есть реакцию соответствующего органа восприятия на действительность, и ментальный компонент, а именно – осознание воспринятого, распознавание объекта, определение его свойств [8, с. 43]. Тактильное восприятие не является исключением. На первом «физиологическом» этапе орган тактильного восприятия можно обозначить как некое орудие [8, с. 33]. С помощью этого орудия на данном этапе возникает тактильный образ предмета. На втором этапе полученный тактильный образ подвергается «ментальной» обработке (касаться чего-либо, чувствовать, ощущать).

Опыт лингвистических исследований говорит о том, что важную роль в дифференциации значения лексем играет коммуникативный аспект. К факторам, влияющим на восприятие, относится уровень внимания человека как субъекта восприятия. Внимание может быть активным и пассивным [12, с. 3–19], в терминологии других лингвистов: произвольным и непроизвольным [11, с. 3], целенаправленным и нецеленаправленным [5].

В немецком языке представлены лексические единицы с семантикой активного и пассивного тактильного восприятия. Это в основном глагольные номинации, что обусловлено процессуальным характером тактильного восприятия. Так как свойство или качество объекта тактильного восприятия может быть выражено в языке также прилагательными и наречиями, то можно выявить третью группу номинаций восприятия наряду с активным и пассивным. Лексемы данной группы обозначают только состояние объекта восприятия.

К активным глаголам тактильного восприятия можно отнести глаголы контактно-направленного действия, глаголы целенаправленного действия. Глагольные лексемы с семантикой тактильного восприятия можно представить в виде такой структуры, как лексико-семантическое поле, единицы которого входят в отношения синонимии (*berühren – anfassen*), словообразовательно-семантической деривации (*ab-*, *an-*, *be-*, *ertasten*).

Результаты анализа показывают, что предикаты тактильного восприятия классифицируются следующим образом.

1. Группа глаголов, представляющих активное, целенаправленное тактильное восприятие: *befühlen*, *fühlen*, *tasten*, *sich tasten*, *betasten*, *antasten*, *anrühren*, *berühren*, *sich berühren*, *rühren*.

2. Группа глаголов контактно-направленного действия обозначает механическое действие, различные действия с предметами: *anfassen*, *fassen*, *angreifen*, *greifen*, *ergreifen*, *halten.*

В немецком языке эксплицирована глагольная лексика с семантикой пассивного тактильного восприятия, это лексемы *wahrnehmen*, *fühlen*. Данные глаголы

[1] DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 20.02.2021).

могут воспроизводить ситуации тактильного восприятия, которые наступают нецеленаправленно, спонтанно, непроизвольно.

Структура когнитивной модели глагола *tasten*

Проведённый анализ словарных дефиниций позволяет дать следующую характеристику глаголу осязания *tasten*. Данный глагол является фразовым глаголом тактильного восприятия, в значении которого зафиксирована как основополагающая сема «ощупать, скользить рукой по поверхности чего-либо». Сопровождающее тактильное восприятие значение в семантике данного глагола имеет сема «движение, процесс». Согласно словарной дефиниции данного глагола, в его семантике имплицирован такой когнитивный признак, как «осторожно, неуверенно». Глагол *tasten* с возвратным местоимением *sich* объективирует в первую очередь семантику движения с сопутствующим значением «ощупью, на ощупь». Префиксальные образования данного глагола *antasten*, *betasten* в текстовых реализациях могут выражать как целенаправленное тактильное восприятие, так и нецеленаправленное.

В плане синтаксической валентности ситуации тактильного восприятия с глаголом *tasten* включают в себя определённый набор актантов, в которых кроме предиката обязательными являются субъект и объект. Среди факультативных актантов выявляются орудие / инструмент, характеристика объекта.

Анализ фактического материала выявил следующие субъекты в ситуациях тактильного восприятия: номинации человека и его частей тела, животных и птиц, неодушевлённых объектов. Преимущественно субъектом ситуации тактильного восприятия выступает человек. В синтаксической конструкции этот актант может быть выражен существительным либо личным местоимением. Субъект может быть объективирован в речи конверсивно лексемами, которые могут обозначать одушевлённое лицо прямо или метонимически номинациями частей тела (руки, пальцы, ноги): *Ihre Finger betasten mein versengtes Haar*; *Meine verkommenen Hände konnten kaum die Zügel tasten.*

В некоторых ситуациях тактильное восприятие может заменять зрение – когда в роли субъекта выступает слепой человек или человек, находящийся в тёмном пространстве: *Ich tastete im Dunkeln nach dem Lichtschalter*; *Der Blinde tastet mit der Hand.*

Часто в немецком языке объективация субъекта тактильного восприятия реализуется через конструкции с неопределённо-личным местоимением “man”, обозначающим людей: *Sie verbinden sich zu Teppichen, die man betasten will, so weich wirken die aufgetragenen Schichten in den abstrakten Bildern.*

Вторым обязательным компонентом ситуации тактильного восприятия является объект, то есть на что направлено действие субъекта. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о большом количестве объектов тактильного восприятия. Среди объектов тактильного восприятия – предметов и веществ – можно выделить следующие тематические группы:

1) человек, его части тела;
2) флора и фауна;
3) сфера жизнедеятельности человека: ткани, одежда, продукты питания, мебель.

К факультативным актантам ситуации тактильного восприятия относится характеристика объекта. В процессе тактильного взаимодействия с предметами и веществами (касания, перемещения и др.) человек получает знания об этих предметах и веществах, их форме, качестве поверхности, консистенции, температурных характеристиках. При прикосновении к чему-либо объект может быть охарактеризован по качеству поверхности (*rauh* – шершавый, *klebrig* – липкий, *flaumig* – пушистый и т. д.), по внутрен-

ней структуре объекта (*weich* – мягкий, *biegbar* – упругий, *flüssig* – жидкий), по температурным свойствам (*kalt* – холодный, *eisig* – ледяной, *warm* – тёплый), по физическому воздействию на объект (*dornig* – колючий, *prickelnd* – щекочущий).

Здесь можно выделить два вида характеристик объекта: характеристики или свойства, воспринимаемые как зрительно, так и тактильно, и воспринимаемые только тактильно. К последним относятся температурные свойства, которые могут характеризоваться такими лексемами, как *heiß* – горячий, *kalt* – холодный, *warm* – тёплый, *eisig* – ледяной: *Als er mit den Füßen ins Wasser tastete, fand er es eisig.* Как собственно тактильную характеристику можно выделить признак «физическое воздействие объекта на субъект тактильного восприятия», объективируемый такими языковыми единицами, как, например, *dornig – prickelnd* – колючий, щекочущий.

Одной из многочисленно представленных в речевых ситуациях с глаголом осязания *tasten* является пространственная характеристика объекта тактильного восприятия. Человек воспринимает пространство как трёхмерное. Его можно описать в топологическом и метрическом смыслах. Категория пространства, ментально представленная в сознании человека и объективированная вербально, представляет собой обобщённое и абстрагированное отражение объективной категории. В отношении категории пространства действует принцип антропоцентризма. Пространственные отношения в языке могут быть выражены из ракурса субъекта / деятеля в ситуации или с позиций наблюдателя / реципиента, причём оба пространства могут не совпадать [3, с. 212]. В речевых ситуациях тактильного восприятия с глаголом *tasten* можно выявить такой признак, как направленность осязания по горизонтальной и вертикальной оси, так как осязание обычно включает в себя и сему «движение». Для пространственной отнесённости осязания свойственны дименсиональные признаки по вертикальной оси «верх / низ», когда объект тактильного восприятия находится наверху или внизу, часто в недоступном для зрительного восприятия месте: *Fieberhaft suchte ich nach dem Schlüssel und tastete die Oberseite der Schränke ab.*

Горизонтальное пространство может быть отмечено в речевых ситуациях с помощью таких языковых единиц, как *rechts, links* «справа / слева»: *Er tastete nach rechts, nach links.* Горизонтальное пространство может быть выражено также предлогами *hinter, vor* «позади / впереди», существительными с предлогами: *im Hintergrund*: *Mit der Hand tastete er hinter sich nach einem weiteren Stück Schokolade.* Горизонтальное пространство может быть также соотнесено с субъектом тактильного восприятия по признаку «вокруг», что объективируется в немецком языке пространственными предлогами *umher*, *herum*: *Mit der Hand tastete er umher.*

Ситуация тактильного восприятия не мыслима без орудия восприятия – руки и других частей тела. Анализируя фактический материал, можно сделать вывод, что в большинстве случаев орудие восприятия «*рука – руки*» представлено в ситуациях имплицитно, то есть при отсутствии выраженного орудия восприятия его семантика имплицитно содержится в значении предиката: *Sofort fing der Mann an, ihn zu betasten und suchte was Brauchbares.* Однако некоторые ситуации тактильного восприятия содержат какоелибо выраженное орудие восприятия. В таких речевых высказываниях используются лексемы «рука – руки»: *Der Blinde tastet mit der Hand, mit dem Stock*; *Die alte Frau tastete unruhig mit den Händen über die dünne Bettdecke.* В следующем примере орудие восприятия «рука» представлено эксплицитно через конкретизирующий атрибут «правая»: *Mit der Rechten tastete Edgar Hemd- und Hosentaschen nach dem Autoschlüssel ab.* Тактильное восприя-

тие человек может осуществлять и с помощью пальцев. К орудию тактильного восприятия относятся губы человека. Тактильные ощущения возникают и с помощью ног. И, наконец, среди орудий восприятия выделяются также предметы профессиональной деятельности, такие как пинцет, ключ, сотовый телефон и другие.

Контекстуальный анализ языкового материала позволил выделить дополнительные факультативные признаки глагола *tasten*, актуализирующиеся в речевых высказываниях в сочетании с лексемами других тематических групп.

1. Определение такого свойства объекта тактильного восприятия, как температура, может опосредованно являться определением физического состояния объекта – одушевлённого существа (например, состояние простуды). Тактильное восприятие может осуществляться с целью медицинского осмотра: *Meine Finger tasteten nach der kaputten Rippe*; *Sie machten ihn nervös, mehrmals schob er die Hand unter die Jacke und tastete nach dem Herzen.*

2. В речевых высказываниях с лексемами тематических групп «полиция», «оружие» может быть эксплицировано значение «обыскивать»: *Ich ließ ihn aufstehen, die Hände hochnehmen und tastete ihn vorsorglich nach einer Schußwaffe ab.*

В ситуациях тактильного восприятия отмечена эмоциональная составляющая. Анализ языковых репрезентаций позволяет выделить следующие когнитивные признаки глагола *tasten*.

1. Тактильное восприятие как способ эмоционального успокоения (в большинстве примеров объектом тактильного восприятия является рука близкого человека, меньшее количество высказываний содержат номинации одушевлённых и неодушевлённых объектов, тактильное восприятие которых приводит человека в состояние душевного спокойствия). *Solange er nicht weitersprechen konnte, tastete er immer wieder über die Hände des Sohnes.*

2. Тактильное восприятие как одна из составляющих сексуальных взаимоотношений. В речевых ситуациях с лексемой *tasten* в контексте взаимоотношений между мужчиной и женщиной тактильное восприятие вызывает эмоции, как у субъекта, так и у объекта: *Diese Männer können die Gedanken Alice Schwarzers als Segen begreifen, ihren Freundinnen nichts vormachen, sich miteinander hinlegen und einander liebend anfassen, streicheln, tasten, saugen, küssen ... es gibt noch viel mehr ...*; *Er tastet nach ihren Händen und überschwemmt sie mit Küssen und Tränen.*

3. Тактильное восприятие как одна из составляющих внешнего проявления беспокойства, эмоционального напряжения. Признак «нервозность, эмоциональное напряжение» представлен в высказываниях эксплицитно атрибутами *nervös*, *blind vor Wut*: *Seine Stimme ist ganz leise geworden, die Lippen zucken, seine Hände tasten nervös über die Schreibtischplatte, als suchten sie irgendwo Halt.*

Тактильное восприятие может представлять собой неосознанное действие (привычка, инстинктивное действие, механическое движение): *Instinktiv tastete Christian nach seinem Handy.*

В исследуемом материале был отмечен единичный пример, в котором ситуация тактильного восприятия является по своей сути информационным сообщением. Сама возможность дотронуться до предмета, который обычно расположен очень высоко (потолок), является характеристикой данного помещения и не требует языковой репрезентации: *Der Kollege hob den Arm, tastete die Decke meiner Katenstube ab und sagte: „Hier kannst du arbeiten?“*

В своём исследовании мы на основе контекстуального анализа высказываний с лексемой *tasten* в её прямом значении предлагаем первичную когнитивную модель тактильного восприятия. Она включает в себя такие обязательные компоненты, как субъект (с обязательной характеристикой осознанность / неосознанность выполняемого действия), действие и объект восприятия.

К факультативным характеристикам субъекта относятся цель тактильного восприятия и эмоциональное состояние субъекта. Действие может иметь темпоральную и локальную характеристики. Факультативными характеристиками объекта восприятия являются функция, свойства, факт наличия (существования), что можно увидеть на рис. 1.

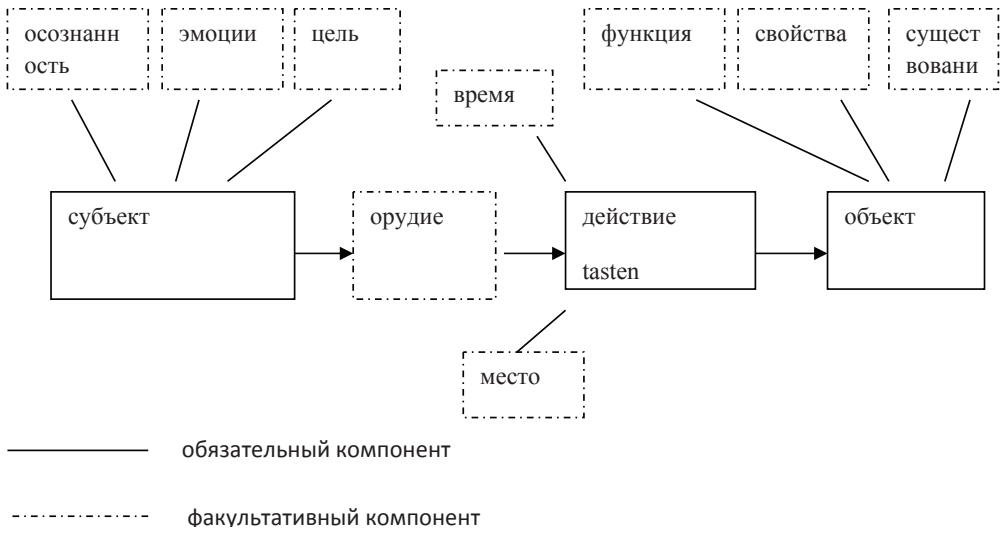

Рис. 1 / Fig. 1. Когнитивная модель глагола *tasten* / Cognitive model of the verb *tasten*

Источник: составлено авторами

Набор факультативных компонентов может быть разным в различных ситуациях тактильного восприятия, репрезентируемых в речевых высказываниях, например:

Ich taste nach dem Haken.

Ich tastete nach der Klingel und stolperte dabei über die Taschen.

Ich taste nach dem Lichtschalter und höre das Relais, das Klicken, mit dem bei Bertram das Flurlicht ausgeht.

Ohne hinzusehen, tastete er mit der freien Hand nach dem Lichtschalter.

В приведённых примерах ситуация тактильного восприятия является замещением зрения. Характеристики субъекта – цель, осознанность действия. Характеристиками объекта являются наличие и функция объекта. Такая сочетаемость компонентов является самой частотной. Человек посредством тактильного восприятия находит определённый объект для использования.

Koberling kneift die Augen zusammen und tastet unter der Decke nach Constanze, die nicht mehr neben ihm liegt.

В данном примере эксплицитно представлены обязательные компоненты (субъект, действие, объект) и факультативные компоненты (место действия, орудие). В качестве характеристики субъекта можно отметить его эмоциональное состояние, а характеристика объекта ограничена наличием / отсутствием последнего.

В следующих примерах когнитивная модель тактильного восприятия имеет следующие компоненты: субъект, цель которого телесный контакт в тесной взаимосвязи с эмоциональной составляющей, действие и его темпоральная и локальная характеристики, объект восприятия. Характеристика объекта в таких ситуациях – его наличие:

Solange er nicht weitersprechen konnte, tastete er immer wieder über die Hände des Sohnes.

„Sage mir bloß", sagte Valentin auf der dunklen Plattform, er tastete mit der Hand nach meiner Schulter, „wie ich diese schwarze Seele erleuchten soll?"

Эмоциональное состояние человека может сопровождаться неосознанным тактильным восприятием. В такой ситуации актуализируется факультативный компонент – свойство / качество объекта восприятия: *Sie lag wach, tastete mit den Fingern über die Buckel der Rauhfasertapete.*

Тактильное восприятие бывает инстинктивным, непроизвольным действием:

„Well, dann eben nicht. – Schade, die Kleine hätte mir gefallen!" brummte er und tastete mechanisch nach der Flasche, goß das Glas voll und leerte es.

Instinktiv tastete Christian nach seinem Handy.

Контекстуальный анализ фактического материала показал, что когнитивная модель тактильного восприятия глаголом *tasten* в зависимости от речевой ситуации включает те или иные (выше названные) компоненты / актанты в разных сочетаниях. Самыми частотными факультативными являются такие компоненты, как цель субъекта и свойство / функция объекта.

Выводы

Многоаспектный анализ речевых ситуаций с базовым глаголом тактильного восприятия *tasten* в соотнесении с имеющимися исследованиями осязания с точки зрения когнитивной лингвистики позволил представить когнитивную модель этого глагола.

В речевых ситуациях, включающих глагольную лексему *tasten* и её корреляты, присутствует вербальная объективация тактильного восприятия, где обязательно репрезентированы её базовые компоненты.

В большинстве примеров глагол *tasten* репрезентирует активное целенаправленное осязание.

В речевых высказываниях объективируются такие когнитивные признаки, как восприятие с определённой целью (например, определение физического состояния объекта), эмоциональная составляющая процесса восприятия может варьироваться от состояния покоя до состояния нервного напряжения. При этом в высказываниях объективируются разные объекты тактильного восприятия.

Процесс осязания даёт человеку понимание о свойствах объектов осязания. Когнитивная модель глагола *tasten* включает такие предикативные признаки тактильного восприятия, как качество поверхности, положение в пространстве относительно субъекта, температурные свойства, внутренняя структура объекта, физическое воздействие на объект. Последние два признака можно обозначить как собственно тактильные свойства, воспринимаемые только с помощью осязания, а не другими органами чувств. Большинство предикативных признаков являются многофункциональными; в ряде случаев нельзя определить, какой из модусов первичен при определении конкретного объекта.

Выделенные в результате контекстуального анализа дополнительные когнитивные признаки глагола *tasten* доказывают, что тактильное восприятие тесно связано не только с познавательной деятельностью (поиск, опознавание, определение качества объектов окружающей действительности), но и с психологическими особенностями субъекта.

Описанная в статье когнитивная модель немецкого глагола *tasten*, эксплицирующая в немецком языке тактильное восприятие, демонстрирует определённые закономерности отображения окружающего мира в языке и, соответственно, в сознании человека.

Дата поступления в редакцию 31.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Н. А., Баймуратова У. С. Структурно-синтаксические особенности предикатов тактильного восприятия в английском и русском языках // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 540–542. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10231.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
3. Борейко Т. С. Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида: дис. … канд. филол. наук. Омск, 2006. 224 с.
4. Борейко Т. С., Гейко Е. В. Типы восприятия со сложными способами номинирования в системе русского языка: обонятельное и тактильное восприятие // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 46–49.
5. Докучаева Р. М. О логико-когнитивной модели «СЛУШАТЬ / СЛЫШАТЬ» // Электронный журнал «Language and Literature». 2004. № 20. URL: http://frgf.utmn.ru/journal/№20/text02.htm (дата обращения: 22.12.2021).
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Моисеева С. А. Организация лексико-семантического поля глаголов восприятия (на материале итальянского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 84–89.
8. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 720 с.
10. Сергеева Н. В. Микрополе чувственного восприятия как конституент функционально-семантического поля перцептивности (на материале английского языка) // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 309–312. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0902-0077.
11. Слободян Е. А. Системный, функциональный и исторический аспекты семантического поля слухового восприятия (на материале русского, польского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2007. 25 с.
12. Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–22.
13. Burenhult N., Majid A. Olfaction in Aslian ideology and language // The Senses & Society. 2011. Vol. 6. Iss. 1. P. 9–29. DOI: 10.2752/174589311X12893982233597.
14. Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction // Cognitive Linguistics. 2006. Vol. 17. Iss. 4. P. 491–534. DOI: 10.1515/COG.2006.016.
15. Jansegers M., Gries S. Th. Towards a dynamic behavioral profile: A diachronic study of polysemous sentir in Spanish // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. 2017. Vol. 16. Iss. 1. P. 145–187. DOI: 10.1515/cllt-2016-0080.
16. Storch A. Knowing, smelling and telling tales in Luwo // Perception and cognition in language and culture / eds. A. Y. Aikhenvald, A. Storch. Leiden: Brill, 2013. P. 47–68. DOI: 10.1163/9789004210127_003.
17. Wälchli B. Non-specific, specific and obscured perception verbs in Baltic Languages // Baltic Linguistics. 2016. Vol. 7. P. 53–135. DOI: 10.32798/bl.384.

REFERENCES

1. Belova N. A., Baimuratova U. S. [Structural and syntactic features of tactile perception predicates in English and Russian languages]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2019, no. 6 (79), pp. 540–542. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10231.
2. Boldyrev N. N. [The conceptual space of cognitive linguistics]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, no. 1, pp. 18–36.
3. Boreyko T. S. *Situatsiya taktil'nogo vospriyatiya: sposoby predstavleniya v sisteme russkogo yazyka i v yazykovom soznanii individa: dis. … kand. filol. nauk* [Situation of tactile perception: ways of representation in the system of the Russian language and in the linguistic consciousness of an individual: PhD thesis in Philological Sciences]. Omsk, 2006. 224 p.
4. Boreyko T. S., Geiko Ye. V. [Types of perception with complex methods of nomination in the Russian language system: olfactory and tactile perception]. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagog-*

icheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research], 2017, no. 4 (17), pp. 46–49.
5. Dokuchayeva R. M. [On the logical-cognitive model "LISTEN / HEAR"]. In: *Elektronnyy zhurnal «Language and Literature»* [E-journal "Language and Literature"], 2004, no. 20. Available at: http://frgf.utmn.ru/journal/№20/text02.htm (accessed: 22.12.2021).
6. Kubryakova Ye. S. *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to obtaining knowledge about the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.
7. Moiseeva S. A. [The structure of the lexical-semantic field of the verbs of perception in the Italian language]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2017, no. 3, pp. 84–89.
8. Paducheva Ye. V. *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 608 p.
9. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 720 p.
10. Sergeeva N. V. [The micro-field of sense perception as a constituent of the functional and semantic field of perceptivity (on the material of the English language)]. In: *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2020, vol. 9, no. 2 (31), pp. 309–312. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0902-0077.
11. Slobodyan Ye. A. *Sistemnyy, funktsional'nyy i istoricheskiy aspekty semanticheskogo polya slukhovogo vospriyatiya (na materiale russkogo, pol'skogo i angliyskogo yazykov): avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Systemic, functional and historical aspects of the semantic field of auditory perception (on the material of Russian, Polish and English languages): abstract of PhD thesis in Philological Sciences].Ufa, 2007. 25 p.
12. Uryson Ye. V. [Linguistic image of the world vs. common-sense ideas]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of English], 1998, no. 2, pp. 3–22.
13. Burenhult N., Majid A. Olfaction in Aslian ideology and language. In: *The Senses & Society*, 2011, vol. 6, iss. 1, pp. 9–29. DOI: 10.2752/174589311X12893982233597.
14. Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction // Cognitive Linguistics. 2006. Vol. 17. Iss. 4. P. 491–534. DOI: 10.1515/COG.2006.016.
15. Jansegers M., Gries S. Th. Towards a dynamic behavioral profile: A diachronic study of polysemous sentir in Spanish. In: *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 2017, vol. 16, iss. 1, pp. 145–187. DOI: 10.1515/cllt-2016-0080.
16. Storch A. Knowing, smelling and telling tales in Luwo. In: Aikhenvald A. Y., Storch A., eds. *Perception and cognition in language and culture*. Leiden, Brill, 2013, pp. 47–68. DOI: 10.1163/9789004210127_003.
17. Wälchli B. Non-specific, specific and obscured perception verbs in Baltic Languages. In: *Baltic Linguistics*, 2016, vol. 7, pp. 53–135. DOI: 10.32798/bl.384.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина;
e-mail: novikova020477@mail.ru

Евтугова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского;
e-mail: natane2005@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Novikova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin;
e-mail: novikova020477@mail.ru

Natalia N. Evtugova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Linguistics and Translation, Dostoevsky Omsk State University;
e-mail: natane2005@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новикова Е. В., Евтугова Н. Н. Моделирование семантических структур тактильного восприятия на примере немецкого глагола *tasten* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 66–77.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-66-77

FOR CITATION

Novikova E. V., Evtugova N. N. Modeling of semantic structures of tactile perception on the example of the German verb *tasten*. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 66–77.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-66-77

УДК 811.112.2
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-78-85

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОТСУБСТАНТИВНЫХ НАРЕЧИЙ С СУФФИКСОМ -*WEISE* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Первак Т. В.
Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация
Цель работы – описать словообразовательные и семантические возможности отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise* в немецком языке.
Процедура и методы. Ключевым методом исследования стал метод лингвистического моделирования, эмпирическим материалом для которого послужили данные корпуса немецкого языка DWDS. В ходе исследования выделены основные словообразовательные модели отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise* и описана их специфика на морфологическом уровне.
Результаты. В работе установлено, что грамматические категории существительного оказывают значительное влияние на выбор соединительных элементов, участвующих в деривации. На основе корпусного анализа также выявлены наречия, образованные от единственного и множественного числа существительного (*sackweise – säckeweise*), и описаны их семантические различия.
Теоретическая значимость заключается в систематизации словообразовательных моделей отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise*.

Ключевые слова: интерфикс, модальное слово, отсубстантивное наречие, семантика, словообразование, словообразовательные модели, суффикс *-weise*

WORD-FORMATION MODELS OF SUBSTANTIVE ADVERBS WITH THE SUFFIX -*WEISE* IN GERMAN

T. Pervak
Moscow Region State University
ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract
Aim. The aim of the article is to describe the word-formation and semantic abilities of substantive adverbs with the suffix *-weise* in German.
Methodology. The key research method is the method of linguistic modeling. The sources of this empirical study are the data from the German corpus *DWDS*. The author identifies the main word-formation models of substantive adverbs with the *-weise* suffix and describes their morphological specificity.
Results. It is established that the grammatical categories of the noun have a significant influence on the choice of interfixes which are involved in the derivation. Corpus analysis identified adverbs formed from the singular and plural form of a noun (*sackweise – säckeweise*) as well as described their semantic differences.

© CC BY Первак Т. В., 2022.

Research implications. The theoretical significance lies in the classification of word-formation models from substantive adverbs with the suffix *-weise*.

Keywords: interfix, modal words, substantive adverbs, semantics, word formation, word-forming models, suffix *-weise*

Введение

О продуктивности или непродуктивности суффиксов в конкретном языке свидетельствует количество образованных с их помощью слов в современный период по сравнению с тем, что наблюдалось в предшествующие эпохи его развития. Продуктивными считаются суффиксы, которые встречаются в целом ряде недавно появившихся слов и с помощью которых носители языка активно создают новые слова. Примерами продуктивных суффиксов в немецком языке могут быть *-halber, -ermaßen, -wärts*, *-s*, однако наиболее продуктивным из них в настоящее время считается суффикс *-weise* [6, S. 761; 8, S. 369].

Производные слова с суффиксом *-weise* образуют крайне неоднородную группу, при исследовании которой германисты традиционно проводят грань между наречиями образа действия и модальными словами, как правило, оценочными [2; 3; 10; 12; 13; 15]. В классическом понимании модальные слова (Satzadverbiale) относятся к высказыванию в целом и выражают установку говорящего к пропозициональному содержанию (*erstaunlicherweise, möglicherweise, bezeichnenderweise*)[1], а наречия образа действия (Adverbien der Art und Weise) описывают качество выполнения действия и в целом относятся к предикату (*löffelweise, schichtweise, schrittweise, fahrenderweise*). Данное положение легко верифицируется, например, посредством трансформации модальных слов в матричное предложение и их способности функционировать на уровне глубинного синтаксиса. Отдельного упоминания стоит ряд разработанных германистами тестов, позволяющих разграничивать оба класса, среди которых тесты на образование сравнительной степени, отрицание, сочинительную связь и др. (подробнее см. [11; 14])[2].

Производные слова с суффиксом *-weise* образуются от разных частей речи. Производящей основой для модальных слов может служить прилагательное, причастие I и II, а для наречий образа действия – существительное, глагол, числительное или прилагательное [1]. Согласно проведённому Д. Элснер в 2018 г. исследованию наиболее продуктивным словообразовательным типом является «прилагательное + суффикс *–erweise*», за ним следует «существительное + суффикс *–weise*» [7, S. 218].

Относительно суффиксов *–weise / -erweise* (например, в словах *kleinweise* и *klugerweise*) существуют различные точки зрения. Д. Элснер полагает, что речь в данном случае идёт о двух различных суффиксах: *-weise* служит для образования слов от существительных, а *-erweise* – от прилагательных и причастий [7, S. 211–212]. Убедительным представляется мнение В. Гойдера, согласно которому *-erweise* не является самостоятельным суффиксом, так как при объединении двух слов сочинительной связью *-er* всегда отделяется вместе с производящей основой. Достаточно сравнить стандартные случаи сочинительной связи, такие как *kluger- und vorausschauenderweise* вместо **klug- und vorausschauenderweise*. Следовательно *-weise* следует рассматривать как суффикс, а *-er* как интерфикс [9, S. 210–211].

Цель данного исследования – показать словообразовательные и семантические потенции отсубстантивных наречий

[1] В качестве примера приведены только слова с суффиксом -weise, образующие в целом периферию класса модальных слов.

[2] Также см.: Ballweg J. Modalpartikel // Handbuch der deutschen Wortarten / ed. by L. Hoffmann. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. S. 547–554.

с суффиксом *-weise* с учётом различных структурных возможностей. Исходя из цели, были поставлены следующие задачи: (1) описать словообразовательные модели отсубстантивных наречий на *-weise* и используемые при этом соединительные элементы (интерфиксы); (2) соотнести семантику производящей основы и производного слова и объяснить семантическое различие между наречиями, образованными от форм единственного и множественного числа одного и того же существительного.

Для проведения исследования в рамках синхронического словообразования был привлечён корпус немецкого языка DWDS[1], в частности современный подкорпус *Webkorpus*. Методом поиска по заданным критериям было отобрано более 300 примеров использования отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise*. Для составления словообразовательных моделей в работе применялся метод лингвистического моделирования, а для описания всех выделенных структурных форм наречий на *–weise* – описательный метод и анализ словарных дефиниций.

Модели образования отсубстантивных наречий на *-weise*

Эксплицитная деривация, т. е. создание новых слов при помощи словообразовательных элементов (суффиксов и префиксов), занимает в немецком словообразовании ведущее место. При этом суффиксация является для наречий наиболее продуктивным деривационным способом. При суффиксации деривационный процесс может проходить как с участием соединительных элементов (die Fuge), так и без них.

В германистике остаётся дискуссионным вопрос о том, что является соединительным элементом. Приверженцы первой точки зрения, в частности Э. Доналис, рассматривают в качестве соединительных элементов только *-s-*, *-o-*, *-i-*, исключая все флексии и аффиксы словоизменительной парадигмы левой словообразовательной единицы. Таким образом, *-er* в *Kinderkram*, *-es* в *Sohnespflicht*, *-e* в *Mäusegift* и *-en* в *Kapuzenjacke* не являются соединительными элементами, так как словоизменительная парадигма предусматривает словоформы *Kinder*, *Sohnes*, *Mäuse*, *Kapuzen*. Соединительные элементы *-s-*, *-o-*, *-i-* встречаются, прежде всего, в номинальных и адъективных сложных словах: *Stratigrafie*, *Thermometer*, *Heizungsmonteur*, *emotionsstark* [5, S. 170]. Представители второй точки зрения исходят из того, что слова составляются из основ, а не изменяемых словоформ, поэтому всё, что находится между первой и второй основами относится к соединительным элементам.

Остановимся подробнее на вопросе, по каким моделям строятся наречия с суффиксом *-weise* и прослеживается ли зависимость словообразовательной модели производного слова от морфологической структуры и грамматического значения существительного, выступающего производящей основой. Рассмотрим 5 словообразовательных моделей.

1. Существительное + e + -weise

Для данной модели характерно наличие соединительного элемента *-e* между производящей основой и суффиксом, например, *bergeweise*, *busseweise*, *hefteweise*, *säckeweise*, *körbeweise*, *tageweise*. Нельзя не заметить, что в качестве производящей основы выступают существительные мужского или среднего рода, образующие множественное число посредством суффикса *-e*: *der Buss – die Busse, der Sack – die Säcke, das Heft – die Hefte* и т. д.

(1) *In ihrer Freizeit hat sie voller Leidenschaft hefteweise Kreuzworträtsel gelöst*[2].

(2) *Zur Saison von Juli bis September sind körbeweise leckere Pflaumen aus der Region erhältlich.*

[1] DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 01.06.2022). Далее – DWDS.

[2] Здесь и далее иллюстративный материал приведён из корпуса DWDS.

2. Существительное + en + -weise

Типичным для второй модели является наличие соединительного элемента *-en* между производящей основой и суффиксом, например, *flaschenweise, gruppenweise, seitenweise, tassenweise, wochenweise*, *tütenweise*.

(3) *Tütenweise und in üppigen Mengen abgepackt liegen die Zwiebeln dann wieder in den Gartencentern.*

Эмпирический материал демонстрирует здесь определённую закономерность, состоящую в образовании наречий от многосложных существительных женского рода во множественном числе. Однако следующий пример из корпуса свидетельствует о том, что производящей основой могут служить и существительные мужского рода:

(4) *Dazu gehört beispielsweise auch, dass die Daten sektorenweise ausgelesen werden.*

Наречие *sektorenweise* произведено от заимствованного существительного *der Sektor*, которое образует форму множественного числа с помощью суффикса *-en* и переходом ударения на второй слог, что является прототипическим для подобных заимствований – *die Sek´toren*, *die Trak´toren*, *die Modera´toren.* Важно подчеркнуть, что структурно допустимая модель не реализуется в силу лексико-семантических ограничений производящей основы, поэтому в корпусе DWDS не были зафиксированы примеры употребления для таких слов, как *der Professor*, *der Moderator*, *der Redaktor*, *der Traktor, der Transformator*, *der Prozessor.*

3. Существительное + er + -weise

При образовании наречий по данной модели специфичным является наличие соединительного элемента *-er* между производящей основой и суффиксом. В качестве производящей основы выступают существительные среднего и мужского рода, образующие множественное число с помощью суффикса *-er*, например, *bücherweise*, *bundesländerweise*, *felderweise*, *wälderweise.*

(5) *Die Regelungen und Vorschriften sind aber bundesländerweise unterschiedlich geregelt.*

(6) *Im normalen Büroalltag fallen wälderweise Papierberge an.*

4. Существительное + (e)s + -weise

По данной модели наречия образуются при помощи соединительного элемента -(*e)s* между производящей основой и суффиксом. В отличие от моделей 1–3 наречия данной группы образованы от существительных всех трёх родов, например, *quartalsweise (das Quartal)*, *portionsweise (die Portion)*, *versuchsweise (der Versuch)*, *monatsweise (der Monat)*.

(7) *Beobachten Sie den Goldkurs genau und verkaufen Sie quartalsweise oder monatsweise kleine Mengen.*

Соединительный элемент *-s-* используется, как правило, при словосложении, если определяющая (левая) единица имеет суффиксы: *-heit*, *-ion*, *-ität*, *-keit*/*-igkeit*, *-schaft*, *-ung* (*Zahlungsbedingung*, *Freiheitsliebe*, *Solidaritätsgefühl*). Работа с корпусным материалом показывает, что данная закономерность прослеживается и при деривации с *-weise*, если производящей основой выступают существительные с вышеперечисленными суффиксами, например, *universitätsweise, aktionsweise, realitätsweise, sicherheitsweise, billigkeitsweise, vertretungsweise.*

(8) *Wir wollen die universitätsweise Lösung!*

В ряде случаев, в частности у отглагольных существительных женского рода (die Aushilfe, die Ausnahme), происходит усечение грамматической морфемы *-e*, например, *aushilfsweise*, *ausnahmsweise*.

(9) *Beim Besuch der Heimatzeitung kümmert sich aushilfsweise Ronja Baiker um die normalerweise zehn Kursteilnehmer.*

5. Существительное + -weise

По данной модели наречие образуется путём прямого соединения существительного с суффиксом *-weise* без участия дополнительных связующих элементов, например, *eimerweise*, *kiloweise*, *testweise*, *kreuzweise*, *probeweise*, *tropfenweise*.

(10) *Trinken Sie den Saft langsam und schluckweise.*

(11) *Sie können das Teebaumöl beispielsweise tropfenweise dem Shampoo zumischen.*

Данная модель применима также к деминутивам – словам, передающим субъективно-оценочное значение малого объёма или размера, обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов, например, *tröpfchenweise*, *scheibchenweise*, *häppchenweise*, *grüppchenweise*, *schrittchenweise.*

(12) *Details gelangten nur tröpfchenweise an die Öffentlichkeit.*

Обращает на себя внимание тот факт, что в приведённом высказывании (12) наречие *tröpfchenweise* приобретает оценочное значение *по крохам*, *по крупицам* в отличие от прямого значения *tropfenweise* в (11) – *каплями*, *по каплям*.

Все проанализированные модели наглядно представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Модели отсубстантивных наречий с суффиксом –*weise* / Models of substantive adverbs with the suffix -*weise*

Словообразовательная модель	Пример производного слова
Существительное + e + -weise	*bergeweise*, *hefteweise*
Существительное + (e)n + -weise	*flaschenweise*, *gruppenweise*
Существительное + er + -weise	*bücherweise*, *bundesländerweise*
Существительное + (e)s + -weise	*beispielsweise*, *vertretungsweise*
Существительное + -weise	*eimerweise*, *häppchenweise*

Семантические различия между наречиями типа *sackweise – säckeweise*

В ходе наблюдений над эмпирическим материалом было выявлено, что у некоторых наречий на *-weise* производящая основа имеет форму как единственного, так и множественного числа, например, *sackweise – säckeweise*, *portionsweise – portionenweise*, *korbweise – körbeweise*, *fassweise – fässerweise*. Как видно из примеров, все они содержат количественный компонент и, несомненно, их функции и семантика не могут не коррелировать с лексической природой производящей основы. Однако возникает вопрос, используются ли, например, наречия *sackweise* и *säckeweise* синонимично или между ними есть семантическая грань.

Согласно исследованию К. Кортес и Х. Сабош трансформация отсубстантивных наречий с количественным компонентом происходит по различным синтаксическим образцам в зависимости от того, какое существительное лежит в основе наречия:

1) *kännchenweise – ein / zwei / n Kännchen Kaffee*: определённое количество + исчисляемое существительное для обозначения меры;

2) *haufenweise – ein Haufen Geld* (**zwei Haufen Geld*), *bergweise – ein Berg Papier*: неопределённое количество (много или мало) + существительное для обозначения массы/меры;

3) *schrittweise – Schritt für Schritt*: существительное демонстрирует равные интервалы, упорядоченные во времени или пространстве, показывает тенденцию к неопределённости и употреблению в единственном числе;

4) *gruppenweise – eine Gruppe von Schülern*: существительное обозначает подгруппу или часть целого [4, S. 198–203].

Опираясь на приведённую выше классификацию, проанализируем ряд примеров:

(13) *Wer Kartoffeln erntefrisch essen möchte, erntet sie am besten immer portionsweise, anstatt gleich alle auf einmal auszugraben.*

(14) *Die Kartoffeln portionenweise auf niedriger Temperatur goldbraun braten.*

(15) *Kräftige Steinpilze werden hier nicht stückweise, sondern eimer- und korbweise gezählt.*

(16) *Es wurden vier Schweine geschlachtet, körbeweise Reis gekocht und säckeweise Gemüse geschnitten.*

В примере (13) *portionsweise* интерпретируется как часть выкапываемого урожая *(ein Teil von Kartoffeln)*, в предложении (14) речь идёт о порциях запекаемого картофеля (*eine, zwei Portionen Kartoffeln*). Пример (15) интересен употреблением в одном высказывании трёх наречий – *stückweise*, *eimerweise* и *korbweise*. Наречие *korbweise* буквально означает, что грибы здесь считаются не штуками и даже не вёдрами, а корзинами: *ein, zwei Korb Steinpilze*. В высказывании (16) *körbeweise Reis gekocht* и *säckeweise Gemüse geschnitten* прослеживается значение *много – ein Haufen Reis / Gemüse*. Это даёт основания причислять данные слова наряду с квантификаторами типа *много*, *некоторые*, к детерминативам, отражающим особые количественные характеристики существительного [7, S. 219].

Заключение

Суффикс *-weise* относится к наиболее продуктивным суффиксам для образования наречий в немецком языке и демонстрирует при этом способность к сочетанию с различными частями речи (существительными, прилагательными, причастиями, глаголами). Наречия на *-weise* образуются от существительных, имеющих различия в грамматическом значении и относящихся к различным семантическим классам. Грамматическое значение производящей основы (существительного) во многом определяет, какой из соединительных элементов (*-(e)n*, *-(e)s*, *-er*, *-e*) участвует в деривационном процессе. Это позволяет выделить основные словообразовательные модели отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise* и описать их специфику на морфологическом уровне, затронув при этом семантические различия. Так, интерфиксы *-e*, *-er* характерны для существительных мужского и среднего рода, образующих множественное число с таким же суффиксом, а *–en* – для многосложных существительных женского рода. Интерфикс *–(e)s* имеет тенденцию к использованию после существительных с суффиксами *-heit*, *-ion*, *-ität*, *-keit*, *-ung* (*vertretungsweise*).

При интерпретации эмпирического материала прослеживаются семантические различия наречий, образованных от единственного и множественного числа одного и того же существительного (*sackweise – säckeweise*). В углублённом изучении этого вопроса, а также различий наречий типа *beispielsweise* и *beispielweise* видится перспектива дальнейшего исследования.

Дата поступления в редакцию 10.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Первак Т. В. Производные слова с суффиксом *-weise* в немецком языке: образование и интерпретация // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 3 (31) [Электронный ресурс]. URL: https://rulb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.13 (дата обращения: 27.08.2022). DOI: 10.18454/RULB.2022.31.13
2. Первак Т. В. Семантика модальных слов с суффиксом *-weise* в немецком языке // ГЕРМАНИСТИКА 2021: NOVE ET NOVA: материалы IV Международной научной конференции (10–12 ноября 2021, МГЛУ, г. Москва). М.: МГЛУ, 2021. С. 124–129.
3. Axel-Tober K. Satzadverbiale im Deutschen: synchrone und diachrone Fragen bei einem ‘scheints’ alten Thema // „dat ih dir it nu bi huldi gib“ – Linguistische, germanistische und indogermanistische Studien Rosemarie Lühr gewidmet / Neri S., Schuhmann R. & Zeilfelder S., Hgg. Wiesbaden: Reichert, 2016. S. 23–33.
4. Cortès C., Szabós H. Un exemple de catégorisation des noms, des verbes et des adjectifs par le langage naturel: les adverbes allemands en –weise // Cahier du CIEL. 1994–1995. P. 185–213.
5. Donalies E. Morphologie: Morpheme, Wörter, Wortbildungen // Ossner J., Zinsmeister H. Sprachwissenschaft für das Lehramt. 1. Auflage. Paderborn: UTB GmbH, 2014. S. 157–180.

6. Duden – Die Grammatik. 9. Auflage, vollständig überarbeitete und aktualisierte. Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2016. 1344 S.
7. Elsner D. Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit -weise/-erweise // Grammar and Corpora. 2016. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2018. S. 211–220.
8. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin: de Gruyter, 2012. 504 S.
9. Geuder W. Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2019. Band 38. Heft 2. S. 191–241. DOI: 10.1515/zfs-2019-2004.
10. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Stuttgart: Klett, 2013. 654 S.
11. Helbig G., Helbig A. Lexikon deutscher Modalwörter. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1990. 300 S.
12. Müller K. Satzadverbien und Evidentialität. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. 373 S.
13. Pittner K. Adverbiale im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Stellung und Interpretation. Tübingen: Narr, 1999. 390 S.
14. Pittner K., Berman J. Deutsche Syntax. Ein Arbeitsbuch. 6., aktualisierte Auflage. Tübingen: Gunther Narr Verlag, 2015. 208 S.
15. Pittner K., Elsner D., Barteld F. Adverbs: Functional and diachronic aspects. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. 280 p.

REFERENCES

1. Pervak T. V. [Derived words with the -weise suffix in German: formation and interpretation]. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2022, no. 3 (31). Available at: https://rulb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.13 (accessed: 27.08.2022). DOI: 10.18454/RULB.2022.31.13
2. Pervak T. V. [The semantics of modal words with suffix -weise in German]. In: *GERMANISTIKA 2021: NOVE ET NOVA: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12 noyabrya 2021, MGLU, g. Moskva)* [GERMANISTICS 2021: NOVE ET NOVA: Proceedings of the IV International Scientific Conference (November 10–12, 2021, MSLU, Moscow). Moscow, Moscow State Linguistic University, 2021, pp. 124–129.
3. Axel-Tober K. Satzadverbiale im Deutschen: synchrone und diachrone Fragen bei einem 'scheints' alten Thema. In: Neri S., Schuhmann R. & Zeilfelder S., Hgg. *„dat ih dir it nu bi huldi gib" – Linguistische, germanistische und indogermanistische Studien Rosemarie Lühr gewidmet.* Wiesbaden, Reichert, 2016, S. 23–33.
4. Cortès C., Szabós H. Un exemple de catégorisation des noms, des verbes et des adjectifs par le langage naturel: les adverbes allemands en –weise. In: *Cahier du CIEL*, 1994–1995, pp. 185–213.
5. Donalies E. Morphologie: Morpheme, Wörter, Wortbildungen. In: Ossner J., Zinsmeister H. *Sprachwissenschaft für das Lehramt. 1. Auflage.* Paderborn, UTB GmbH, 2014, S. 157–180.
6. Duden – Die Grammatik. 9. Auflage, vollständig überarbeitete und aktualisierte. Mannheim, Wien, Zürich, Dudenverlag, 2016, 1344 S.
7. Elsner D. Empirisch basierte Überlegungen zu Ableitungen mit -weise/-erweise. In: *Grammar and Corpora. 2016*. Heidelberg, Heidelberg University Publishing, 2018, S. 211–220.
8. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin, de Gruyter, 2012. 504 S.
9. Geuder W. Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen. In: *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2019, Band 38, Heft 2, S. 191–241. DOI: 10.1515/zfs-2019-2004.
10. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Stuttgart, Klett, 2013, 654 S.
11. Helbig G., Helbig A. Lexikon deutscher Modalwörter. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1990, 300 S.
12. Müller K. Satzadverbien und Evidentialität. Berlin, Boston, De Gruyter, 2021, 373 S.
13. Pittner K. Adverbiale im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Stellung und Interpretation. Tübingen, Narr, 1999, 390 S.
14. Pittner K., Berman J. Deutsche Syntax. Ein Arbeitsbuch. 6., aktualisierte Auflage. Tübingen, Gunther Narr Verlag, 2015, 208 S.
15. Pittner K., Elsner D., Barteld F. Adverbs: Functional and diachronic aspects. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2015, 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Первак Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии факультета романо-германских языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: alexfirst@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Pervak – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Germanic Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: alexfirst@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Первак Т. В. Словообразовательные модели отсубстантивных наречий с суффиксом *-weise* в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 78–85.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-78-85

FOR CITATION

Pervak T. V. Word-formation models of substantive adverbs with the suffix *-weise* in German. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 78–85.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-78-85

УДК 070 + 811.112
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-86-94

КОМПОЗИЦИОННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ВЫВОДОВ В НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЯХ

Шестерина Е. А.
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Исследовать композицию и содержательный аспект заключительной части публицистического комментария в немецких СМИ и описать лингвистические механизмы реализации интенций журналистов-комментаторов.
Процедура и методы. Проведён структурно-содержательный анализ немецких публицистических комментариев, выявлялись способы реализации позиции авторов в комментариях, а также потенциал языковых компонентов усиливать воздействие на реципиентов.
Результаты. Выводы автора комментария включают в себя три основные составляющие: маркирование перехода от аргументативной к резюмирующей части комментария, формулирование собственной позиции и обращение к читателям или слушателям.
Теоретическая и/или практическая значимость. Работа уточняет специфику жанра «публицистический комментарий» на современном этапе развития СМИ. Результаты исследования применимы на учебных занятиях по реферированию газетных материалов, а также в журналистской практике.

Ключевые слова: публицистический комментарий, композиционно-речевые формы, жанры речи, средства массовой информации, авторские интенции

COMPOSITION AND CONTENT OF CONCLUSIONS IN GERMAN OPINION PIECES

E. Shesterina
MGIMO University
Prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract
Aim. To study the composition and the content aspect of the final part of opinion pieces in the German media and describe the linguistic mechanisms for the implementation of the journalists' intentions.
Methodology. A structural and content analysis of German opinion pieces was carried out, ways of implementing the position of the authors in their articles were identified, as well as the potential of language components to increase the impact on recipients.
Results. The conclusions of the author of the opinion pieces include three main components: marking the transition from the argumentative to the summarizing part of the commentary, formulating one's own position and appealing to readers or listeners.
Research implications. The study clarifies the specifics of the genre of "opinion piece" at the present stage of media development. The practical significance is determined by the applicability of the

© CC BY Шестерина Е. А., 2022.

research results in training sessions on rendering newspaper materials, as well as in journalistic practice.

Keywords: opinion piece, compositional and speech forms, genres of speech, mass media, author's intentions

Введение

В последние годы общественность сталкивается с лавинообразным ростом так называемых «фейковых» новостей, которые не только дезинформируют, но и дезориентируют как простых обывателей, так и политические элиты многих стран. **Актуальность** исследования политических комментариев обусловлена потребностью противодействовать разрушительной силе такой деструктивной информации, разоблачать её и доказывать её несостоятельность. Немаловажную роль играют при этом СМИ и, в частности, журналисты, специализирующиеся на написании текстов в жанре «комментарий».

Жанр публицистического комментария

Истоки исследования комментария восходят к обращению лингвистов к композиционно-речевым формам в конце прошлого столетия. Так, комментирование наряду с аргументированием определяется как составляющая композиционно-речевой формы «рассуждение» [2, с. 267], с их помощью автор текста не только излагает готовые знания, как в повествовании, но и движется от неизвестного к известному, обнаружению нового знания, превращению его в своего рода научный текст [8, с. 85]. Другие авторы, как, например, И. А. Шипова, рассматривают комментарий и разъяснение, передающие логическое развитие мыслей автора, в качестве элементов композиционно-речевой формы «рассуждение» [7, с. 152].

В научной литературе бытует схожее мнение относительно публицистических жанров, ориентированных на объективную передачу фактологической информации и на представление мнения автора текста относительно тех или иных событий [ср. напр.: 10, S. 140; 11, S. 241; 13, S. 300]. К первой группе текстов относятся новости и сообщения, вторую группу образуют комментарии различного вида. В отличие от фактологических типов текста, комментарии всегда сопровождаются ссылкой на их авторов. Если средство массовой информации помещает у себя комментарий приглашённого автора, то часто к комментарию прилагается информация об авторе, его образовании, карьере и интересах, чтобы читатель смог ознакомиться с «бэкграундом» этого эксперта и, возможно, прояснить для себя мотивацию журналиста, в соответствии с которой он занимает определённую позицию в отношении объекта комментирования.

В немецкой публицистике к жанру комментария относятся такие типы текстов, как передовая или редакционная статья (Leitartikel), краткий комментарий в иронической форме (Glosse), колонка автора (Kolumne), характеризующаяся регулярностью выхода, авторской маркированностью и стилистической особенностью построения, а также собственно комментарии (Kommentar) [12]. К жанру комментирования можно отнести также типы текста «рецензия» и «комментирование». В рецензии представляется критика научных или художественных произведений как письменного, так и медийного характера [4, с. 412]. Комментирование – это интерпретация, объяснение, истолкование сложных для понимания текстов, таких как законы, литературные произведения, религиозные трактаты и т. п. При этом комментатор видит свою основную задачу в том, чтобы описать актуальное в данный момент событие/явление с различных точек зрения, убедив при этом свою читатель-

скую аудиторию в верности собственной позиции [ср.: 3, с. 103; 6, с. 147].

Комментарий как публицистический жанр представляет собой текст, в котором автор рассматривает актуальную ситуацию, занимает в отношении неё собственную позицию и может предлагать своё решение проблемы. При этом на передний план выдвигается либо оценка ситуации, либо аргументация, связанная с критикой тех, кто уже пытался разрешить проблему для урегулирования её критических моментов. В этом смысле комментарий вносит определённый вклад в более широкую общественную дискуссию по актуальной ситуации. В комментарии, как правило, обсуждается не вся ситуация в целом, а формулируется проблема и фокусируется внимание на различных подходах к её решению. Как правило, итогом комментирования является резюме, которое не может быть нейтральным.

Автор комментария ориентируется на уровень знаний и осведомлённости своих потенциальных читателей или слушателей относительно обсуждаемой ситуации. Важным аспектом в этой связи выступает проблема понимания или непонимания размышлений автора комментария реципиентами [см. напр.: 1; 5]. Объём комментария в немецких СМИ составляет от двух до четырёх минут его прочтения или озвучивания. Такой ограниченный объём не позволяет автору представить объект комментирования или характер складывающейся актуальной ситуации подробно, с представлением различных деталей. Он вынужден прибегать к различным средствам и приёмам компрессии содержания, выделению только наиболее релевантных составляющих затрагиваемой проблематики.

Характеристика типа публицистического текста «комментарий»

Несмотря на то, что в комментарии в обязательном порядке коротко представляется ситуация, которой он посвящается, в тексте тем не менее превалирует аргументация. Авторы-комментаторы прибегают к понятной аргументативной структуре: постановка ключевого вопроса – формулирование положений – аргументативное представление положений. При реализации аргументативной структуры авторы стараются придать своим аргументам бóльшую убедительность, по возможности привлечь аргументы противной стороны, а также при необходимости опровергнуть аргументы, доминирующие в общественном дискурсе.

Важной характеристикой публицистического комментария является обращённость его авторов к своим читателям или слушателям. В отличие от текстов информационных и описательных публицистических жанров в комментариях журналисты непосредственно или завуалированно обращаются к своей аудитории в ходе аргументирования с целью привлечь их на свою сторону, сделать их своими соратниками или побудить их к размышлениям в связи с представленными аргументами.

Композиционное строение комментариев отличается от структуры текстов информационных жанров. Авторы стараются дать броский или даже провокационный заголовок своему комментарию, часто прибегая к игре слов и метафорам. Во вводной части объёмом от одного до трёх предложений даётся краткое представление проблемы, которой автор будет заниматься в предпринятом комментарии. Комментатор может и не делать краткий экскурс в рассматриваемую проблему, ограничившись лишь её обозначением одним словом или словосочетанием, но в самом начале текста он должен чётко представить свою позицию и обозначить основной тезис или положение, которые, по его мнению, будут способствовать решению затрагиваемой проблемы.

Основное тело комментария – это аргументация автора. В зависимости от поставленных целей автор комментария прибегает к различным средствам аргу-

ментирования. Если, например, в центре внимания автора находится широко распространённое мнение, то комментатор может показать его несостоятельность полностью или только его отдельных сторон, чтобы поставить под сомнение огульное обобщающее суждение. Аргументация может быть направлена на то, чтобы опровергнуть один или несколько существующих взглядов на предмет рассмотрения или же доказать правоту своего мнения и выдвигаемых положений. Аргументативная часть публицистического комментария отличается высокой частотностью применения различных стилистических фигур, что лишает комментарий нейтральности повествования и придаёт ему высокую эмоциональность.

Заключительным разделом любого публицистического комментария является вывод или заключение – резюмирование вышесказанного. В данном пункте автор делает отсылку к своим положениям, сформулированным в водной части комментария, при необходимости суммирует несколькими предложениями свои аргументы и озвучивает своё видение решения обозначенной проблемы.

Большинство исследований публицистического жанра «комментарий» на немецком языке посвящено исследованию его аргументативной части [ср. напр.: 9; 11; 13; 14; 15 и др.]. Лингвистическая составляющая заключительной часть не получила до сих пор подробного освещения в научной литературе. Исследователи ограничиваются лишь указанием на стратегическую важность выводов авторов комментариев и их посылы к читателям с целью побудить их более критично отнестись к доминирующим мнениям («мейнстриму») в общественном дискурсе. В связи с этим в настоящей работе ставится **цель** – исследовать композицию и содержательный аспект заключительной части публицистического комментария в немецких СМИ, а также описать лингвистические механизмы реализации интенций журналиста-комментатора.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили 28 скриптов аудиокомментариев объёмом 65 стандартных страниц (1 стандартная страница = 1800 печатных знаков с пробелами), опубликованных на сайте Deutschlandfunk в рубрике “Kommentare und Themen der Woche“ в 2021–2022 гг. и написанных разными авторами[1].

Методика поведения исследования основывалась на структурно-содержательном анализе текстов комментариев с целью выявления их заключительной части – выводов авторов. Основным критерием разграничения аргументативной и резюмирующей частей комментария послужили фразы-коннекторы, с помощью которых совершается отсылка к тезисам автора, обозначенным им в водной части текста, а также маркируется апелляция автора к читательской или слушательской аудитории.

На следующем этапе проведения исследования выявлялась интенциональность высказываний авторов и речевые тактики их реализации в резюмирующей части комментариев. Также анализировались языковые компоненты высказывания и их потенциал воздействия на читателей или слушателей.

Результаты исследования и их обсуждение

Наш анализ показал, что единой композиционной структуры заключения в публицистическом комментарии не существует. Наиболее полная структура комментария состоит из следующих компонентов, которые могут комбинироваться в любой последовательности:

1) маркирование перехода от аргументативной к резюмирующей части,

2) формулирование собственной позиции,

[1] См.: Kommentare und Themen der Woche [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk : [сайт]. URL: https://www.deutschlandfunk.de/kommentare-und-themen-der-woche-100.html (дата обращения: 30.04.2022).

3) обращение к читателям или слушателям.

Рассмотрим подробнее структуру и содержание каждого компонента резюмирующей части комментария.

Переход от аргументативной к заключительной части комментария

Для эксплицитного маркирования заключительной части своего публицистического комментария авторы часто используют частицы логического вывода из предыдущего рассуждения, например:

***Also**, wie sieht es hier in Deutschland aus …*(14.02.2022)

***So gesehen** sind die politischen Aufgaben, die es zu erledigen gilt, ziemlich konkret.* (02.12.2021)

Ещё одним средством перехода к выводам комментария могут служить вводные слова для обозначения того, что предстоящее высказывание употребляется в связи с только что сказанным или в дополнение к нему, например:

*Und **übrigens**: Schon vor der Pandemie war der Aufbau von Online-Vertriebskanälen angesichts der Konkurrenz von Amazon & Co. ein Muss*. (21.12.2021)

***Außerdem**: neue Viren wird es immer wieder geben.* (25.01.2022)

В некоторых случаях комментатор комбинирует различного рода перечисления и выводы. При этом последний пункт в ряду перечисляемых факторов часто соответствует позиции автора и выражается наречием с финальной семантикой, как в следующих примерах:

*Und **schließlich drittens**: Nächstes Jahr wählt Bayern eine neue Staatsregierung.* (09.02.2022)

***Es bleibt dabei**: Die EU-Staaten müssen sich auf eine Aufteilung einigen …* (18.10.2021)

Обращение автора к позиции, выражающей противоположное мнение существующим подходам к решению рассматриваемой проблемы, также может служить обозначением перехода от аргументативной к заключительной части своего комментария:

***Heißt im Umkehrschluss**: Die dritte Impfung … muss den Bürgern jetzt im wahrsten Sinne des Wortes vor die Füße fallen*. (21.12.2021)

Среди маркеров заключительной части публицистического комментария в анализируемом немецком материале зафиксированы лексические средства, с помощью которых совершается сведéние предшествующих размышлений к единому тезису, поддерживаемому автором комментария, например:

***In Summe macht das alles** den Spielabbruch von Duisburg zu einer Art Goldstandart für den Umgang mit rassistischen Beleidigungen im Stadion*. (21.12.2021)

Заключительная часть комментария в немецких средствах массовой коммуникации может и не обозначаться вводными словами и конструкциями. Так, выводы автора могут начинаться с высказываний, которые отражают имеющуюся потребность в чём-либо или существующую необходимость выполнить какие-то действия, контрастирующие с предыдущими пассажами:

***Europa braucht in den nächsten Jahren Milliarden-Investitionen** in Windräder und Solaranlagen, in Stromleitungen und Energiespeicher*. (02.02.2022)

В заключительной части автор комментария может предложить решение обсуждаемой проблемы, сославшись на так называемых «авторитетов». В качестве авторитетов могут выступать как отдельные личности, пользующиеся уважением в обществе, так и различные организации, например:

***Im sogenannten KSE-Vertrag war haarklein festgelegt**, wie die konventionellen Streitkräfte verteilt sein sollen, wie viele Panzer, Flugzeuge, Artilleriewaffen wo stehen dürfen.* (01.02.2022)

Формулирование автором собственной позиции

Выражение комментаторами своей собственной позиции относительно обсуждаемой в обществе темы происходит

с помощью различных речевых тактик. Анализ немецких публицистических комментариев показал, что журналисты лишь в 4 из 28 проанализированных комментариев оформляют свою позицию перформативно, как, например, в следующих примерах:

***Und ich sage auch hier**: Gut, dass Steinmeier Staatsoberhaupt bleibt!* (13.02.2022)

*Ähnliches wird man in den kommenden Debatten übers Gas hören. **Mein Rat**: Hören Sie genau hin, wer da was sagt*. (19.02.2022)

Для усиления правоты занимаемой позиции комментатор может эксплицитно согласиться с мнением авторитетного политика, который ранее предлагал схожее видение решения проблемы, и высказать при этом симпатию в его адрес:

***Ich traue es ihm** [Steinmeier] zu und seiner Frau*. (13.02.2022)

Чтобы подчеркнуть важность решения обсуждаемый проблемы, автор комментария может построить директивное высказывание, как в следующем случае:

***Nun gilt es aber**, den Blick nach vorne zu richten und die Geschäfte so auf- oder umzubauen, dass sie auch in kommenden stürmischen Zeiten wetterfest sind.* (20.12.2021)

Для указания на важность своего мнения по рассматриваемой теме комментатор может сделать акцент на том, что предлагаемое или поддерживаемое им решение проблемы является необходимым для позитивного развития всего общества в будущем, например:

*Das dauert länger als in Großbritannien oder Dänemark, **aber wichtiger ist**, dass wir unsere Omikron-**Chance nicht verspielen**.* (30.01.2022)

Нередко авторы комментариев в категоричной форме требуют обратить внимание ответственных лиц на срочность решения проблемы, что демонстрируют следующие примеры:

***Es wird Zeit**, das im Koalitionsvertrag vereinbarte Klimageld Wirklichkeit werden zu lassen.* (02.02.2022)

*… Es sollte nun **schleunigst** zu einer Priorität erklärt werden, um es noch in diesem Jahr auf den Weg zu bringen*. (02.02.2022)

***Es braucht dringend** eine Alters-Untergrenze bei Olympia*. (14.02.2022)

В зависимости от занимаемой позиции комментатор может обратить внимание своих читателей или слушателей на очевидную эффективность или неэффективность предлагаемых решений в рамках широкой дискуссии по затрагиваемой проблеме:

*Mit der heutigen Entscheidung – **so absehbar sie war** – hat die Europäische Union eine Chance vertan*. (02.02.2022)

***Und schon jetzt ist klar**: Die Grünen wird all das weiter verändern.* (11.02.2022)

Ещё одной действенной речевой тактикой при формулировании позиции автора комментария является апеллирование к общечеловеческим ценностям, как, например, к праву человека на жизнь в следующем примере:

*Mit dem **Leben von Afghaninnen und Afghanen** darf man nicht länger gespielt werden.* (18.12.2021)

Эксплицитное указание на отсутствие альтернатив тому решению проблем, которое поддерживает комментатор, может быть направлено на то, чтобы привлечь читательскую или слушательскую аудиторию на сторону автора публицистического комментария, например:

***Einen anderen Ausweg gibt es nicht** – der Preis ist für alle zu hoch*. (04.02.2022)

В ходе анализа выводов в публицистических комментариях немецких СМИ была выявлена ещё одна речевая тактика формулирования авторами аналитических статей своей позиции – выражение надежды на решение проблемы в будущем, в том числе и с помощью конъюнктива в функции нереального желания, как в следующих примерах:

***Es bleibt zu hoffen**, dass die neue Regierung es besser machen wird.* (20.10.2021)

***Es wäre gut**, **wenn** die neue Regierung eine europäische Seenotrettungsmission **initiieren würde** …*(20.10.2021)

Обращение автора к читателям или слушателям

Обращение автора к читателям или зрителям не является обязательным компонентом заключительной части публицистического комментария. Если же комментатор использует обращение к своей аудитории, он стремится тем самым побудить читателей и слушателей к последующим действиям или размышлениям – что они должны делать и на какие вопросы должны найти ответ после прочтения комментария.

Обращение автора может быть имплицитным и включать читателей и слушателей в свою целевую аудиторию с помощью инклюзивного *wir*:

*Das hat Corona alle schon mehrfach gelehrt – **wir** wissen nicht, was noch kommt.* (14.02.2022)

В круг «своих» могут быть включены более широкие социальные группы или даже вся страна. Для этого автор использует метонимические переносы или генерализацию с помощью существительных *Land*, *Staat*, *Rebublik*, *Bundesrepublik*, *Deutschland* и т. п., местоимения *alle* и прилагательного *ganz*, как в следующих высказываниях:

*Damit am Ende **alle** bereit sind, falls eine gefährlichere Corona-Mutante unterwegs ist.* (01.02.2022)

*Und das wird **ganz Deutschland** bald spüren*. (09.02.2022)

Некоторые обращения комбинируются с призывом или требованием автора обратить внимание на рассматриваемую проблему, например:

***Diesmal sollten wir das Ende bedenken und davon ausgehen**, dass die Corona-Pandemie bald zu Ende gehen und zu einer Endemie werden könnte, wenn wir jetzt keinen Fehler machen.* (06.02.2022)

Заключение

Проведённое нами исследование публицистических комментариев в немецких СМИ показало, что в каждой статье, относящейся к жанру «комментарий», эксплицитно или завуалировано представлено мнение автора, в котором отражена оценка предпринимаемых в обществе мер в связи с волнующей граждан проблемой и предлагаются собственные варианты её решения. Композиционно данный пункт располагается в подавляющем большинстве случаев в заключительной части комментария. В свою очередь, выводы автора включают в себя три основные составляющие: маркирование перехода от аргументативной к резюмирующей части комментария, формулирование собственной позиции и обращение к читателям или слушателям.

Среди наиболее употребительных маркеров перехода от аргументативной части комментария к резюмирующей используются частицы логического вывода из предыдущего рассуждения, слова и выражения для связи с только что сказанным, наречия с финальной семантикой, лексические средства суммирования представленных ранее подходов к решению обсуждаемой проблемы, указание на имеющуюся потребность в чём-либо или существующую необходимость выполнить какие-то действия, ссылка на так называемых «авторитетов».

Формулируя свою собственную позицию в отношении обсуждаемой проблемы, комментатор может использовать целый ряд речевых тактик: поддержание мнения авторитетного политика; директивные высказывания; акцентирование внимания на необходимости выбора определённого решения проблемы для дальнейшего позитивного развития общества; указание на неотлагательный характер устранения трудностей, очевидную эффективность или неэффективность предлагаемых решений; апеллирование к общечеловеческим ценностям; указание на отсутствие альтернатив тому решению проблем, которое поддерживает комментатор; выражение надежды на решение проблемы в будущем.

Обращение автора к читателям или слушателям направлено на то, чтобы по-

будить их задуматься о существующей проблеме и, возможно, внести свой вклад в её разрешение. Основными маркерами данного компонента резюмирующей части публицистического комментария являются инклюзивное wir, метонимические переносы или генерализация с помощью существительных типа Land, Deutschland, местоимения alle и прилагательного ganz.

Дата поступления в редакцию 31.05.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушак В. М. Дискурсивная парадигма речевого поведения. Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. 166 с.
2. Десяева Н. Д., Арефьева С. А. Стилистика современного русского языка. М.: Академия, 2008. 272 с.
3. Калашникова Е. А., Кремер И. Ю. Репрезентация категории локальной связности в рамках политического комментария // Современные концепции романо-германской филологии, лингводидактики и межкультурной коммуникации: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 30 марта 2022 г.). Рязань: Рязанское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова, 2022. С. 102–106.
4. Кремер И. Ю. Структурно-вербальные особенности рецензий-описаний в сфере немецкоязычной научной коммуникации // New World. New Language. New Thinking. Выпуск II: сборник материалов II ежегодной международной научной-практической конференции. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2019. С. 412–417.
5. Федорова А. А. Проблема понимания публицистического текста: анализ комментариев // Ratio et Natura (научный электронный журнал). 2021. № 1(3). URL: https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2021-05/problema-ponimaniya-publicisticheskogo-teksta_analiz-kommentariev.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
6. Фомина Д. А. Комментарий в российской журналистике: особенности жанра, творческие приемы (на примере публикаций Ю. Щекочихина) // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 1. С. 147–151.
7. Шипова И. А. Композиционно-речевые формы повествования как составляющая метасемиотического пространства нарративного художественного текста (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1 (383). С. 150–154.
8. Ягенич Л. В. Композиционные формы речи англоязычного письменного научного медицинского текста // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 84–87.
9. Gehr M. Metaphern und Redewendungen im politischen Kommentar. Wiesbaden: Springer VS, 2014. 181 S.
10. Hooffacker G. Online-Journalismus. Texten und Konzipieren für das Internet. Ein Handbuch für Ausbildung und Praxis. Wiesbaden: Springer VS, 2020. 274 S.
11. Kurz J. Kommentar // Stilistik für Journalisten / Kurz J., Müller D., Pötschke J., Gehr M. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. S. 241–264.
12. Lüger H.-H. Pressesprache // Germanistische Hefte / Hrsg. v. O. Werner und F. Hundsnurscher. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 1–46.
13. Mast C. ABC des Journalismus. Ein Handbuch. Konstanz und München: UVK Verlagsgesellschaft, 2012. 626 S.
14. Schalkowski E. Kommentar, Glosse, Kritik. Konstanz: UVK, 2011. 230 S.
15. Schneider W., Raue P. J. Das neue Handbuch des Journalismus und des Online-Journalismus. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 2012. 464 S.

REFERENCES

1. Glushak V. M. *Diskursivnaya paradigma rechevogo povedeniya* [Discursive paradigm of speech behavior]. Surgut, Surgut State University Publ., 2006. 166 p.
2. Desyayeva N. D., Aref'yeva S. A. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Stylistics of the modern Russian language]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 272 p.
3. Kalashnikova Ye. A., Kremer I. Yu. [Representation of the category of local connectivity within the framework of political commentary]. In: *Sovremennyye kontseptsii romano-germanskoy filologii, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ryazan', 30 marta 2022 g.)* [Modern concepts of Romano-Germanic philology, linguodidac-

tics and intercultural communication: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ryazan, March 30, 2022)]. Ryazan, Ryazan Higher Airborne Command School named after General of the Army V. F. Margelov Publ., 2022, pp. 102–106.
4. Kremer I. Yu. [Structural and verbal features of reviews-descriptions in the German language scientific communication]. In: *New World. New Language. New Thinking. Vipysk II: sbornik materialov II yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy-prakticheskoy konferentsii* [New World. New Language. New Thinking. Issue II: collection of materials of the II annual international scientific and practical conference]. Moscow, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, 2019, pp. 412–417.
5. Fedorova A. A. [The problem of understanding journalistic text: analysis of comments]. In: *Ratio et Natura (nauchnyy elektronnyy zhurnal)* [Ratio et Natura (e-journal)], 2021, no. 1 (3). Available at: https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2021-05/problema-ponimaniya-publicisticheskogo-teksta_analiz-kommentariev.pdf (accessed: 10.05.2022).
6. Fomina D. A. [Commentary in Russian journalism: the genre features and creative methods (on example of Yu. Schekochihin publications)]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev], 2018, vol. 1, no. 1, pp. 147–151.
7. Shipova I. A. [Composite-speech narration form as a component of metasemiotic's space of narrative text (German material)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 1 (383), pp. 150–154.
8. Yagenich L. V. [Compositional forms of speech in the English written scientific medical text]. In: *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2018, vol. 7, no. 3 (24), pp. 84–87.
9. Gehr M. Metaphern und Redewendungen im politischen Kommentar. Wiesbaden, Springer VS, 2014. 181 S.
10. Hooffacker G. Online-Journalismus. Texten und Konzipieren für das Internet. Ein Handbuch für Ausbildung und Praxis. Wiesbaden, Springer VS, 2020. 274 S.
11. Kurz J. Kommentar. In: Kurz J., Müller D., Pötschke J., Gehr M. *Stilistik für Journalisten*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010, S. 241–264.
12. Lüger H.-H. Pressesprache. In: Werner O., Hundsnurscher F., Hrsg. *Germanistische Hefte*. Tübingen, Niemeyer, 1995, S. 1–46.
13. Mast C. ABC des Journalismus. Ein Handbuch. Konstanz und München, UVK Verlagsgesellschaft, 2012. 626 S.
14. Schalkowski E. Kommentar, Glosse, Kritik. Konstanz, UVK, 2011. 230 S.
15. Schneider W., Raue P. J. Das neue Handbuch des Journalismus und des Online-Journalismus. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch, 2012. 464 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестерина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России;
e-mail: niky.07@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Shesterina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German Language, MGIMO University;
e-mail: niky.07@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шестерина Е. А. Композиционно-содержательное построение выводов в немецких публицистических комментариях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 86–94.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-86-94

FOR CITATION

Shesterina E. A. Composition and content of conclusions in German opinion pieces. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 86–94.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-86-94

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-95-98

«ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТАКТОВ И КОНФЛИКТОВ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ» (О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ИЛИМК МГОУ, 27–28 ОКТЯБРЯ 2022 Г.)

Вековищева С. Н., Савченко Е. П.
Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

LANGUAGE AS A MEANS OF CONTACTS AND CONFLICTS: CAUSES AND CONSEQUENCES (INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE HELD ON THE 27–28TH OCTOBER 2022)

S. Vekovischeva, E. Savchenko
Moscow Region State University
ulitsa. Veri Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Лингвистический факультет Московского государственного областного университета и Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) на протяжении многих лет поддерживают научные контакты, обмениваются научно-практическим опытом, бережно хранят научную дружбу и профессиональное товарищество. Так, уже давно руководством лингвистического факультета и ведущими научными сотрудниками отдела языкознания ИНИОН РАН планировалось провести совместное мероприятие, научно-практическую конференцию международного уровня, которая бы стала дискуссионной площадкой для отечественных и зарубежных исследователей и учёных в области лингвистики, филологии, культурологии и литературоведения. Задуманное исполнилось: 27–28 октября 2022 г. на базе лингвистического факультета МГОУ прошла международная научно-практическая конференция «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия».

Проблематика конференции изначально предполагалась достаточно широкой и должна была продемонстрировать стремление современного языкознания к междисциплинарности и межкультурной научной коллаборации среди учёных, всесторонне изучающих языковую интерференцию, язык и идентичность, миграционные процессы и «новую» идентичность, язык как ресурс мультикультурализма, языковую ситуацию в странах Европы, национальную культуру через призму языка, культурно-языковые проблемы миграции, «языковой капитал» как ценность в условиях интенсивных межъязыковых и межкуль-

турных контактов, миноритарные языки в условиях глобализации, билингвизм и полилингвизм в социолингвистическом аспекте.

Актуальность конференции и значимость затрагиваемых вопросов обусловлены теми значительными изменениями на геополитической арене, которые происходят на наших глазах, результаты которых мы можем уже сейчас наблюдать в языке.

Неудивительно, что конференция привлекала исследователей, учёных, экспертов не только из России, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья. Организаторы конференции получили более 250 заявок на участие в конференции в различных форматах: очно и дистанционно, в качестве докладчиков и слушателей, от признанных экспертов и молодых исследователей.

Торжественно открыли конференцию Ирина Фёдоровна Беляева, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации, и Татьяна Владимировна Холстинина, заведующая кафедрой теории языка, англистики и прикладной лингвистики. Кафедра, которой руководит Татьяна Владимировна, традиционно выступает инициатором масштабных научных мероприятий, проводимых на лингвистическом факультете. В этом году кафедра теории языка, англистики и прикладной лингвистики также не осталась в стороне, преподаватели кафедры приняли активное участие в организации столь важного события, выступили в роли радушных и гостеприимных хозяев.

Пленарное заседание конференции открыла декан лингвистического факультета Светлана Николаевна Вековищева. Её совместный доклад с архимандритом, кандидатом богословия Глебом Кожевниковым из Московской духовной академии был посвящён образной эвфемии как способу избежания конфликтных ситуаций, был встречен аудиторией очень тепло, нашёл поддержку среди присутствующих, вызвал живую дискуссию.

Доклад Ирины Олеговны Мазирки «Роль искусственного билингвизма в свете решения проблем межкультурной коммуникации в современной политической ситуации российского общества», доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики МГОУ, представлял собой своеобразный анализ языковой ситуации в России и странах ближнего зарубежья. Ирина Олеговна подчеркнула важность сохранения родного, русского языка и необходимость изучения иностранных языков, ведь именно язык является бесценной сокровищницей национально-культурной информации, вместилищем памяти народа, которую ни в коем случае нельзя потерять.

Партнёрами лингвистического факультета из Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук был представлен доклад «Идеи глобализма Александра Македонского и древнегреческий язык как lingua franca эпохи эллинизма». Выступление доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом языкознания Эммы Борисовны Яковлевой был пронизан историческими фактами и событиями и представлял собой реконструкцию исторических событий времён Александра Македонского. Полномасштабный обзор исторической эпохи эллинизма включал в себя не только и не столько языковые факты, столько факты внеязыковые: политические, социокультурные. Доклад был представлен в классической манере, был интересен молодым учёным и будущим исследователям.

Безусловный фурор произвёл доклад Ирины Николаевны Филипповой «Апроприация как стратегия интерсемиотического “перевода”». Ирина Николаевна представляет Московский государственный областной университет, является доктором филологических наук, доцентом, профессором кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики. Сам практический, лингвистический

материал доклада близок и понятен каждому представителю русской национальной идентичности – текст произведения А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Доклад сопровождался видео- и аудиорядом, вызвал настоящую бурю эмоций.

Нельзя не упомянуть и о докладе Натальи Викторовны Зененко «Параметры системного анализа институционального дискурса различных этнокультур» из Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков, эксперт в области теоретической грамматики, её доклады неизменно привлекают публику своей логичной структурой, доказательностью и теоретической базой.

В завершении пленарного заседания выступил Михаил Александрович Марусенко, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, с докладом на тему «Система образования и человеческий капитал в переходных экономиках».

Работа первого дня конференции продолжилась на секциях, которые проходили в смешанном формате, что в настоящее время позволяет объединять исследователей из разных университетов, городов и стран.

Второй день работы конференции «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» был отведён для работы секции молодых исследователей, студентов, магистрантов, аспирантов. Руководителями секции выступили доценты кафедры индоевропейских языков лингвистического факультета МГОУ Наталья Геннадиевна Сахарова, кандидат филологических наук, доцент, и Ирина Викторовна Бондаренко, кандидат филологических наук, доцент. В работе секции приняли участие более 40 молодых исследователей и более 20 слушателей.

Особо значимым событием в рамках проведённой конференции стал круглый стол «Проблемы преподавания русского языка как иностранного в российских вузах»

Модераторами выступили Ольга Сергеевна Крюкова, заведующий кафедрой истории словесности факультета искусств МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, Мария Борисовна Раренко, ведущий научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, доцент кафедры истории словесности факультета искусств МГУ им. М. В. Ломоносова, и Елена Павловна Савченко, кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана лингвистического факультета МГОУ.

Круглый стол прошёл в онлайн-формате, основными вопросами для обсуждения стали: инструменты цифровизации самостоятельной работы студентов; русский язык как друг и враг в современной культурной ситуации; проблемы преподавания русского языка как иностранного в российских вузах; специфика методического сопровождения проектной деятельности обучающихся при обучении РКИ; приёмы коммуникативно-деятельностного подхода в практике РКИ; проблемы обучения детей-инофонов младшего школьного возраста; проблема мотивации студентов неязыковых факультетов вузов при изучении русского языка как иностранного; преподавание русского языка как иностранного дистанционно: проблемы, наработки и перспективы; проблема отбора учебной литературы при обучении русскому языку студентов неязыковых специальностей.

Благодарим участников конференции за проявленный интерес к мероприятию! Надеемся на дальнейшее научное сотрудничество!

Дата поступления в редакцию 07.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вековищева Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, декан лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: fakul-ling@mgou.ru;

Савченко Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана лингвистического факультета по научной работе Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: ep.savchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana N. Vekovischeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Dean, Faculty of Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: fakul-ling@mgou .ru;

Elena P. Savchenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Deputy Dean for Research, Faculty of Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: ep.savchenko@mgou .ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вековищева С. Н., Савченко Е. П. «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» (о международной научно-практической конференции, ИЛИМК МГОУ, 27–28 октября 2022 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 5. С. 95–98.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-95-98

FOR CITATION

Vekovishcheva S. N., Savchenko E. P. Language as a means of contacts and conflicts: causes and consequences (International scientific conference held on the 27–28th october 2022). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 5, pp. 95–98.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-95-98

Для заметок

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (https://cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru).

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
2022. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 6,25, уч.-изд. л. 7,25.
Подписано в печать: 25.11.22. Выход в свет: 21.12.22. Заказ № 2022/11-07.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А